12+

Владимир Арро

"Смотрите, кто пришел!" и другие пьесы

Владимир Арро

“Смотрите, кто пришел!” и другие пьесы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арро В. К.

“Смотрите, кто пришел!” и другие пьесы / В. К. Арро — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге собрана большая часть драматургических произведений Владимира Арро - писателя, эссеиста, общественного деятеля. Пьесы В.Арро с успехом шли на сценах театра на Малой Бронной, МХАТа, Александринского театра, театров им. Маяковского, им. Моссовета, им. Акимова - более 200 премьер на 19 языках. От Абрау-Дюрсо начала 30-х годов XX века до Петербурга перестроечного времени - меняется язык персонажей и декорации, но перед героями встают все те же вечные вопросы о чести, верности исторической памяти, все то же искушение золотым тельцом. И по-прежнему сильнее всего оказывается Любовь.

© Арро В. К., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Об авторе 6
Радуйся! 7
Три истории из подворотни 25
Посетитель 25
Интервью 37
Бродячая музыка 44
На пути в Сингапур 53
Действие первое 54
Действие второе 71
Будни Офелии 90
Действие первое 91
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Об авторе

Писательскую жизнь Владимир Арро начинал в 60-е годы как автор книг для детей. Написанные по правилам тех лет «в назидание», они также отличались веселостью, живостью языка, парадоксальностью сюжетных ходов и выбора художественных приемов. Повести «Бананы и лимоны», «Мой старый дом», рассказ «Чиж-королевич» и сейчас входят в рекомендательные списки книг для чтения. Вторая профессия В.Арро – драматург. В 80-е годы он написал целую череду пьес, горячо принятых театрами, а затем и зрителями. Спектакли по пьесам «Высшая мера», «Смотрите, кто пришел!», «Пять романсов в старом доме», «Сад», «Синее небо, а в нем облака», «Колея», «Трагики и комедианты» были поставлены в лучших театрах страны – МХАТе им. Чехова, петербургской «Александринке», театре им. Маяковского, им. Моссовета, театре комедии им. Акимова, на Малой Бронной. Всего было выпущено более 200 премьер на 19 языках, в стране и за рубежом. Автор был одним из лидеров новаторского течения – «новой волны в драматургии». На рубеже веков, не оставляя драматургию, В.Арро увлекся документальной прозой, эссе. Вышли книги «Дом прибежища», «Тэрэ, Эстония!», «Вспышка освобождения», «Занавес открывается», «Желание жить», «Здесь и там». Общественный темперамент порою мешал творчеству и превращал писателя в публичного деятеля. В годы «перестройки» он был избран председателем Союза писателей Ленинграда (затем Петербурга), депутатом демократического Ленсовета, председателем комиссии по гласности.

Радуйся!
Одночастная пьеса-лубок

Эту историю будут сопровождать два музыкальных произведения: концерт ре-минор для струнного оркестра „Мадригалеско“ Антонио Вивальди и русское духовное песнопение Акафист на рождение Пресвятой Божьей Матери – оба во фрагментах. Кроме того, прозвучит несколько народных песен. (Почти все тексты взяты из собрания песен П.В. Киреевского. В отборе песен театры могут перехватить у автора инициативу, скажем, присмотреться к репертуару ансамбля Д.Покровского). Станут ли все они сочетаться? Кто знает, посмотрим. На всякий случай можно сказать точнее: будут сопровождать в сознании автора.

Действие происходит на барже, которую невидимый нам буксир влечет по реке, то есть, вглубь сцены. Так что на кормовой части баржи мы увидим: обшивку кормы, спасательные круги, кнехты, ограждение, румпель, небольшую надстройку, прикрывающую трап, который ведет вниз, в каюту шкипера. Кроме того, на палубе имеются: садовая скамейка, табуретки, стол, натянутая бельевая веревка, на которой тяжело висит мокрое женское платье. От буксира нам видна одна деталь: рубка с рулевым колесом, пусть она будет по мере необходимости спускаться сверху в глубине сцены.

Мы видим и перспективу реки, ее живописные и тесные берега, сжимающие реку до ширины деревенской улицы. Да это и есть улица – со сторонами „по левой руке“ и „по правой руке“, с мостками, выходящими к самой воде, с редкими рыбаками, с населением, где все друг друга знают и пользуются речной оказией для передачи новостей.

Участников этой истории мы сведем вместе. Пусть на левом берегу будут сидеть ***Пастух, Учитель, Бакенщик, Агрономша.*** *На правом берегу –* ***Милиционер, Завклубом, Рыбак, Зоотехник.*** *В необходимых случаях они образуют* ***Хор*** *под управлением Завклубом.* ***Капитан*** *буксира все действие будет оставаться на своем капитанском мостике, поглядывая на всех через бинокль и обращаясь к собеседнику исключительно через мегафон. А может быть, все они останутся за сценой и нам будут слышны только их голоса в звукозаписи. А на сцену выйдут лишь два главных героя –* ***Шкипер*** *и* ***Женщина.***

Капитан *(пробуя мегафон, дует в него).* Раз-раз-раз-раз!.. *(Голосом под Левитана.)* От Советского информбюро… *(Откашливается.)* Внимание всем службам… Машина готова?

Хор *(нестройно).* Готова-а.

Капитан. Не слышу.

Хор. Готова!

Капитан. На швартовых готовы?

Хор. Готовы.

Капитан. Шкипер готов? *(Пауза.)* Я спрашиваю, шкипер готов?

Пауза.

Эй, на барже!.. *(Глядит в бинокль.)* Заснул, что ли? *(Пауза.)* Та-ак, задерживаем отход… *(Пауза.)* Шкипер, мать твою!.. *(Дергает трижды за шнур.)*

Хор. У-у-у-у!.. У-у-у-у-у!.. У!

Снизу, из каюты, тяжело дыша, появляется ***Шкипер****, мокрый с головы до ног, сильно чем-то озабоченный. В руках у него подушка, ватные одеяла.*

Шкипер. Ладно, ладно, слышу… Здесь я… куда денусь.

Он тащит свою ношу к скамейке, и мы только теперь видим, что на ней лежит ***Женщина****, прикрытая кое-как парусиной. Мокрые ее волосы свешиваются до полу.*

Капитан *(глядя в бинокль).* Белобородов, а что это ты развесил?
Шкипер. Ладно, ладно!.. *(Срывает платье с веревки.)* Давай, погоняй.
Капитан. Погоняют лошадь, Белобородов. А у меня машина.
Шкипер. Ну и это… и заводи! *(Укрывает Женщину одеялами.)*
Капитан *(после паузы).* Погоди, ты мне почему командуешь? Вот новое дело!.. Ты что, флотской субординации не знаешь? *(Хору.)* Смотрите, он мне указания будет давать, заводить или не заводить.
Хор *(укоризненно).* Ну-у-у!..

Шкипер, ворча, выжимает платье и развешивает его на ограждении.

Капитан. Это, Белобородов, все равно, что телегу запрячь впереди лошади.
Шкипер *(в сердцах).* Да пошел ты!..
Капитан *(после паузы).* Та-ак… Значит, посылаем… Так и запишем… *(Пишет в блокнот.)* Ладненько, в порту разберемся. *(Деловито.)* Внимание всем службам… Машина готова?
Хор. Готова!
Капитан. На швартовых готовы?
Хор. Готовы!
Капитан. Шкипер?
Шкипер. Да готов я, готов…
Капитан. Давай, машина, помалу!..
Хор. Фыр-фыр-фыр-фыр!.. Хорошо-хорошо-хорошо-хорошо… Фыр-фыр-фыр-фыр!.. Хорошо-хорошо-хорошо…
Капитан *(на фоне хора).* Отдать швартовы! *(Тянет шнур.)*
Часть хора. У-ууууу!..

Шкипер вытягивает на борт канат, сворачивает его на палубе.

Капитан. Малый вперед!
Хор *(убыстряя темп).* Семеро-там, семеро-тут, семеро-там, семеро-тут! Семеро-семеро-семеро-семеро!..
Капитан *(с удовольствием).* Полный ход! *(С торжеством.)* Полный!..

Вот тут-то и возникает нежная мелодия концерта Вивальди (вторая часть), живописующая и простор берегов, и плавность речного потока, и неторопливость скольжения судна.

Шкипер встает на колени перед лежащей на скамье Женщиной, прикладывает ухо к ее груди, щупает пульс. Потом он подкладывает подушку, укутывает ее одеялом – все это с чрезвычайной заботливостью и тревогой.

Музыка стихает, из нее выделяется лишь мелодия английского рожка. Это играет Пастух.

Зоотехник *(с правого берега на левый).* Эй, пастух! Погоди-ка играть! Шкипер-то никак утопленницу вытащил! *(Вглядывается из-под ладони.)*
Пастух. Чего-о?..

Зоотехник. Женщину, говорю, утопленницу!

Пастух. Кто?

Милиционер. Шкипер? *(Вглядывается.)* А протокол?

Пастух *(Учителю.)* Слыхал? Шкипер-то женщину!.. *(Усмехается.)* Ёк-калэ!

Учитель *(подумав).* Чего женщину?

Пастух. Чего-чего! Это… утопил! *(Играет на рожке.)*

Рыбак. Граждане, да не утопил, зачем наговаривать! Вытащил он ее!

Милиционер. Документы имеются?

Бакенщик. Это который шкипер-то? Белобородов?

Завклубом. Чего он?

Бакенщик. Не то вытащил кого-то, не то утопил.

Завклубом. Кого?

Пастух. Женщину, ёк-калэ!.. *(Играет.)*

Милиционер. Кто такая? Где прописана?

Завклубом. А-а, этот может!

Мать. Чего может?

Завклубом. И вытащить и это… и утопить.

Агрономша. Кого?

Пастух. Кого-кого! Заковокала. Женщину, ёк-калэ!

Агрономша. Какая женщина?!. Что еще за женщина!.. Ваня, кто она тебе?

Голоса *(одновременно).* А она-то – с дебаркадера – уух!.. Да ну?.. Дак упала, наверное! Ан не-ет, сама! Вот те крест – сам видел!.. А он нырнул за ней!.. Как селезень. Кто она ему?.. Да кто ж ее знает!

Милиционер. Погоди кричать!.. *(Свистит.)* Тиха-а!..

Умолкают.

Тихо, граждане. А это не та, которая у нас с капэзэ сбежала?..

Голоса. Сбежала у них какая-то… Да ну?.. Не то воровка, не то проститутка… Во-от ка-ак!.. Охранника обманула… Ага!.. Вот времена пошли. Сидеть никто не хочет.

Милиционер. Шкипер!

Бакенщик. Белобородов!

Учитель. Слышь, шкипер!

Снова общий шум. Все выкрикивают по одной фразе, образуя хоровой гомон. Он звучит трижды, каждый раз в более высокой тональности, пока резко не обрывается. Из него вытекает стихшая было мелодия.

Пока говорил Хор, Шкипер снова спускался вниз и вернулся с початой бутылкой. Сейчас он стоит на коленях перед скамейкой и трет Женщине виски, смачивает ей губы. Она открывает глаза.

Шкипер. Ну-ну-ну!.. Очухивайся! Открывай глаза-то!.. Вот-вот, вот так… Ну, слава тебе, Господи!.. *(Садится на палубу, делает несколько глотков из бутылки, вытирает испарину со лба.)* Фу-ууу!.. Сам чуть не помер… Ну? Оклемалась? Нет еще? Ничего, ничего… *(Поправляет одеяло. Женщина стонет.)* Больно, да? Голова?.. Грудь?.. Ну, ты это, знаешь… потерпеть надо… Что же делать… Откачивал я тебя. Искусственное дыхание. Помял, должно быть. Ну-ну, ничего… Продышишься. Вон воздуху сколько!.. Дыши. Полной грудью.

Хор *(вздыхает).* Ха-аааааа!..

Шкипер. Надо дышать, надо! Все дышат. И рыбы, и птицы, и звери. И всякая тварь. Нельзя без дыхания. *(Вздыхает.)* Красивая у тебя грудь!.. Как у русалки, прости меня, Господи…

Женщина ворочается, стонет.

Ну, что, что?.. Да ты не стесняйся, стони! Хочешь крикнуть – кричи. Раз дыхание есть, можешь себе позволить. Дух в человеке, пока в нем дыхание. Дых – дух, поняла? Душа! Она легкая, как перышко. Отойдет – не заметишь. Отлетит – не поймаешь. Без души нет человека. Вот как выходит… *(Посмеивается, покачивает головой, как бы удивляясь собственному многознанию.)* Так что дыши.

Хор *(вздыхает).* Ха-а-а-а-а-а!..

Шкипер. Дыши, душечка! Дыши, лапушка! Дыши, земная дочь!

Завклубом. Радуйся?

Шкипер. Радуйся!

Хор *(по взмаху руки).* Ра-адуйся-а!..

Женщина стонет.

Хор и солист. Радуйся!.. Луче́ умнаго Солнца. Радуйся! Светило незаходимаго Света. Радуйся! Молние, души просвещающая. Радуйся! Яко гром, враги устрашающая. Радуйся! Яко многосветлое возсиява́еши просвещение. Радуйся! Яко многотекущую источаеши реку. Радуйся!..

Женщина стонет, у нее спазмы.

Купели живописующая образ. Радуйся! Греховную отъемлющая скверну. Радуйся! Ба́не, омывающая совесть. Радуйся! Чаше, черплющая радость. Ра-адуйся-а!..

Женщина корчится, рыдает.

Шкипер. Ну, что ты?.. Дыши! Дыши! Вбирай в себя, сколько можешь, захлебнись, не бойся!.. Ну?.. Ну!.. Дыши воздухом душистым, откройся ему, доверься, ну?.. Полюби его!.. Вот хорошо! Вот и благо!.. Вот и радость!..

Завклубом *(Шкиперу).* Радуйся?

Шкипер *(с готовностью).* Радуйся!

Хор. Ра-адуйся-а!..

Женщина садится на скамейке, сидит, согнувшись, прикрывая грудь одеялом. Шкипер отходит к ограждению, смотрит на воду. Лицо его становится жестким.

Шкипер. Много на себя не возьму, жизнь не я тебе подарил, но по праву спасателя спрошу: это как же ты в воде очутилась?

Пауза.

Женщина *(хрипло, отчужденно).* Где мое платье?

Шкипер. Ты слышала, что я спросил?

Женщина. Не приставай!

Шкипер *(резко обернувшись).* Сама! Сама ухнула!.. Я видел! Сидела на дебаркадере и перевалилась!

Женщина. Упала.

Шкипер. Врешь! Сама!

Женщина. Пошел прочь!

Шкипер *(приближается к ней).* Сама!.. Ну, и чего ты там хорошего видела? А?.. Видела чего-нибудь? Царство подводное видела? Чертоги или как там их… палаты?.. Тьфу! Для человека, кроме земли, нет ничего! Вот наше царство! И ты в нем царица! Единожды нас природа возводит на царствование. Венцом осеняет. Сокровища свои подносит к нашим глазам, к ушам, к ноздрям, ко рту нашему – бери, говорит, распахивайся! Бери и распоряжайся! Никто, кроме тебя, человек, не оценит, никто не ахнет, не вздрогнет, не засмеется, никто прекрасным словом не назовет! Все зря простоит. Безмолвие. Бесцельность без тебя, человек, потому как бесполезность существования. Зачем? Для кого?.. Не уходи с земли, человек, будь на ней вечно! Живи! Радуйся!..

Хор. Ра-адуйся-а!..

Женщина. Не хочу.

Хор. Ра-адуйся-а!..

Женщина Не могу!

Хор. Ра-адуйся-а!..

Женщина *(кричит).* Не верю!.. Подите вы к черту! Не трогайте вы меня! Ничего я вашего не хочу! Ненавижу! *(Вскакивает, обнажаясь.)* Все равно утоплюсь! Не буду я жить, не буду, не буду, не буду!..

Шкипер обхватывает ее, она вырывается.

Поди вон!.. Оставь меня!.. Ненавижу!

Шкипер. Ты погоди!.. Куда?.. Ты что?!. *(Сдергивает веревку.)* Я тебе… ты у меня… Садися! Я тебе брошусь! Сиди, говорю! *(Силой усаживает ее.)* Ты у меня сейчас!.. Ну-ка, не рыпайся!.. *(Привязывает веревкой к скамье, опутывает.)*

Женщина *(в крик).* Пусти-и!.. Поди прочь!.. Дьявол!.. А-ааа!..

Капитан *(появляясь на мостике, смотрит в бинокль, затем берет мегафон).* Раз-раз-раз… *(Дует.)* От Советского… Эй, Шкипер!.. Что за возня у тебя на судне?.. Аморалку разводим?.. Та-ак… *(Записывает.)* В порту разберемся… *(Исчезает.)*

Шкипер. Ага, сейчас! Как же!.. *(Женщине.)* Вот, посиди. А я пока за кнутом. Поучить тебя маленько. К жизни вернуть. Соскучиться не успеешь… *(Спускается вниз.)*

Женщина бьется в путах, пытается встать, отодрать скамейку, но она прочно прибита.

Шкипер медленно, с угрожающим видом подымается из люка, держа что-то за спиной. Приближается к Женщине, которая с ужасом на него смотрит. И вдруг он хохочет. В руках у него балалайка.

Шкипер. Ну, чего-о?.. Чего таращишься?.. Что я тебе плохого сделал? А? Жива! Здорова! Второй раз родилась. Будешь на солнышке греться… Э, да с тобой надо все сначала. Гляди – это солнце. Это у нас река. Поняла? Это лес! А это – баржа. Вот как у нас. Привыкай. А это… это балалайка!.. Эх, мать честная!..

Шкипер, вздохнув полной грудью, взмахивает рукой, но звучит не балалайка, а струнный концерт Вивальди. И пока не стихнет музыка, Шкипер трижды, через равные промежутки времени выкрикнет, обращаясь то к правому, то к левому берегу:

Эге-ге-ей! Косцы! Трава-то не перестояла?.. Эх вы, лодыри, чего поздно встаете! Внизу все скосили уже! Дружнее махай! А ну, ходи, ходи веселее!.. Бабы, бабы! Боровик-то тучей пошел! Вон на том берегу его косой косят!.. А вас чего, синюшки? Эх, нескладухи!.. Улю-лю-лю-лю! Пастух, пастух, а смотри бычок-то у тебя балуется! Отгадай загадку: четыре четырки, две растопырки, седьмой вертун, а сам пердун.

Пастух. Сам и отгадывай, ёк-калэ!..

Музыка стихает.

Милиционер. Белобородов, а Белобородов! Ты на реке не видел чего… как бы сказать… подозрительного?

Шкипер. Да нет, вроде. Всё по уставу.

Милиционер. А женщину, говорят, выловил?

Шкипер. Так я ее отпустил!

Милиционер. Это как это?

Шкипер. А она с рыбьим хвостом была. Какого, говорит, тебе дьявола, шкипер? А я ей: озеро, говорю, водки, цистерну и еще маленькую!.. *(Смеется, играет на балалайке и даже приплясывает.)*

Пойду плясать,
Земля колых-колых,
Ребята хитрые,
А я хитрее их.
Семеновна,
Юбка в полосу!
Она попела бы,
Да нету голосу!..

Учитель. Беспутный ты, Белобородов, тебя всерьез спрашивают.

Шкипер. А что случилось-то?

Милиционер. А то что женщина из-под стражи сбежала!

Шкипер. Ну!

Учитель. А ее судить должны, понимаешь ты это?

Шкипер. Так что ж… выходит, неволя ее не принимает!

Агрономша. Как же, как же! Тюрьма плачет по ней. Она ребеночка своего утопила.

Шкипер подходит к Женщине, развязывает веревку. Женщина не шевелится.

Шкипер. Эй!.. Эй, слышишь?.. Не надо в воду, прошу тебя. Жизнь, она всякая, я понимаю… Но ты присмотрись. Может еще и слюбится… Она ведь, жизнь, каким боком встанет. У ней много всего… Потерпишь, может, маленько, а?.. Бывает, и ничего, а? Ну, поживи, пока божья искра в тебе тлеет… А там, может, и займется.

Женщина *(садится, завернувшись в одеяло, отчужденно).* Платье высохло?

Шкипер *(бежит к ограждению).* Не больно-то… Но надеть можно!

Женщина протягивает руку. Шкипер, суетясь, приносит ей платье.

Синяки!.. Не сердись, а? Ну, что было с тобой делать? Первая помощь… Ренемация. Болит, да? Прости.

Женщина. Отвернись.

Шкипер. Дак я же тебя откачивал! Чего я тут не видел…

Женщина. Отвернись!

Шкипер. Ага! Да! *(Встает к ней спиной, но тревожно ему и он вдруг оборачивается.)*

Женщина. Ты чего?!.

Шкипер. Я отвернусь, а ты – за борт? Что же, я не видел тебя? Всю как есть видел! И скажу тебе… там есть, на что поглядеть!

Женщина. Отвернись, кому говорят!

Шкипер. Ясно. *(Отворачивается.)*

Женщина надевает платье.

Ты здесь? *(Пауза.)* Ты здесь?!. *(Оборачивается – она уже одета.)*

Женщина *(после паузы).* Выходит, что здесь.

Шкипер *(улыбаясь).* Вижу.

Женщина. Мы что, плывем?

Шкипер *(радостно).* Верно!

Женщина. Куда?

Шкипер. Вверх по реке. В город.

Женщина. Ты что везешь?

Шкипер. А битый камень.

Женщина. Там что у тебя?

Шкипер *(суетливо и радостно).* Каюта! Все там, и рукомойник, и полотенце! И это… и койка там у меня, может, ты, как говориться, приляжешь?.. Я белье сменю, простыню…

Женщина. Не ходи за мной!

Шкипер. Ясно! Ты это… сама все посмотри! *(Вниз.)* Полотенце возьми в рундуке чистое!.. Налево рундук! И это там… расческа! И одеколон!..

Женщина ушла вниз, Шкипер остается один. Он собирает и складывает одеяла. Взгляд у него отсутствующий, устремлен в себя.

На мостике появляется Капитан.

Капитан *(в мегафон).* Раз-раз-раз-раз!.. От советского… Шкипер, у тебя что же там, на барже, посторонние?.. Ты чё развёл?

Шкипер *(негромко).* Пошел ты!..

Капитан. Ты что ж, судового устава не знаешь?

Шкипер. Слушай, Христом Богом прошу – отвяжись! Не трогай меня! Нет у тебя такого права. Я хозяин на судне!

Пауза.

Капитан. Опять та же музыка… Значит, ты сам по себе? Отдельно? А вот это неверно, Белобородов, в принципе. Это местничество – так, кажется, называется? Одним словом, самовольство. Самозахват. За это не похвалят. За это знаешь, что можно схлопотать?.. *(Пауза.)*

Шкипер. Что?

Капитан. Не найду слов.

Шкипер. Когда найдешь, скажешь.

Пауза. Шкипер драит палубу.

Капитан. Надо же комплексно, Белобородов, коллективом! Мы же транспортный комплекс.

Шкипер. У меня автономия. По уставу.

Капитан. Вот те на! А кто ж тебя тянет? Кто у тебя ведущая и направляющая?

Шкипер. Един Бог!

Капитан. Хм-хм!.. А вот это уже политика, Белобородов, имей в виду. За это не похвалят.

Шкипер. Слушай, отвяжись от меня, что ты мне каждый рейс мозги пачкаешь? И зудит, и зудит!..

Капитан. Да пойми, это так по науке! Кто тянет, тот ведущий. Кого тянут – тот ведомый. Усёк? Я даже выписку сделал… *(Достает из кармана листок.)* Хошь, зачитаю?

Шкипер. Ну?

Капитан *(надевая очки).* Зачитываю. *(Откашливается.)* Ведущий тот, кто тянет и гудит. *(Поглядывает поверх очков на Шкипера.)* И это каждому понятно остолопу. *(Поглядывает.)* Ведомый, что ты видишь впереди?.. *(С пафосом.)* Ведущую тебя к победе… *(Хохочет, закашливается.)*

По трапу подымается Женщина. Шкипер машет Капитану рукой.

Шкипер. Сгинь, сгинь!..

Капитан *(хохоча).* Корму, Белобородов, корму!.. А ты что подумал?

Женщина умыта, причесана, но еще очень слаба – ее покачивает. Капитан рассматривает ее в бинокль. Шкипер восхищен и растерян.

Шкипер. Вот… Ага… Проходите. Видели, как там у меня? Все есть, исключительно! Ага… Полное жизнеобеспечение…

Женщина *(садясь на скамью).* Видела.

Шкипер. Вы, может, того… отдохнете, там вам никто мешать не будет. Я все чистое!.. Наволочку, простынку!.. *(Идет к трапу.)*

Женщина. Не ходи.

Шкипер. Ясно!..

Пауза.

Женщина. Спертый воздух там у тебя. *(Пауза.)* Дышать нечем.

Шкипер *(после паузы, радостно).* Ага, нечем!.. Я вас здесь уложу. Здесь воздух речной! Проточный. Воздушный бассейн!.. Воздух должен быть свежий!.. Я вам помягче что постелю… И мы это… чаю!

Капитан *(отняв бинокль от глаз).* Белобородов, а если все начнут посторонних сажать?

Шкипер *(машет рукой).* Уймись ты!.. *(Женщине.)* Капитан там… права качает. А я ведь сам по себе. Ничего не бойтесь! Здесь я хозяин. *(Машет рукой.)* Сгинь!

Капитан исчезает.

Дайте-ка я одеяла вам… *(Стелет на скамью одеяла.)* Вы сидите! Или лягте, не знаю, как вам по силам. А я сейчас чайку!.. Сейчас мы перво-наперво радио!.. *(Крутит ручку настройки транзистора – треск, шум. И вдруг – поет хор. Звучит Акафист.)* Во!..

Женщина ложится на скамью, на заботливо постеленные Шкипером одеяла. Он укрывает ее, спускается вниз.

Хор и солист. …Мы же таинству дивящиеся, верно вопием: Радуйся! Премудрости Божия приятелище. Радуйся! Промышления Его сокровище. Радуйся! Любомудрыя немудрыя являющая. Радуйся! Афинейская плетения растерзающая. Радуйся,! Ры́барския мре́жи исполняющая. Радуйся! Из глубины неведения извлачающая. Радуйся! Многи в разуме просвещающая. Радуйся! Кораблю, хотящих спастися. Радуйся! Пристанище житейских плаваний. Радуйся!..

На реку опускается вечер, зажигаются огни бакенов. Шкипер приносит чайник, посуду, придвигает поближе к скамье стол. Прислушивается к приёмнику. Хор смолкает.

Шкипер. Слыхала? Кораблю, хотящих спастися, радуйся! Пристанищу житейских плаваний, радуйся. Это про нас… *(Хлопочет.)* Во-от… Сейчас… Вот этак мы… это сюда… Огонек зажжем… Горяченького сейчас… Это подвинем… *(Распрямляется.)* А может, водочки?.. Для сугрева. Вы не подумайте, я ведь не пью! Так, от простуды держу. Изредка, за компанию…

Женщина. Налей.

Шкипер. Вот и ладно!.. *(Наливает.)* Замечательно… В жизни все есть… и в радость и в утешение… на любой случай. Выпьем за нее! Радуйся! *(Пьет одним глотком.)*

Женщина пьет водку с трудом, морщась, но жадно, до дна. Шкипер наблюдает за ней.

Ну-ну-ну-ну?.. Вот и хорошо! Молодца!.. Скушайте хлебца. Огурчик вот. А может, консерву открыть? У меня есть, у меня с продуктом порядок – ставридка, бобы соевые…

Женщина *(мотая головой).* М-мм, м-мм… *(Ест хлеб.)*

Шкипер *(присматриваясь к ней).* Ну, я после сварганю… Захотите – сама. Картошечка молодая есть, можно в мундире…

Женщина *(кивая головой).* М-мм, м-мм… *(Посмеивается.)*

Шкипер. Такое житье вот, бытье. (*Раскидывает руки.)* Оно чем хорошо: целый день на людях, а что ни сделаешь – никому не помеха. Нигде толком не успеваешь ни нагрешить, ни надоесть, ни нагадить. Воля!..

Женщина *(кивая головой, посмеиваясь, подвигает стакан).* М-угу… м-угу…

Шкипер. Еще? С большим, как говорится, удовольствием! *(Наливает.)* А как звать вас?

Женщина. Майя.

Шкипер. Очень приятно! *(Встает, подает ей руку.)* А меня Иваном Белобородовым. Выпьем за знакомство! За приятность, как говорится. И чтоб не в последний раз!.. *(Чокаются, пьют.)* Да-а… Плывешь по жизни, пронзаешь ее насквозь, и сердце радуется. *(Расхаживает по палубе.)* Чего только в ней нет!.. И чистые воды… И древесный лес… И нива… и луг разнотравный…

Женщина посмеивается.

И моховое болото!.. И камень горючий!.. И камень цветной!..

Она смеется громче.

И певчая птица!.. И зверь боязливый!.. И солнце!.. И звезды!..

Взрыв смеха.

И сила! И смерть! И огонь!.. И любовь!.. И мысль!.. И сон… И вера… *(Стоит у ограждения спиною к ней. Внезапно.)* Где твое дитя?

Женщина затихает.

Дитя где, я спрашиваю?
Женщина. Молчи! Молчи!.. *(Прячет лицо.)*

Пауза.

Шкипер *(оборачивается).* Я молчу, а ты говори.
Хор *(шепотом).* Дыбы-дыбы-дыбы… Дыбы-дыбы-дыбы…
Женщина. Не уберегла… *(В крик.)* Не уберегла!.. *(Долгая пауза. Беззвучно плачет, утирает глаза.)* Спал в коляске… Пошла на реку белье полоскать. Где бы коляску на берегу оставить, а я ее с собой, на мостки… А они у нас долгие, над стремниной… Я и не заметила, как он проснулся, встал… Сделал шажок… Вместе с коляской и кувырнулся. *(Встает, плетется к ограждению. В крик.)* А река-то и подхватила!..

В тот же миг Шкипер, резко рванувшись, оказывается рядом с Женщиной, обхватывает ее, отдирает ее руки от ограждения, прижимает к себе. Она, безвольно повиснув на нем, рыдает.

Хор *(шепотом).* Дыбы-дыбы-дыбы… Дыбы-дыбы-дыбы…
Женский голос. Дыбы-дыбы-дыбоньки,
Поднимайся в зыбоньке,
Ненаглядный мой сынок,
Сосунок и ползунок…
Хор *(вполголоса).* Дыбы-дыбы-дыбы… Дыбы-дыбы-дыбы…
Женский голос. Поднимайся на дыбки,
Сделай первые шажки,
Раз шажок и два шажок,
Пошагаем на лужок.
Хор *(вполголоса).* Дыбы-дыбы-дыбы… Дыбы-дыбы-дыбы…
Женский голос. Принимай, земля, сынка,
Дыбушонка-ходунка,
Будь добра, не урони,
От беды оборони.
Хор *(шепотом).* Дыбы-дыбы-дыбы… Дыбы-дыбы-дыбы… дыбы-дыбы…

Шепот Хора утихает. Женщина всхлипывает.

Шкипер *(поглаживая ее плечи).* Ну, полно, полно… Прости…

Женщина. Веришь?..

Пауза.

Шкипер. Верю… Ну, все, все… Поди сядь… укрою тебя.

Женщина вцепляется в него руками.

Ну-ну, все хорошо… чего ты, успокойся… *(Гладит ее волосы.)*
Женщина. Возле тебя не так страшно.
Шкипер. Я здесь, здесь… Не дрожи… Не бойся.

Пауза. Возникает музыка концерта Вивальди. Плывут навстречу огни.

Женщина. Откуда ты такой взялся?
Шкипер. Это я-то? Я тут всегда был.
Женщина. Огни какие-то… Мы что, плывем?
Шкипер. Плывем.
Женщина. А куда?..
Шкипер. Я ж тебе говорил. Вверх… Скоро город будет… А тебе куда надо?
Женщина. Мне? *(После паузы).* Никуда.
Шкипер *(после паузы).* Разобраться – мне тоже никуда… Я дома.
Женщина *(после паузы).* А может, я с тобой останусь?..
Шкипер. Оставайся. Поди, садись…

Женщина нехотя разнимает руки, отходит, садится на скамью.

Считай, вот ты и дома.
Женщина. Ага… Налей мне еще.
Шкипер. Этого-то?.. Нет, тебе хватит.
Женщина. Хорошо. Как скажешь.
Шкипер. Теперь у нас свежо. Туман на реку ложится. Погоди-ка, я тебя укрою. *(Укутывает ее одеялом.)* Не простыла бы ты… У меня там фуфайка есть… сейчас принесу… *(Идет к трапу.)*
Женщина *(в тревоге).* Куда ты, не уходи!.. Я боюсь без тебя.
Шкипер. Я сейчас… *(Спускается вниз.)*

По берегам появляются люди с фонарями. Фонари раскачиваются.

Милиционер. Эй, шкипер!
Учитель. Белобородов!

Музыка стихает. Женщина тревожно озирается.

Голоса. Белобородов!.. Шкипер!..
Шкипер *(поднимаясь по трапу).* Ну, чего еще?.. *(Подходит к ограждению.)* Чего надо?
Милиционер. Белобородов, а ведь все сходится…
Шкипер. Что сходится.
Милиционер. Твоя гостья-то… та самая. Кто у нас в розыске.

Шкипер. Чего вам надо от нее?

Учитель. А что ж тут непонятного? Преступление она совершила!

Зоотехник. Это тебе не шутки, Белобородов!

Бакенщик. Ваня! Отдай по-хорошему!

Шкипер. Не отдам.

Рыбак. За укрывательство, знаешь, чего бывает?

Агрономша. Судить ее надо, Белобородов, неужто ль не понимаешь? Дитя утопила!..

Шкипер. Не было этого.

Голоса. Было!

Шкипер *(после паузы).* А было, так Бог ей судья. А не вы. *(Отходит к столу. Протягивает Женщине фуфайку.)* Надевай. Сейчас ужинать будем. *(Из карманов выкладывает на стол консервы.)* Харч у нас скромный… Ну, это только до завтрева. Завтра мы на базаре чего прикупим. Ох, пир мы закатим, Майя! Твое новоселие справим! *(Включает транзистор, звучит уютный голос сказочника Николая Литвинова, идет какая-то детская передача, и на корме баржи возникает почти домашняя атмосфера.)* Понимаешь, вот везет некоторым! То яблоки у них в трюмах, то капуста… А у меня все камень битый!.. *(Открывает консервы.)* Тут у нас, знаешь ли, большинство семьями ездят. Всю навигацию! И куры у них тут на барже, и поросенок, и дети… *(Осекается.)* Порезался!.. Вот, дьявол… *(Прикладывает палец к губам.)*

Женщина. Йод есть?

Шкипер. Ничего, я водкой.

Женщина. У тебя что же, в хозяйстве аптечки нету?

Шкипер. Извини. Не додумался. Сам пожалел.

Женщина. В аптеку сходим.

Шкипер. Обязательно!

Женщина. Полотенце надо бы…

Шкипер *(радостно).* Непременно! И ты это… себе все купи… Ну, чего надо… Сама знаешь. Денег у нас на все хватит. Ешь!..

Пауза. Трапезничают, поглядывая друг на друга.

Вопрос хочу задать… извини, если невпопад… Ты как располагаешь остаться, как пассажир или… как хозяйка?..

Пауза.

Женщина *(потупившись).* Не знаю…

Шкипер. Ну, вот и ладно. Матросом тебя оформлю. Положен мне матрос по уставу. Пусть раскошеливаются, едри их в корень. Как экономию наводить, так Белобородов, Белобородов…

Женщина. Кто?

Шкипер. Да в пароходстве. Я ведь там на доске почета.

Женщина. А эти кто такие?

Шкипер. Эти?.. Да так, болтаются…

Женщина. Они за мной?

Шкипер. Да слушай их больше!.. Мало ли чего им, пьяницам, в башку взбредет. Не думай об этом. Нас это не касается. *(Вздыхает. Радостно.)* Эх, заживем… Эх, и заживем!.. *(Берет балалайку, наигрывает, потом поет.)*

Ночуй, ночуй, Дунюшка,
Ах, ночуй, любушка!

Ты ночуешь у меня,
Подарю, дружок те я.

Ах да ты ночуешь у меня,
Ах да подарю, дружок, те я,
Подарю дружку сережки
Я серебряные!..

Оба хохочут.

Ах да подарю дружку сережки,
Ай да я серебряные,
А другие золотые
Со подвесочками!..

Женщина *(смеясь).* Не дури, Иван!
Шкипер *(смеясь).* А чего нам не подурить?.. Имеем право…

Ах да соглашалася Дуняша
Ай да на Иванины слова!
Ах, ложилась Дуня спать
На Иванину кровать.

Женщина *(смеясь, машет руками).* Нахал, нахал!.. Неправда! Не лягу!..
Шкипер. Ах, ложилась Дуня спать
На Иванину кровать!
Мало Дуне поспалось,
Много виделось!..
Женщина *(Хохоча).* Бессовестный! Неправда!.. Бессовестный!.. *(Подходит к нему, кладет руки на плечи. Печально.)* Ты меня не отдашь?..

Шкипер качает головой и обнимает ее. Они замирают, прильнув друг к другу. Бегут назад береговые огни.

Короткое затемнение.

Туманное утро, солнце еще не взошло. В лесу кукует кукушка, у воды скрипит коростель. Вдруг где-то в деревне пропел петух. Ему ответил другой, а там и третий. Береговые огни, размытые туманом, стоят на месте, не двигаются.

Хор *(тихо).* Конопелька добрая,
Былинка зеленая!
Кровать тесовая,
Перина пуховая,
Перина пуховая,
Подушка шелковая!
Одеянье было теплое,
Обниманье было крепкое,
Обниманье было крепкое,

Целованье было сладкое!

Из каюты подымается Шкипер. По барже, пробиваясь сквозь туман, шарит луч света, выпущенный из рубки буксира. Шкипер подходит к столу, пьет воду из чайника. Попадает в свет фонаря.

Капитан *(дует в мегафон).* Раз-раз-раз!.. Проснулся? Поспать-то дала?

Шкипер. Почему стоим?

Капитан. А по кочану! *(Смеется.)*

Шкипер *(вполголоса).* Слушай, я тебя прошу… Убери ты эту хреновину. Я тебя и так слышу.

Капитан. Не понял, чего просишь.

Шкипер. Тише прошу.

Капитан. Ах, тише!.. Что за принцесса у тебя там, что нельзя разбудить.

Шкипер. Сволочь ты, хоть и капитан…

Капитан. Та-ак… оскорбляем… *(Записывает.)* Тебе это, Белобородов, все зачтется.

Шкипер. Не пугай. Скажи лучше, почему стоим? Туман?..

Капитан *(загадочно).* Да нет, не туман… Туман дело привычное. Да он и жидкий, пройти можно.

Шкипер. Ну, так… погоняй.

Капитан. А ты не понукай, не запрягал. Лучше иди-ка буди свою кралю.

Шкипер. Это зачем?

Капитан. Пора ей собираться. За ней катер идет.

Шкипер. С чего взял?

Капитан. А вот радиограмма. Ты что ж, Белобородов, не знал, что укрываешь преступницу? Ясное дело – знал. А это ведь на статью тянет. Эх ты, дуролом радостный!.. Вот теперь радуйся…

В деревне играет пастух. Мычат коровы. Издали доносится шум мотора.

Хор *(издали, приближая).* Фыр-фыр-фыр… Фыр-фыр-фыр… Фрррр!..

Капитан. А вот и катер пыхтит.

Со стороны рампы постепенно набухает огонь, он высвечивает лицо Шкипера, пока не ослепляет его. Шкипер заслоняет глаза рукой. Мотор затихает.

Милиционер *(в мегафон).* Шкипер!..

Шкипер. Ну, что надо?

Милиционер. Готовь сходни! Пришвартовывать будем.

Шкипер. Я тебе пришвартуюсь! *(Берет в руки багор.)* Я тебе такую швартовку устрою! Отваливай!

Милиционер. Ты что же… оказываешь сопротивление представителю власти?

Шкипер. Я-то?.. Я несправедливости сопротивляюсь.

Капитан. Та-ак… А это другая статья, Белобородов!.. Имей соображение!

Учитель. Белобородов, не доводи до крайности!

Агрономша. Ванечка, отдай девку, что тебе в ней!..

Голоса. Сдайся, Ваня! Белобородов, уйди от греха! На тебе пока вины нет! Ваня, сдай приблудную! Положи багор, Белобородов! Тащи сходню!

В деревне поют петухи.

Милиционер. Ну что, шкипер, одумался?

В деревне мычат коровы, блеют овцы. Слышно щелканье бича.

Шкипер. Вот что, служивый. Она не преступница. Она жена мне.

Хор *(вздыхает).* Же-ена-а?.. Жена-а!.. *(Раздаются отдельные смешки, они сливаются в общий смех и, наконец, в хохот.)*

Голоса. Да когда ж ты успел? А чего на свадьбу не позвал, Ваня? Ничего себе отколол? А кто венчал вас? Водяной?.. Ай да новобрачные! Вот так жена у него! А это у них свадебный поезд.

Шкипер. Да, земляки, жена. А жен не отдают… Разве что только вместе с жизнью.

Милиционер. Вот ты как заговорил. Давно я таких речей не слышал. Это последнее твое слово?

Шкипер. Последнее.

Милиционер. Ладно! Давай, капитан, двигай! Мы вас в городе встретим. При отягчающих обстоятельствах.

Хор *(вздыхает).* О-ох, пло-охо! Оо-ох!..

Свет фонаря на лице Шкипера тухнет. Трещит мотор, звук удаляется.

Капитан *(оживляясь).* Внимание всем службам!.. В машинном готовы?

Хор *(неохотно).* Готовы.

Капитан. На палубе готовы?

Хор *(вяло).* Готовы.

Капитан. Шкипер готов?.. А, ладно… Поднять якоря!.. Малый вперед!..

Хор. Фыр-фыр-фыр-фыр-фыр… Плоховато-плоховато-плоховато-плоховато…

Капитан. Давай помалу.

Хор. Семеро-там, семеро-тут, семеро-там семеро-тут…

Звучит музыка движения. Шкипер садится на скамью, подпирает руками голову.

Хор с солисткой. Прощайте, ласковые взоры,
Прощай, мой милый, навсегда,
Разделят нас долины-горы,
Врозь будем жить с тобой, душа!

И в эту горькую минуту
С своей сердечной простотой
Пожму в последний раз я руку,
Скажу: „Прощай, любезный мой!

Во тех садах, лугах прекрасных
И на возвышенном холме,
Где при заре счастливой, ясной
Склонялась ты на грудь ко мне“.

По трапу поднимается Женщина. Неслышно подходит к Шкиперу и обнимает его сзади. Шкипер порывисто встает, приникает к ней.

Женщина *(не разнимая рук).* Что, уже вставать?
Шкипер. Нет-нет, еще рано… Поди, поспи.
Женщина. А ты зачем встал?
Шкипер. Так ведь служба.
Женщина. А кто тут громко разговаривал?
Шкипер. Так… Бакенщик.

Пауза. Женщина ластится к Шкиперу, заглядывает в глаза.

Женщина. Ваня! А ты помнишь, что ты мне говорил?
Шкипер. Когда?
Женщина. Там, внизу.
Шкипер *(после паузы).* Помню.
Женщина *(горячо целует его).* Спасибо тебе!.. Спасибо за радость!.. Ты вернул меня, Ваня!.. Храни тебя Бог!.. Спасибо!..
Шкипер *(крепче обнимает ее).* Не зябко тебе?
Женщина. Не-ет!.. В твоих руках мне жарко!.. *(Пауза.)* Ваня!.. А знаешь чего?..
Шкипер. Ну?
Женщина *(спрятав лицо на его груди).* Река взяла, река дала…
Шкипер. Ты о чем?
Женщина *(после паузы).* Я давеча ребеночка от тебя сильно захотела… Загадала я…
Шкипер. Спасибо и тебе! Помогай нам, Господь! Даруй нам последние радости!
Хор *(величально).* Ох ты, винная ягодка,
Наливное сладкое яблочко -
Удалой добрый молодец
Свет Иван-то Васильевич!
Уродился хорош и пригож,
Уродился он счастливый,
Говорливый, таланливый,
Говорливый, забавливый!
Что за это его тесть возлюбил,
Теща-матушка жаловала:
Милой дочерью даровала -
Свет-то Майей Ивановной!

Шкипер и Женщина стоят рука об руку, опустив взоры.

Голоса. Бегите, Ваня!.. Спускайте ялик да бегите!.. Туман прикроет!.. А еще помешкаешь, он рассеется!.. Беги, Белобородов! Скоро солнце встанет, выпьет туман!.. Бегите, Ваня!..
Капитан. Ну что, Шкипер, готовишься?.. Вдали уже городские огни видны. Надолго мы с тобой расстаемся…

Но тут снова вступает Хор, заглушая голос Капитана, он говорит, машет, а его не слышно.

Хор *(прикрывая молодоженов).* Что у месяца рога золоты

И у солнышка лучи светлые,
У Ивана кудри русые -
Из кольца в кольцо испронизаны!
Что за эти-то за кудерочки
Государь его хочет жаловать
Первым городом – славным Питером,
Другим городом – Белым Озером,
Третьим городом – каменной Москвой!
На Белом Озере – там пиво варят,
В каменной Москве – там вино гонят,
В славном Питере – там женить хотят,
У купца брать дочь, у богатого,
Дочь умную, дочь разумную -
Майю свет-Ивановну,
Со даньем ее, со приданым,
Со бельем ее коробейным!

Пока пел Хор, за спинами Шкипера и Женщины слабо засветились пять зловещих огней, выстроенных в ряд. Понемногу они накаляются, как бы приближаясь.

Капитан *(важно).* Раз-раз-раз-раз!.. *(Дует в мегафон.)* От Советского Информбюро… Шкипер, ты меня слышишь?.. От имени вверенного мне транспортного комплекса… По поручению вышестоящих инстанций… *(Запутывается.)* Короче, Белобородов, сдашь баржу моему матросу… Слышишь ты?.. Почему не реагируешь?.. Эх, дуролом… Говорил я тебе – кто ведет, тот ведущий!.. И направляющий… А ты спорил…

Огни накаляются, неумолимо растут.

И с вольницей твоей отныне покончено. Надоел ты мне хуже горькой редьки… Со своей радостью… Будешь горе мыкать… Как все…

Шкипер и Женщина поворачиваются навстречу огням. Они уже накалились до белизны. Женщина закрыла лицо руками.

Шкипер *(с силой).* Капитан!.. Слышишь ты?.. Ах, да не бывать этому, тараканья твоя душа!.. Будет еще у нас радость! *(Отбегает от Женщины и хватает топор.)* А для чего и живем?!. Капитан!.. Понимаешь ты? *(Бежит к тросу и рубит его сильными, размашистыми ударами.)* Для чего живем?..

Капитан *(в панике).* Эй!.. Ты чего?.. Белобородов!.. Что творишь?.. Подумай!.. Не делай этого!..

Шкипер. Прощай, капитан!

Баржа начинает вращение (на сценическом круге). Сумятица света, музыки, кричит Хор, кричит Капитан, но голос его отдаляется. Отдаляются, меркнут постепенно и пять зловещих огней. Баржа во власти течения. Плывут вспять береговые огни и огни бакенов. Шкипер подходит к Женщине и берет ее за руку. За их спинами поднимается солнце.

Шкипер *(спокойно).* А вот и солнышко встает. Не бойся, оно и дальше всходить будет.

И тут в последний раз вступает Хор. Он поет истово, радостно, поспешая, как на апофеозе церковного праздника. Голос солиста набегает на окончание хоровой фразы, внахлёст. Бьют колокола.

Хор с солистом. – Радуйся!
– Звездо́, являющая Солнце.
– Радуйся!
– Свет неизреченно родившая.
– Радуйся!
– Заре таинственного дня.
– Радуйся!..

Звучит шедевр церковного песенного искусства – Акафист на Рождение Богородицы, который каждый, слушая, переживает по-своему – одни как оду к Радости, другие как панегирик Женщине и Материнству, третьи как гимн Свободе и чуду Любви.

… – Пламени страсти, надежде благ вечных.
– Радуйся!!! Радуйся!!! Радуйся!!!

Последние фразы солист выкрикивает в зал.

1985, 2001, 2016

Три истории из подворотни (для одного спектакля)

Посетитель
Одноактная мелодрама

Действующие лица:
Татьяна
Лев
Офицер

Городской двор-колодец, каких много в старых домах Петербурга. Ранние сумерки. В окнах зажигается свет, проявляя узоры, высвобождая яркие или блеклые цвета занавесок. За ними движутся тени – совершается жизнь. Здесь, во дворе, она обнаруживается звуками. Из одного окна доносится визг электродрели, стук молотка, из другого – приглушенное фортепьяно. Слева бормочет радиодиктор, справа плачет ребенок, а мимо подворотни с сухим шелестом проносятся автомобили. В первые минуты спектакля все звуки форсированы, шум улицы сливается с шумом двора, но понемногу наступает относительная дворовая тишина, когда отчетливо слышны и фортепьяно, и радио.

В крошечном сквере посреди двора на скамейке возле песочницы сидит седоголовый, но не старый еще мужчина в плаще, курит. Рядом с ним чемоданчик-дипломат, коробка из-под сигарет. Это ***Лев****. Из парадной в углу двора выходит молодая женщина с таксой на поводке, некоторое время стоит поодаль. Затем, отпустив собаку, проходит ко второй скамейке, противоположной к первой, садится, закуривает, слегка бравируя своей отстраненностью, как это делают женщины, долго живущие в одиночестве. Наблюдает за таксой, глубоко, по-мужски затягиваясь сигаретой. Это* ***Татьяна****. Лев не отводит от нее глаз, и это ее раздражает.*

Татьяна. Мальва, фу!.. Фу, я сказала!

Лев *(полуобернувшись к собаке).* Смотрите-ка, слушается. Англичане, говорят, придумали для непослушных собак ошейник с датчиком. Хозяин дает слабый ток, и – порядок. Дистанция при этом может быть около двухсот метров, экая прелесть.

Татьяна не реагирует.

Я вот думаю, не купить ли лицензию. Как, по-вашему, сбыт найдет? *(Пауза.)* Можно расширить область применения. В педагогических целях, допустим… Опять же, в супружеских отношениях. «Ко мне, я сказала!» А он у пивного ларька, с товарищами… Как вам это понравится? *(Пауза.)* Чем-то все равно торговать надо. Вы чем торгуете?

Татьяна гасит окурок, поднимает воротник, встает.

Татьяна. Мальва, ко мне!

Лев. Ну, а что такого, теперь все чем-то торгуют.

Татьяна. Ко мне, я сказала!

Лев. Чудная собака, ухоженная. Защищает-то хоть хорошо?

Татьяна. Хотите проверить?

Лев. Упаси бог. *(Встает.)* Пойти и мне, что ли, с вами прогуляться.

Татьяна. Да вы что, дядечка?

Лев. А чего, тоже буду вас охранять.

Татьяна. От кого? Пока, кроме вас, к нам никто больше не пристает.

Лев. Ну, могу от себя… Кстати, сигареты кончились. Не одолжите? С отдачей.

Татьяна. Да ради бога. *(Бросает ему пачку.)*

Лев. Смотрите-ка, пахитоски!.. *(Закуривает.)* А в наше время дамы «беломорине» радовались.

Татьяна. Знаю, тогда не курила.

Лев. А я, сколько себя помню, всегда курил.

Татьяна. Плохо.

Лев. Плохо. Вон в том углу двора росла трава. А на ней лежали дрова. Гниловатые такие поленницы… грибным лесом несло от них… Вот – за ними. Первые мои папиросы назывались «Ракета». Мы это дело расшифровывали так: «Ребята, асторожней курите, етот табак атрава». (Смеется). А?.. Как?..

Татьяна. Плохо.

Лев. Чего ж хорошего…

Татьяна. Когда это было?

Лев. Что?.. А, до войны.

Пауза.

У соседей пудель, препротивнейшее создание… Истерический тип… Валерьянкой отпаивают… А чуть что с животом, водку дают… Как немцу – тридцать три грамма… *(Пауза.)* Ваша не пьет?..

Татьяна. Не пьет и не курит. *(Встает, провожая взглядом собаку, оборачиваясь ко Льву спиной.)*

Лев. Да, собачникам у нас нелегко, выгуливать негде. С одной стороны – Невский проспект, с другой – Англетер. В Сашкин сад разве… Не ходите?

Татьяна. Далековато.

Лев. С вашими-то ногами?

Татьяна. Так. Еще комментарии будут?

Лев. Не гневайтесь… Я просто…

Татьяна. Вот и не надо.

Лев *(встает).* Вы уходите?..

Татьяна. Да, нам пора.

Лев. Так она ж ничего не успела.

Татьяна. Господи, ну а вам-то что?

Лев *(заступая ей путь).* Не уходите.

Татьяна. Не поняла.

Лев. Ну, сядьте, посидите еще.

Татьяна. Зачем это?

Лев. Поговорим.

Татьяна. О чем?

Лев. Можно и о собачках.

Татьяна. С какой стати?

Лев. Нет, кроме шуток.

Татьяна. Скажите, пожалуйста!.. А вы кто?

Лев. Я-то? В командировке.

Татьяна. Ну так а я-то причем?

Лев. У меня скоро поезд.

Татьяна. Ну и с Богом.

Лев. Время еще есть.

Татьяна. Не понимаю, у вас последние часы в этом городе, а вы сидите в темном дворе. Сделали бы что-нибудь, чтобы запомнилось… Пошли бы куда-нибудь. Да хоть в пивную, тут, в соседнем квартале…

Лев. А ведь не было, знаете, не было! Фирмы какие-то, издательство – это я еще понимаю. Но чтобы пивная? У дома графини?.. Напротив Петра Ильича?.. *(Касаясь ее рукава.)* Садитесь, я вам расскажу, что там было. Ну, садитесь же…

Татьяна *(высвобождаясь).* Послушайте, если вы клинья подбиваете, то это не ко мне. Ведь вы мне в отцы годитесь.

Лев. Ну, уж и в отцы.

Татьяна. Ей-богу, не меньше. Голова-то седая.

Лев. Да вы что!

Татьяна. А то вы не знали?

Лев. А меня сегодня в магазине назвали «молодой человек».

Татьяна. Это кто-то из слабовидящих.

Лев. Дело большое – голова. Я, если хотите знать, когда сюда приезжаю, возраста не чувствую. Так, какая-то усталость… А лет мне, я думаю, девять…

Из окна позади Мужчины раздается звонкий, самозабвенный голос мальчика.

Голос. Кто мчится, кто скачет под хладною мглой? Ездок запоздалый, с ним сын молодой. К отцу, весь иззябнув, малютка приник. Обняв его, держит и крестит старик.

Пауза.

Лев. Кто это?.. Вот уже в третий раз. И все с той же интонацией…

Пауза.

С обреченной… Понимаете, ужас сердце сковал! И не освободиться. Душа сомлела.

Пауза.

С вами так не бывало?

Татьяна. Это Павлуша… Мальва, фу!..

Лев. Бывало?

Татьяна. Слушайте, в самом деле, пошли бы куда-нибудь напоследок. Мало ли хороших мест в городе?

Лев. Ну, а я что?.. Разве здесь плохо? Вот, дерево выросло… Свежий воздух… Музыка… Можем выпить даже. *(Достает флягу.)*

Татьяна. Ну вот, начинается…

Лев. Коньяк неплохой. *(Отвинчивает крышку-стопочку, наливает.)* Прошу.

Татьяна. Без меня.

Лев. Ну, хорошо. За наш дом. Зачем куда-то ходить? Все лучшее – в своем доме. *(Выпивает.)*

Татьяна. В какой парадной жили?

Лев. А в той, из которой вы появились. Вон мои окна. *(Встает, прохаживается.)* И с того момента, как вы возникли в дверях, я вам мысленно задал сотню вопросов.

Татьяна отходит к скамье и садится.

Татьяна. О чем?

Лев *(широко улыбаясь).* Ну, как там… вообще?

Татьяна. Что?

Лев. В нашей парадной.

Татьяна. А что в нашей парадной?

Лев. Ну, как вам сказать… Жизнь идет?

Татьяна. Вопрос, прямо скажем, детский.

Лев. Да, пожалуй… Но, знаете, как-то странно…

Татьяна. Что странно?

Лев. Все почти вымерли, а жизнь идет.

Татьяна. А вы хотели, чтобы остановилась?

Лев. Да нет, что вы… *(Пауза.)* Собачка ваша что-то роет.

Татьяна. Пусть роет. Так ваши окна… которые?

Лев. На самом верху. Квартира двадцать девятая.

Татьяна *(после паузы).* Да?.. А, ну, конечно, давно. Там Боженковы сто лет живут. *(Пауза.)* Ладно, налейте мне.

Лев *(возвращаясь на место).* С удовольствием.

Татьяна. И охота вам?.. Ну, жили. Все где-нибудь жили… И чего вы пришли?

Лев. Выпейте. *(Отдает стопочку.)* Сам не знаю. Тянет. А Виктор Потапыч жив?

Татьяна. Виктор Потапыч?.. *(Выпивает.)* Жив. По утрам посиживает там, где вы сейчас… Палкой постукивает… А что?

Лев. Да ничего…

Татьяна. Значит, вы до войны.

Лев. И в блокаду. Как вас зовут?

Татьяна. Татьяна. А вы?..

Лев. Лев.

Татьяна. А с отчеством?

Лев. Дважды.

Татьяна. Ого! Лев Львович. Как дразнили?

Лев. Кошкин.

Татьяна. Понятно… То-то вы такой робкий.

Лев. Не доказано.

Татьяна. Господи!.. Неужели и я так приду?

Лев. Не советую. Ничего хорошего.

Татьяна. Слушайте, а что-то вы путаете… Боженковы тоже с блокады.

Лев. Ну и что?

Татьяна. В двадцать девятой.

Лев. Ну да.

Татьяна. А вы?

Лев. И мы. Нас было четверо. Двое взрослых и двое детей. Потапыча в начале сорок второго к нам подселили. Соседка у нас умерла, освободилась комната. Давайте выпьем. *(Отвинчивает стопочку.)* Он был милиционером. Ракетчиков ловил.

Татьяна. Да это я знаю… У него медали. Он рассказывал.

Лев. Вы пейте, пейте!..

Татьяна. Ой, господи!.. Это я собачку выгуливаю. *(Пьет.)*

Лев. На самом верху было опасно. Но, как ни странно, удобно. Ведро свежего снега с крыши – это большое благо – кастрюлька воды. А иначе надо было идти на Неву, к проруби. Одна беда – выходить на чердак и крышу строжайше запрещалось. Считалось, что ракетчики посылают свои сигналы вражеским самолетам с крыш. Поэтому висел замок.

Татьяна. Понятно. А у вашего отца был ключ.

Лев. Был. Отец в начале войны возглавлял домовую команду, называлась – МПВО. Местная противовоздушная оборона. Ну, а когда в команде никого не осталось, ключ у него отобрали. А после он обнаружил у себя дубликат. Боженков его выследил. Ну и…

Татьяна. Ну и… принял его за ракетчика?.. Вы что, серьезно?

Лев. Да полно вам. Начитались. Какого ракетчика – отец еле двигался. Боженков узнал и сказал: «Это, сосед, хорошо, давай я тоже буду туда ходить».

Татьяна. Понятно.

Лев. А что, милиционеры не люди? *(Встает, прохаживается, поглядывая на окна.)* Нас было четверо – двое взрослых, двое детей.

Татьяна. Да, вы говорили.

Лев. Собачка ваша стоит у парадной, соскучилась с нами.

Татьяна. Ничего, подождет.

Лев. Вот и я так же стоял, скулил.

Татьяна. Она-то хоть открыть не может, а вы?

Лев. Открывал.

Татьяна. И что?

Лев. Вдыхал запах. Подымал голову. Там наверху пролета вместо крыши – стеклянная призма. Да?

Татьяна. Да. А потом?

Лев. Брался за перила… по которым когда-то так хорошо было съезжать на пузе.

Татьяна. Ужас какой. Ну?..

Лев. Подымался на десять-пятнадцать ступеней…

Татьяна. Ну, так какого черта!..

Внезапно раздается чистый, отчаянный голос мальчика.

Голос. Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?.. Ездок запоздалый, с ним сын молодой. К отцу, весь иззябнув, малютка приник. Обняв его, держит и крестит старик…

Пауза.

Лев. Он что, больше ничего не знает?

Татьяна. Нет… Ну, так почему только на десять ступеней?

Лев. Я все боялся, что приду, а все дома: и отец, и мать, и братишка… Сидят за столом, ужинают. Спрашивают: а ты где так долго был? *(Пауза.)* А где ты так долго… *(Пауза.)* А может, боялся встречи с Потапычем.

Пауза. Слышно, как за окнами работают телевизоры.

Татьяна. Вы не опоздаете на поезд?

Лев. Нет.

Татьяна. Откуда вы?

Лев. Из Самары.

Татьяна. А почему не самолетом?

Лев. Люблю в дороге поговорить. В принципе – не тороплюсь.

Татьяна. Я вижу. Патологически. На пятый этаж подымаетесь сколько?..

Лев. Полстолетия.

Татьяна. Вот именно! Вы что, с ума сошли? *(Подходит, берет его за руку.)* Пойдемте!

Лев. Нет, что вы!..

Татьяна. Пошли, говорю!

Лев. Нет-нет… Нас было четверо…

Татьяна. Пойдемте, вам полегчает…

Лев (*упирается).* Нет.

Татьяна. Послушайте…

Лев. Отпустите… *(Садится.)*

Татьяна. Послушайте, что я скажу… Это не болезнь, но… это не очень здорово. *(Садится рядом.)* Поверьте!.. Я не врач, всего лишь медсестра, но я читала… Это навязчивое состояние, психоз… От него очень легко избавиться! Пойдемте, Лев Львович, вы убедитесь. Давайте выпьем для храбрости и пойдем.

Лев. Да вы что, там Потапыч.

Татьяна. А что Потапыч? Он тоже выпить не дурак. Узнает – обрадуется. Хотите, я поднимусь сначала одна, предупрежу?..

Лев *(хватает ее за руку).* Не вздумайте!

Татьяна. Вы – трус.

Лев. Как вам сказать…

Татьяна. Трус! Трус!

Лев. Много раз…

Татьяна. Трус!

Лев. …доказывал обратное.

Татьяна. Ну, не трус… Малодушный человек. Что меняется?.. Вот и сидите здесь! *(Встает.)* И скулите! Еще хоть целых полстолетия. Мальва! Пошли!.. *(Уходит.)*

Затемнение.

Двор живет, как огромная раковина, в которой хранятся шумы времени: шёпоты, стоны, возгласы удивления исчезнувших людей. Они иногда выходят на первый план, овладевают пространством и подавляют реальные звуки.

Лев сидит на том же месте, ничто не изменилось, лишь стало темнее.

Из парадной выходит Татьяна, садится рядом. В руках у нее полиэтиленовая сумка.

Татьяна. Он ждет вас.

Лев *(вздрогнув).* Ждет? Нет-нет!.. Лучше не надо!..

Татьяна. Все еще трусите?

Лев. Я вас не просил.

Татьяна. Что хочу, то и делаю. Я у себя дома.

Лев. Вот и занимались бы своими делами.

Татьяна. Ну, и не лезли бы с откровениями.

Пауза.

Лев. Простите… Кто у него?

Татьяна. Семья.

Лев. Я понимаю.
Татьяна. Сын, дочь, внуки.
Лев. А Люся? Или как ее…
Татьяна. Людмила Маркеловна. Она умерла.
Лев. Давно?
Татьяна. Пять лет назад.
Лев. Все ж пожила.
Татьяна. Есть хотите?
Лев. Надо подумать.
Татьяна. Чего тут думать. Ешьте. *(Кладет ему на колени сверток.)*
Лев. Спасибо. *(Ест бутерброд.)* Что он сказал?
Татьяна. Пусть придет.
Лев. И все?
Татьяна. И все.
Лев. Идти?
Татьяна. Вы знаете.
Лев *(кивает).* Доем. *(Жует.)* С нее все и началось.
Татьяна. С кого?
Лев. С Люси. Сидим при коптилке. Двое детей, двое взрослых. В пальто. Все равно холодно. Два стекла выбито воздушной волной, вместо них фанера. Хлеба нет. Болтанка из обойного клея. В августе родители должны были делать ремонт. Купили обоев. Пачки сухого клея. Ну вот… Появляется Потапыч, с ним миловидная блондинка. В кудрях, с яркой помадой. В белых бурках. Были такие. В основном, в системе снабжения. Потапыч говорит: знакомьтесь, невеста. Женимся. Отец говорит: очень приятно. А мы умираем. Она говорит: Да что вы, мы женимся. – Очень приятно. А мы умираем. – А мы женимся. Приходите на свадьбу. – Очень приятно. А вы на похороны. – Очень приятно. – И вам того же.

Татьяна сидит, нахохлившись, отвернувшись от него.

Татьяна *(вполголоса).* Врете, я думаю.
Лев. Да нет. Это я помню дословно.

Пауза.

Татьяна. Ну, и что?
Лев. Ничего. Вселился. Попросил вторую комнату. Все равно, говорит, вам и одной-то не натопить. Отец отказал. Говорит: вот и хорошо, что холодная, хоть положить будет где, когда кто-то помрет. Потапыч говорит: а не много ли тебе будет – и две комнаты, и чердак?..
Татьяна. Господи!.. О чем вы…
Лев. Потом я у них хлеб украл. Вынул из сумки на кухонном столе и съел в коридоре. Граммов двести. Мать просила простить, унижалась. Отдала им брошь, подарок отца.
Татьяна. Какую брошь?
Лев. А!.. Ничего особенного Красный камушек в позолоченной оправе. Просто мы умирали. А когда падаешь в пропасть – цепляешься… Вам приходилось висеть над пропастью?

Пауза.

Или смотреть сверху, как кто-то висит?..
Татьяна. Оставьте меня в покое.

Пауза.

Лев. Короче говоря, за отцом пришли. Судили как ракетчика. Вещественным доказательством был ключ. Потапыч был свидетелем обвинения.

Пауза.

Татьяна. Что дальше?

Лев. Ну, а что могло быть дальше? Семья погибла. Сначала умер брат… Потом с улицы не вернулась мама. Пошла за хлебом… упала в очереди. Дворничиха позже рассказывала. Я почему-то выжил. Люся подкармливала, когда я остался один. Она была добрая. И веселая, все смеялась. Попал в детский дом. С ним – в Куйбышев. Нынче – Самара. Заболтал я вас. Пошли. *(Встает.)*

Татьяна не двигается.

Ну, идем?

Татьяна. Вы теперь чего от него хотите?

Лев. Не знаю. *(Пауза.)* Когда я здесь, у меня всегда с собой вот эта штука *(Распахивает дипломат.)*

Татьяна *(после паузы).* Вы что, серьезно?

Лев. Как видите. *(Достает из дипломата пистолет и кладет в карман.)*

Татьяна. Но… вы же взрослый человек. Неглупый. Судя по всему, образованный. Думаю даже, порядочный. Вы что… можете застрелить старика?

Лев. Как вам сказать…

Татьяна. Жалкого, полуживого.

Лев. Но я же дал ему большую отсрочку. На целых пятьдесят лет. Согласитесь, это не мало. Ведь я же мог исполнить приговор…

Татьяна. Какой приговор?

Лев. То есть, как…

Татьяна. Кто его вынес? Вы?

Лев. Да, тот юнец. Ну, а кто еще? Больше некому.

Татьяна. Ах, вот оно что… Вот зачем вы сюда приходили. Вы сидели и предвкушали убийство.

Пауза.

Лев. Нет. Я думал: должна же быть на свете справедливость.

Татьяна. Послушайте, а вам не странно, что вы, немолодой уже человек, и, судя по всему, не бесплодно проживший жизнь, все еще находитесь в плену у того несчастного, ожесточившегося юнца, каким вы тогда были? И вам не кажется, что ваше детство и ваша юность несколько затянулись?

Пауза.

Лев. Кажется.

Татьяна. И что на самом деле пришли вы сюда, чтобы не казнить, а простить. *(Пауза.)* Но очень боитесь этого своего поступка и потому оттягиваете.

Лев. Конечно. Боюсь, что заговорю с ним, как ни в чем не бывало. Да еще руку подам. *(Пауза.)* А может, и не подам! А может, выхвачу эту штуку и сразу, без раздумий!..

Татьяна. Что? Договаривайте.

Лев. Что-что… Откуда я знаю. Мы ленивые и отходчивые. Потому и расплодили зло… Скажите, сколько можно прощать? Сколько еще нужно выпустить из нас крови, чтобы мы оцепенели от ужаса, чтобы сердце наше закаменело, и рука стала твердой? Ну, что мы за люди? Ах, какие мы подлые – податливые, сговорчивые. И вы, сестра милосердия, со своим дилетантским психоанализом…

Татьяна. Я не сестра. Я – дочь.

Лев. Чья дочь?

Татьяна. Моя фамилия – Боженкова.

Пауза. Она пересаживается на скамью напротив. Лев в шоке, он непроизвольно поднимается на ноги.

Оцениваете пикантность момента? Я только сейчас обнаружила, что жизнью обязана вам. Подымись тот юноша выше второго этажа… Благодарю вас за вашу благородную победу над жаждой мести, окончившуюся чудом моего рождения.

Лев. Ну, что ж… мне остается капитулировать. *(Поднимает руки.)* Сдаюсь. Разоружаюсь. *(Достает пистолет из кармана, кладет его в дипломат.)*

Татьяна. Принимаю.

Лев *(доставая флягу).* И даже с угрызениями совести.

Татьяна, Ну, это слишком большая роскошь.

Лев. Да нет…

Татьяна. Да, да!

Лев. Пусть все, кто пережил эти годы, остаются героями. *(Наливает.)* Время всех уравняет. Никто не будет забыт. И ничто не будет забыто. Кроме жестокости и малодушия. Зачем это помнить? Это худо, когда детям бывает стыдно за своих отцов. Память должна быть светлой. Выпьем за светлую память! Прошу вас!.. *(Отдает стопочку Татьяне и садится рядом с ней.)* У героя и внуки имеются?

Татьяна. Трое. Два от брата один от меня.

Лев. И все Боженковы?

Татьяна. Да.

Смотрят друг на друга, молчат. Она вынимает из сумки небольшую модель планера.

Это ваше?

Лев *(вскакивая).* Да!.. Откуда?.. Боже… *(Обеими руками принимает модель.)*

Татьяна. Висела в чулане. Хотели выбросить, я взяла к себе… Повесила над столом. Была младше, думала: вот объявится владелец… Вроде Сани Григорьева вас представляла. Помните, «Два капитана»?

Лев. Не то слово… Спасибо.

Татьяна. Так что в некотором роде… я вас ждала.

Пауза.

Я была романтической девочкой.

Пауза.

Лев. И ведь самое интересное, что я приходил.

Татьяна. Я ждала. Вы приходили. А мы так и не встретились.

Лев. Не судьба… *(Пауза.)* Так, может, поднимемся? Вы говорите, он ждет.

Татьяна *(коснувшись его руки, мягко).* Не надо, Лев Львович. Всё. Отрезано. Там у вас больше никого нет.

Лев. Вы уверены?

Татьяна. Да. И больше вы сюда не придете. Слышите?

Лев *(после паузы).* Да.

Татьяна. Вы здоровы. Вы отомстили. Вы простили. Вы удовлетворены. Компенсированы. Понимаете?

Лев *(не сразу).* Да.

Татьяна. Вам надо ехать домой, где бы он ни был. У вас семья. Вас ждут дети. Да?

Лев. Да-да.

Татьяна. А те, кто здесь жил до нас, они останутся… Поверьте, останутся… Прислушайтесь…

Двор оглашается звуками.

В шёпотах… В стонах… В возгласах удивления… Узнаете?

Лев. Да!..

Татьяна. Пусть так и будет. Не беспокойте их.

Лев. Да. Хорошо.

Татьяна. Вы кому-нибудь рассказывали?

Лев. Нет.

Татьяна. Некому?

Лев. Есть.

Татьяна. Плохо слушают?

Лев. Да. Отвлеченно.

Татьяна. С этим беда.

Лев. Вечное одиночество.

Татьяна. Да. Слова бессильны.

Лев. Только интуиция.

Татьяна. Редкое качество.

Лев. Редкое.

Татьяна. Чтобы на той же волне…

Лев. Или хотя бы в том же диапазоне.

Татьяна. Расскажите мне.

Лев *(после паузы).* Хорошо… Квадрат неба… Молочное облако… Трио Рахманинова, – едва, едва из чьей-то квартиры. Звон посуды. Запах жареной рыбы… С улицы – автомобильный клаксон… И визг затормозившего трамвая… Это возле «Астории».

Татьяна. Да. Я прожила. Запомню. Сейчас трамваи не ходят. Но я представила. *(Встает.)* Сидите здесь. Сейчас я принесу вам брошку.

Лев. Зачем?

Татьяна. Как зачем. Это брошь вашей мамы. Будет вам память.

Лев. Да? Она у вас?.. *(Что-то отвлекает его.)*

У ворот появляются ***трое военных*** *в камуфляжной форме. Двое с автоматами остаются у ворот,* ***офицер*** *приближается.*

Офицер. Вы из этого дома?
Татьяна. Да.
Офицер. Двадцать девятая в какой парадной?
Татьяна. А вам кого?
Офицер. Вы не ответили.
Татьяна. Я живу в двадцать девятой. Что вы хотите?
Офицер. Ваша фамилия?
Татьяна. Боженкова.
Офицер. Ну, правильно. Это кто-то от вас звонил? Мужской голос. Отец? Брат? Сват?
Татьяна. Это отец! Слушайте, он больной человек. Что он сказал?
Офицер. Что в доме будто бы террорист. Что он пришел ему отомстить.
Татьяна. Что за чушь! Я пойду!.. Я дочь… Я медсестра.
Офицер. Оставайтесь на месте.
Татьяна. У него не в порядке с психикой. Не верьте ни одному слову.
Офицер *(Льву).* А вы кто?
Татьяна. Мой знакомый. Лев Львович.
Офицер. Тоже здесь проживаете?
Лев. Нет, я приезжий.
Татьяна. И у него поезд! Идите, вы опоздаете.

Лев прячет флягу. Застегивается. Берет дипломат.

Офицер. Одну минуту. Документы у вас имеются?
Лев. Да. *(Протягивает документ.)* Пожалуйста.
Офицер *(возвращает).* Все понятно. Извините, еще одна формальность. Для порядка. *(Профессионально обшаривает одежду, карманы.)* Откройте дипломат.

Лев открывает. Пауза. Офицер отворачивается, закуривает.

Разрешение есть?
Татьяна. Послушайте! Товарищ офицер!..
Офицер. Я не вас спрашиваю.
Татьяна. Я объясню!..
Офицер. Есть или нет?
Лев. Нет.
Татьяна. Ну, что же это!.. Вы не должны!.. Постойте! (*Рыдает.)* Его нельзя!.. Я столько ждала его!.. Невозможно!..
Офицер *(Льву, взяв пистолет).* Так… Ждали, говорите?.. А старик не ждал… *(Пауза. Покачав пистолет на руке.)* Почему не сказали, что он игрушечный?.. Купили сыну?.. Так бы и сказали. *(Швыряет пистолет обратно в дипломат.)* Террорист, видишь ли… *(Уходит.)*
Татьяна *(после паузы).* Ну, теперь наигрались?.. *(Утерев слезы, усаживает Льва на скамью.)*
Лев. Нет еще. *(Берет со стола планер, что-то проверяет в нем, поправляет и запускает в воздух.)*

Радиоуправляемый планер (или простой бумажный голубь!) в лучах прожекторов делает круги по двору, едва не касаясь стен. Окна одно за другим зажигаются – во дворе пол-

ная иллюминация. Гул жизни – голоса, вздохи, обрывки музыки – наполняет его. И – взволнованный голос мальчика.

Голос. Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?.. Ездок запоздалый, с ним сын молодой. К отцу, весь иззябнув, малютка приник. Обняв его, держит и крестит старик…

Планер делает виражи, снижается. И, наконец, приземляется. Прожектора гаснут.

Лев. Вот теперь всё!

Татьяна, завороженная зрелищем, стоит рядом со Львом без движения. И вдруг обнимает его, приникает к нему, как к близкому существу после долгой разлуки. Лев прижимает ее голову к себе, гладит, целует.

Татьяна. Ты посиди. Я сейчас… Я быстро! Только не уходи!.. Умоляю тебя, дождись меня!.. Милый, родной мой… *(целует его)*…только не уходи!.. *(Пятясь к парадной.)* Не исчезай!.. Останься…

Лев садится на скамью и сидит в одиночестве, как в начале, откинувшись на спинку, глядя на окна. Они гаснут, одно за другим. Он встает и уходит.

Лишь одно окно освещено – на верхнем этаже.

Затемнение

Интервью
Драма в одном действии

Действующие лица:
Потапыч
Серафима
Радиожурналистка

Тот же петербургский двор. Раннее утро. Солнечные блики выстреливают от одного окна к другому, то ослепительно ярко, то приглушенно, следуя игре облаков высоко в небе над колодцем двора. Из открытых окон иногда приходят звуки квартир, в основном хозяйственные – дребезжанье посуды, визг пылесоса, иногда радио. Серафима, пожилая женщина, высокая, сухая и, судя по всему, вздорная, катит магазинную раздолбанную тележку, уставленную ящиками, по периметру двора, то и дело останавливаясь.

Журналистка *(с микрофоном в руке).* Здравствуйте! Можно с вами поговорить?..

Серафима. О чём это?

Журналистка. О жизни, о вас, о добрых ваших делах…

Серафима. Поди прочь!. Ты про себя напиши, какая ты дура… А я никакая не добрая. *(Отъезжает с громыханием.)* Нашла добрую.

Журналистка. Ну, погодите!..

Серафима *(ворчливо).* Я никакого добра не делаю, отстань. Ни добра, ни зла. А делаю, чего хочу. И ты пойди, найди себе дело, чем к людям приставать.

Журналистка. Ну, поймите!.. Ведь это же важно. Может, ваш пример…

Серафима *(резко остановившись).* Пример? Какой пример? Господь дал тебе пример, а ты ему следуешь? Вот поди, разберись, как ты живешь, а тогда приходи. Ага. А чего не поймешь, писание почитай. И нечего мне свой набалдашник подставлять, убери, говорю, а то плюну!.. *(Покатила.)*

Журналистка, не привыкшая к отказам, с обидой и неостывшей надеждой наблюдает за Серафимой издалека. А та, действительно, занята необычным делом. Из некоторых окон чуть не до самого тротуара свешиваются корзинки на крепких шнурах. Вот в эти корзинки, Серафима, сверяясь со списком, кладет то пачки кефира, то батон, то бумажный пакет. А деньги из специальной коробочки небрежно перекладывает себе в карман. Корзинки тут же уплывают вверх.

В сквере в центре двора сидит старик с тростью. Это ***Потапыч****, здешний старожил. Журналистка присаживается рядом с ним на скамейку.*

Журналистка. Что за странная личность тут у вас обитает…

Потапыч. А вот такая у нас.

Журналистка. Кто говорит, героиня. Кто – святая.

Потапыч. Героиня? А это как посмотреть. Герои среди нас ходят. Иной раз удивишься скромности…

Журналистка. Да-да!.. Это вы правы.

Потапыч. Но уж никак не святая. Святых людей вообще не бывает.

Журналистка. Ну, просто добрая.

Потапыч. Серафима-то? Да полно вам, какая она добрая. Свирепая старуха, таких поискать.

Журналистка. Да ну?..

Потапыч. Да-а!.. Склочница, матершинница.

Журналистка. Ну, что вы…

Потапыч. Как, вас еще не покрыла? Покроет.

Журналистка. А все же за нею дела.

Потапыч. Дела? А что дела. Дела без выгоды не бывают. Когда вот преследовали за всякую мелочевку, люди не поленились, подсчитали, каков у нее доход.

Журналистка. С чего же это?

Потапыч. Как с чего, со сданной посуды. Это сейчас пакеты, а раньше бутылки были с цветными крышечками… Пробовали тогда обложить ее налогом, она такой мат-перемат подняла… Ну, естественно, жильцы защитили. Вы что, записываете, что ли?.. Аппарат включен?

Журналистка. Да.

Потапыч. А кто разрешил? Я согласия своего не давал.

Журналистка. Это моя работа.

Потапыч. Ишь вы, какие своевольные стали…

Журналистка. Свобода слова.

Потапыч. Свобода… Ладно, прощаю.

Журналистка. Ваше имя-отчество?

Потапыч. Боженков фамилия, Виктор Потапыч.

Журналистка. Здесь давно живете?

Потапыч. С блокады. А вам зачем?

Журналистка. Интересно.

Потапыч. Не знаю, не знаю, что во мне интересного… А с какой целью?

Журналистка. Да вы не бойтесь.

Потапыч. Нет, пережито, конечно, много…

Журналистка. Где?

Потапыч. Так здесь же, вот тут…

Журналистка. И в блокаду?

Потапыч. Всю войну. *(Приосанившись.)* Я в краснознаменной ленинградской милиции служил…

Журналистка. Ну, расскажите что-нибудь о войне.

Потапыч *(приняв значительный вид)*. 22 июня одна тысяча девятьсот сорок первого года гитлеровская Германия вероломно напала на Советский союз, нарушив мирный труд советских людей. Началась Великая отечественная война советского народа, закончившаяся полным разгромом гитлеровской Германии.

Журналистка. А что, тележка вот так и стоит, и никто не ворует?

Потапыч. Не было такого случая.

Журналистка. Так что все-таки она за человек?

Потапыч. Кто? Серафима?.. Чумовая старуха.

Журналистка. Муж у нее есть?

Потапыч. Му-уж?..? (Усмехнувшись.) А у вас есть муж?

Журналистка. Есть.

Потапыч. Журналист тоже?

Журналистка. Звукооператор.

Потапыч. Ну, а кто у вас верховодит?

Журналистка. В семье? Не знаю… Мужчина, наверное.

Потапыч. Ну, так какой же у нее может быть муж? Так. О ком речь?

Журналистка. О муже.

Потапыч. Да причем тут муж? Обо мне или о ней? Давайте определимся.

Журналистка. А вы оба меня интересуете.
Потапыч. Ну так… продолжать?
Журналистка. Продолжайте.
Потапыч. Включен?
Журналистка. Постоянно.
Потапыч. А вот это напрасно.
Журналистка. Почему?
Потапыч. Напрасно.
Журналистка. Живой разговор.
Потапыч. Может проскочить всякое.
Журналистка. Вырежем.
Плтапыч. Ну, разве что… Продолжаю. *(Тоном докладчика.)* Вероломное нападение дало противнику некоторые преимущества и, несмотря на большие потери в живой силе и технике, неприятельские полчища быстро продвигались на западном и северо-западном направлении… от них если смотреть, то, естественно, на восток… Неинтересно?
Журналистка. Неинтересно.
Потапыч. Жаль. *(Пауза.)* Давно собирался.
Журналистка. Что?
Потапыч. Подвести некоторые итоги. Имею собственную точку зрения на ход Великой отечественной войны.
Журналистка. А вы напишите.
Потапыч. Написал. *(Достает из кармана тетрадку.)*
Журналистка. Посылали?
Потапыч. Посылал. Да разве пробьешься? Всюду мафия.
Журналистка. А вы расскажите, как здесь было, во дворе.
Потапыч. А что во дворе? Это же – двор. Жильцы. Пусть дворник рассказывает.
Журналистка. Я у Серафимы поспрашиваю.
Потапыч. А она кто? Уборщица в магазине. А я – офицер. Закончил в звании старшего лейтенанта. Заслуги имею. Правительственные награды…
Журналистка. Я сегодня еще не завтракала. Пойду в магазин, куплю кефиру. Заодно о Серафиме поспрашиваю. *(Уходит.)*
Потапыч. Видите, ей про награды. А ее уборщица интересует.

С верхних этажей спускаются на веревках несколько корзин. Появляется Серафима с тележкой. Закладывает провизию в корзины. Потапыч тащится за ней.

Потапыч. Серафима.
Серафима. Чего тебе.
Потапыч. Слышь, Серафима, скоро я слягу.
Серафима. Давно пора. В штаны еще не ходишь?
Потапыч. Не хожу. Будешь мне носить?
Серафима. Еще чего.
Потапыч. Носи, Серафима.
Серафима. У тебя есть кому.
Потапыч. До меня ли им дело?
Серафима. Мне-то что.
Потапыч. С тобой спокойней.

Пауза. Корзины плывут вверх.

Прости, Серафима. Я теперь тебя понял. Ты знаешь, кто ты, а, Серафима? Ты единственная из них – коммунистка, никого не осталось, все переродились, мать их так!

Серафима. Ах ты, старая проститутка! Не ты ли клеймил меня мелкобуржуазным элементом? Налога на меня требовал.

Потапыч. Ну что ж, что называл, я так думал. Не я один, тогда многие так думали. Время было такое. Была генеральная линия, Серафима.

Серафима. Вот теперь засунь ее себе, знаешь куда… *(Отходит.)*

Потапыч *(плетется за ней).* Значит, другим будешь, а мне нет… Я буду лежать там заброшенный, а ты не заглянешь?..

Серафима. К тебе высоко.

Потапыч. Оставишь подыхать одного, Серафима?

Серафима. Как же… подохнешь…

Потапыч. Что ж моя за доля такая! *(Всхлипывает.)* Никому не нужен. Никто не выслушает… *(Достает платок, утирает слезы.)*

Серафима. Пожалей, пожалей себя.

Потапыч. Подумаешь – что в итоге?

Серафима. Ну, и что?

Потапыч. Так… щепотка чего-то… горько-соленого.

Серафима. Неужто покаялся?

Потапыч. Как сказать… Что я честно долг выполнял – не жалею. Но что мое усердие не пошло на доброе дело – признаю. *(Пауза.)* Ты вот по квартирам ходишь – как у людей?

Серафима. У всех то же самое.

Потапыч. У всех, Серафима.

Серафима. Ах, противный ты мужик, никогда ты мне не нравился.

Потапыч. Ну-ну…

Серафима. Идешь, бывало, самодовольный, ухмыльчивый.

Потапыч. Ну, это когда!..

Серафима. Я тебя даже однажды водой облила.

Потапыч. Из окна, что ль?..

Серафима *(кивает. Пауза).* А скажи, Виктор Потапыч, хоть что-нибудь тебя мучает? Совесть за что-нибудь гложет?

Потапыч. Мучает, Серафима, гудит постоянно, как зубная боль.

Входят в скверик. Серафима садится на скамью. Потапыч остается стоять перед ней.

Серафима. За что? *(Закуривает.)*

Потапыч. А вот когда Люся в больнице лежала, перед последней операцией, я к ней в субботу пришел, а операция была назначена на понедельник. Ну, принес передачу – виноград, апельсины, их лучше всего на тумбочке видно – значит, к тебе ходят, значит, ты не один… Ну, посидел возле минут пятнадцать, а в палате много их, душно, смрадно. Кто бредит, кто халат выше пояса задирает, кому родственники простыню меняют. Думаю: как мне скорее уйти отсюда. А Люся мне руки целует, глазами одними умоляет: не уходи, страшно! Не уходи, не бросай!.. Веришь-нет, Серафима, мне и жалко ее, Люсю мою, а всё естество прочь стремится, на воздух, тошнота подступает…

Серафима. И ушел?

Потапыч *(присаживается)*. Ушел. Минут десять еще промаялся и ушел. Дома курил одну за другой, водки выпил да и развеялся. Так развеялся, что на следующий день, в воскресенье, думаю: а чего я пойду? Сходи, говорю, дочка, теперь ты, а я уже был. Тянул меня кто-

то, толкал: иди, мол, иди, простись. А я снова выпил. Ну, куда теперь пойдешь, сиди, мол, всё обойдется. После сходишь. А на следующий день, в понедельник, идти уже было не к кому… К Люсе моей… *(Всхлипывает. Утирает слезы.)* Вот так, Серафима, отвечу на твой вопрос.

Серафима *(после паузы).* Это хорошо.

Потапыч. Что?

Серафима. Что мучаешься. Значит, она тебя простила.

Потапыч. Сам себе никогда не прощу. Может, если б я пришел… *(Утирается.)*

Серафима. Слушай, эта опять идет.

Потапыч. Кто?

Серафима. С микрофоном.

Потапыч. Это ко мне.

Серафима. Чего ей надо.

Потапыч. Про жизнь выпытывает. Ничего ей не скажу. Тебе скажу, Серафима, ты спрашивай.

Серафима встает и уходит к своей тележке. ***Журналистка****, провожая ее взглядом, садится на скамью.*

Журналистка. Никто слова доброго не сказал. Всех обругала, со всеми в ссоре.

Потапыч. Так будете репортаж о ней?

Журналистка. Ой, прям не знаю… Тяжелый случай. К самой не подступись… Давайте с вами закончим.

Потапыч. Я чего, я долг выполнял.

Журналистка. В чем состоял ваш долг?

Потапыч. А то не знаете? Немца раздолбать!.. Вот в чем.

Журналистка. Как его раздолбаешь, если он город окружил и к себе не подпускает.

Потапыч. А вот тут и вступает в дело особая тактика советского командования. Думаете, зря наши органы свой паек ели?.. Все было спланировано. Войска Ленфронта надо было вывести по коридорчику… Да так, чтоб противник видел, что путь открыт.

Журналистка. И что дальше?

Потапыч. Что дальше. Заманить их в город, а потом – рвануть!

Журналистка *(помолчав).* Это вы сами придумали?

Потапыч. Зачем сам. Был план. Официально. Назывался «План Д». По уничтожению врага в захваченном городе. Это до того уже в Киеве было опробовано.

Журналистка. То есть, как?

Потапыч. А вот тебе и как. Кутузов что сделал? Заманил, а после поджег. Кто о нем худое слово нынче скажет? И Москва стоит.

Журналистка. Но ведь люди…

Потапыч. Что люди, что люди!.. Чуть что – сразу люди… Люди все равно повымерли бы. Их кто, немец стал бы кормить? А кто мог ходить, тот бы ушел через специальные коридоры.

Журналистка. Что вы плетёте! Нелепый старик! Как же можно город с больными людьми подрывать?..

Потапыч. Так война же!..

Журналистка. С детьми, стариками. Как у вас язык поворачивается на такую фантазию.

Потапыч. Фантазию, говоришь?.. А хочешь знать, что уже все было подготовлено для взрыва?

Журналистка. Не могло быть!

Потапыч. Было!

Журналистка. Чушь!

Потапыч. Если б Сталин Жукова не забрал…

Журналистка *(помолчав).* Бред какой-то…

Потапыч. Да что ты все – чушь, бред!.. Я сам был в секретной команде.

Журналистка. Вы? В какой должности?

Потапыч. Не скажу.

Журналистка. И что вы минировали?

Потапыч. А все подряд. Заводы, мосты, водопровод, телеграф, АТС, торговый порт – ну, что ты будешь делать, за что ни возьмись в нашем городе, – всё военный объект.

Журналистка. И Александринку?

Потапыч. Не могу знать.

Журналистка. И Адмиралтейство?

Потапыч. Не имею права. Я эту страшную тайну с собой унесу.

Журналистка. И Эрмитаж?

Потапыч. Девушка, какой Эрмитаж? Это был стратегический объект двойного назначения.

Журналистка. Врете вы все! Все врете! Не могло быть такого плана. А если бы был, патриоты города никогда бы не дали ему осуществиться.

Потапыч. Ладно. Как знаете… Ну, что, работать-то будем?

Журналистка. Что работать?

Потапыч. Ну, интервью.

Журналистка. Так вы уже наработали.

Потапыч. Чего наработал?

Журналистка. Вон столько чуши наговорили… (*Достает кассету.)*

Потапыч. И все записала?

Журналистка. Естественно.

Потапыч. Отдай.

Журналистка. Еще чего.

Потапыч. Отдай!

Журналистка. Не отдам!

Потапыч. Не имеешь права.

Журналистка. Кассета – собственность телерадиокомпании.

Потапыч. Государственная тайна!

Журналистка. Надо было хранить.

Потапыч. Отдай! Доложу, куда следует.

Журналистка. Пресса – независима и работает без цензуры.

Потапыч. Тайны все равно есть. И их надо хранить.

Журналистка. Правду не спрячешь.

Потапыч. Ты меня погубишь.

Журналистка. А вы?.. Такой город хотели погубить! Да еще, говорите, со всеми жителями. Вот теперь и ответите.

Пауза.

Потапыч. А я можно чего скажу?

Журналистка. Чего?

Потапыч. А у тебя кофта на левую сторону… А-а!.. *(Смеется.)* Неряха! Неряха ты!.. Так же и с репортажами!..

Журналистка спешно уходит.

(Вдогонку.) Нельзя тебя допускать к серьезному делу! *(Берется за сердце.)*

Как-то внутренне вдруг затихший Потапыч медленно и осторожно ложится на стол. И постепенно двором овладевает мир звуков. Они всегда живут в нем, как живет шум прибоя в большой раковине, но когда становится очень тихо, они постепенно выходят на первый план и овладевают слухом. Это обрывки речи живших здесь женщин, мужчин и детей, музыкальные пассажи – неважно, чем рожденные – скрипкой, радио или патефоном, это шорохи, вздохи, возгласы удивления, бой часов или трель телефона. И среди них – так же сверху, будто отлетевший, – звучит голос самого Виктора Потаповича Боженкова.

Потапыч. Серафима! Ты где?.. Плохо мне. Ты завтра и начинай… Чего-нибудь… Чего другим, то и мне… Кефирчику… сырок с цукатом… Важно ведь внимание… А лучше не надо, Серафима… Принесут. Тебя о другом попрошу… Устрой мне проводы во дворе… Вот на этот стол поставь, где я лежу… Как гражданина… Как патриота… Ногами только в сторону подворотни. Неправильно лежу… Музыку не заказывай, дорого. Какую-нибудь пластинку поставь. Баха или как его… Дочка знает… Ой, а чего это?!.

Потапыч вдруг вздрагивает всем телом и открывает глаза. Из окна третьего этажа на него летит широкая лента воды. У Потапыча хватает сил увернуться. В окне Серафима с кувшином.

Серафима. А чего это ты разлегся, служивый?..

Потапыч. Кончай, Серафима!.. Нашла забаву. *(Встает, кряхтя, слезает со стола, отряхивается, не переставая ворчать.)* Озорница старая… Всё не как у людей…

Серафима. Поднимайся сюда, Потапыч. Смотри, какая старушка лежит в чепце, словно куколка!.. Щечки розовые, духи французские!.. А вот я вас сосватаю!..

Потапыч. Иду, иду!..

Кряхтя, опираясь на трость, Потапыч уходит в парадную.

Занавес

Бродячая музыка
Одноактный трагифарс

Действующие лица:
Первый
Второй
Женщина с мальчиком

Двор-колодец. Утренний час, когда в доме остаются только домохозяйки и пенсионеры. Солнечные лучи падают лишь на верхние ряды окон одной стены, ниже по стеклам гуляют много раз отраженные солнечные блики.

Два пожилых бродячих музыканта, ***Первый*** *и* ***Второй****, каждый – человек-оркестр с чудовищным набором инструментов, в ярких шутовских одеждах стоят посреди двора, подняв головы, как бы к чему-то прислушиваясь.*

Первый. Третье слева.
Второй. На каком?
Первый. На четвертом.
Второй. Не вижу.
Первый. За занавеской.
Второй. Скотина.
Первый. Пацан, должно быть.
Второй. Уши надрать.
Первый *(вздохнув).* Поехали.
Вместе *(в сопровождении скрипки, гитары, барабана, бубна, каких-то трещоток и еще черт знает чего).* С бою взяли город Брянск! Город весь прошли! На последней улице название прочли! А название такое, прямо слово, боевое, Минская улица на Запад нас ведет! Значит, нам туда дорога, значит нам туда дорога! Минская улица! На Запад нас ведет.

(Выбор песен – как примету времени – автор всецело передает на усмотрение постановщика).

В середине куплета сильная струя воды, пущенная из какого-то пневматического устройства, зигзагом падает на певцов. Пока ***Первый*** *допевает куплет,* ***Второй*** *отряхивается.*

Второй. Слушай, дебил, ты кончай эти прятки, покажи морду свою дебильную! *(Вытряхивает воду из гитары.)* Рахит недоделанный.
Первый *(не переставая играть)*. Давай, давай!..
Вместе. С бою взяли город Минск! Город весь прошли! На последней улице название прочли! А название такое, прямо слово, боевое – Брестская улица! На Запад нас ведет!..

Гнилой помидор шлепается рядом со Вторым, он потрясает кулаком, но поет.

Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога! Брестская улица!

Другой помидор попадает в шляпу.

Второй. Скотина!
Первый. На Запад нас ведет!

Звучит музыкальный проигрыш, хотя он и не предусмотрен.

Второй. Не даст работать.
Первый. Кочумай.

Падает сверток.

А это что?..
Второй. Засранец. *(Брезгливо поднимает.)* Четвертной.
Первый. Вот видишь? Поехали!
Вместе. С бою взяли город Брест! Город весь прошли! На последней улице название прочли. А название такое, прямо слово, боевое. Берлинская улица!..

Струя воды заставляет их судорожно дернуться.

На Запад нас ведет! Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога! Берлинская улица! На Запад нас ведет. На Берли-иин!..

Они заканчивают под целой серией водяных зарядов.

Второй. Не, я не буду здесь. *(Снимает шляпу, уходит, отряхиваясь.)* Пошли.
Первый. Постой!..
Второй. Молокосос!.. *(Трясет кулаком.)*
Первый. Отойдем.
Второй. Козел вонючий. *(Громко.)* Козел!.. Понял?..
Первый. Не ори.
Второй *(тихо).* Вонючий. Понял?..
Первый. Будем ходить по двору.

Сверху падает сверток.

Второй. Опять какая-нибудь пакость.
Первый *(развернув бумагу, взглянув удивленно вверх).* Однако.
Второй. Что?
Первый. Полсотни.
Второй. Иди ты.
Первый. Понравилось.
Второй. Не, это не пацан. Кто-то другой.
Первый. Оттуда же. Поклон.
Второй. Пошел к черту.
Первый. Поклон, говорю!

Картинно кланяются.

(Прячет деньги.) Будем башлять. Третий номер.
Второй. Может, не надо?

Первый. Надо. Поехали.

Притоптывая, исполняют проигрыш.

Вместе. С Одесского кичмана шагали два уркана. Шагали два уркана налегке. Раз-два!

Далее история повторяется: из того же окна в них летит то гнилье, то какие-то ошметья, то струи воды, то свертки с деньгами. Они бодро заканчивают номер и, смиренно утираясь, отряхиваясь, идут по двору собирать добычу.

Первый *(разворачивая бумагу).* Помереть-уснуть.
Второй. Сколько?
Первый. Сотня.
Второй. У меня тоже.
Первый. Меценат хренов.
Второй. Идиот. Костюм-то испорчен.

Первый разворачивает сверток, роняет его и с омерзением смотрит на свои руки.

Что там?
Первый. То самое.
Второй. Что самое?
Первый. Что-что… Говно!
Второй. Он издевается.
Первый. Дрянь какая…
Второй. Фу, мерзость!
Первый. Достань термос.
Второй. Засранец! *(Поливает на руки Первому.)*
Первый. Думает, если бабки, ему все позволено.
Второй. Ненавижу!
Первый. Я пойду, швырну ему его деньги! *(Лезет в карман, но достает платок, утирает руки.)* Сволочь.
Второй. Пойдем отсюда. Такого унижения… *(С пафосом.)* Ни-ког-да!..
Первый. Что за харя такая? *(Смотрит вверх.)*
Второй. …еще не испытывал.
Первый. Ну, покажи, покажи свою толстую харю!
Второй. Меценат долбанный.
Первый. Прячется.
Второй. Шизофреник.
Первый. За яйца повесить.
Второй. Вот именно.
Первый. Давай.
Второй. Чего?
Первый. Работать.
Второй. Чего работать-то?..
Первый. Чего-чего, пятый номер!

Расходятся, чертыхаясь. Второй посылает кверху проклятия, потрясает кулаком. Понемногу успокаиваются, сходятся. Нежные звуки мандолины с гитарой. Певцы исполняют

«Санта-Лючию». Лица их светлы, покойны, даже слащавы, но свет и покой порою сменяются тревожным ожиданием и короткими взглядами наверх. Здесь автор полностью доверяет мимическому искусству актеров и оставляет лишь пожелание не сбиваться на клоунаду, а следовать в русле трагифарсового существования.

(В середине номера во дворе появляется низкорослый, крепко сбитый ***мужичок*** *и останавливается поодаль, с интересом слушая певцов. А в конце последнего куплета, когда дело идет к последней фразе, он вдруг приподымается на цыпочки и поет ее чуть ли не контртенором. Пока он тянет верхнюю ноту, певцы успевают несколько раз нервно переглянуться. Наверху аплодируют. Оба слащаво улыбаются, раскланиваются.*

Первый. Пошел вон! *(Кланяется.)*
Второй. Убирайся! *(Кланяется.)*
Первый. Так и рыщут, так и подкарауливают!..

Мужичок исчезает. Сцена необязательна).

Звучат шумные аплодисменты, и сверху на артистов вдруг сыплется золотой дождь: это ассигнации, звонкие монеты вперемежку с золотыми нитями, золотой и серебряной елочной мишурой. Счастливые артисты вздымают руки навстречу золотому потоку.

Затемнение.

Тот же двор. ***Первый*** *накрывает ужин на столике в середине сквера.* ***Второй*** *стирает в тазике в сторонке. Возле каждого банка с пивом.*

Первый. А ты представь себе военно-полевые условия, Петров!
Второй. Ага. По защите отечества.
Первый. Окопы. Передовая…
Второй. От негодяев.
Первый. И что вместо кульков сыплются мины. Осколки… Вот так, знаешь… *(Показывает.)* У-у-у!.. Бах-ба-бах!..
Второй. Говорят, после затяжной обороны все окопы были в говне. *(Вдруг замирает. Подозрительно принюхивается к рукавам. Это теперь у обоих певцов станет манией и будет сопровождать их до конца.)*
Первый. Вот именно. А ведь концертные бригады куда только не попадали.
Второй. Э-э, по мне, лучше уж мины…
Первый. Ну-ну, не дури… Живой ходишь. Да еще и деньги платят.
Второй. Да пошли они!.. *(Достает из кармана скомканные купюры, смотрит на них испепеляющим взглядом, но, помедлив секунду, снова прячет в карман.)*
Первый. Да ты садись… Давай, перекусим. И заодно перетрём… Тут ведь спокойно надо… Разберемся… Проанализируем… За и против… Это туда, то сюда…

Садятся за стол.

Второй. Ты вот скажи мне, что это?.. *(Глазами обводит двор, как будто видит впервые.)*
Первый. Фортуна! *(Нюхает свои руки, ненадолго замирает, но потом ест куриную ножку, вынутую из фольги.)*

Второй. Ну да, я понимаю… *(Тоже нюхает руки и принимается за еду.)* Счастливый жребий…

Из окна сверху летит тухлый помидор, шлепается о стол.

А это?..

Первый смахивает его, продолжает есть.

Первый. Не бери в голову. В самочувствии актера… *(грызет косточку)* самое главное… (*обгладывает)* холодный нос… *(вытирает салфеткой губы)* голубой глаз… *(нюхает руки)* и пустой мочевой пузырь.

Второй. Это тебя так в институте культуры учили?

Первый. Вовсе даже наоборот! Кроме пузыря, разумеется…

На стол падают картофельные очистки, объедки и прочее содержимое помойного ведра. Первый спокойно и даже как-то величественно их сметает, помахивая рукой.

Запомни, сердце твое молчит.

Второй. Кипит!

Первый. Напрасно.

Второй. Кровью обливается!

Первый. Сразу видно, ты – дилетант.

Второй. Да, я из художественной самодеятельности. И что? Из бывшего драмколлектива! Несуществующего Дома культуры. Теперь там вещевая ярмарка.

Первый. Там ей и место. Любительского искусства не существует. Есть только любительская колбаса!

Второй. Кстати, неплохая.

Первый. А я профессионал. И когда меня забрасывают тухлыми яйцами, я знаю, что таковы правила игры. В другой раз будут кошельки с золотом.

Второй. А когда меня обливают… *(уклоняясь от летящего помидора)* помоями!.. Мое сердце плачет!

Первый. А мое – ликует! *(Швыряет деньги на стол.)*

Второй. А мое – рвется на волю! *(Тоже швыряет деньги.)* Все-таки я заслуженный деятель культуры.

Первый. А мое… *(Похлопывает по карманам.)* Всё.

Второй. А моё… *(Выворачивает карманы.)* Тоже всё.

Первый. А в общем – порядок в танковых войсках.

Шепча губами, закатывая глаза, считают деньги.

Второй. Не слабо.

Первый. Много?

Второй. Много. Больше тыщи. А у тебя?

Первый. Меньше тыщи.

Второй. На!..

Первый. Оставь себе. У тебя семья, Петров.

Второй. Не-не!.. Поровну, Савельев.

Сидят, курят.

Первый. На золотую жилу напали. Трехмесячный заработок.
Второй. Не нравится мне это.
Первый. Клондайк.
Второй. Я бы ушел. Кидает и кидает. Поди знай, что там.
Первый. Мы выше этого.
Второй. Вот залепит он в тебя еще раз говном.
Первый. Увернусь.
Второй. Брызги долетят.
Первый. Слушай, а ваше звание как называется?
Второй. Какое?
Первый. Ну вот – заслуженный деятель культуры.
Второй. Так и называется.
Первый. Нет, в обиходе.
Второй. Ну, знаешь…
Первый. По-простому!.. По-нашему, а?.. Ну?..
Второй. Как-то это… Засраку. К чему это?..
Первый. Засраку!.. (Смеется).

Хохочут оба.

Первый *(серьёзно).* Ну, так а ты чего ждал?
Второй. Не надо мне ничего… Не ждал и не жду…
Первый. Ладно, ладно… Еще немного и уйдем!
Второй. Бодал я эту демократию.
Первый. Мы будем сами себе хозяева.
Второй. Проживу без свободы. Была бы воля. Мне и воли хватит…
Первый. У нас все впереди. И небо в алмазах, и нос в табаке. А воли столько – хоть солИ.
Второй. Костюмы, как из помойки.
Первый. Вычистим.
Второй. Рубашки, как… половые тряпки!
Первый. Постираем.
Второй. Нам и до дому в них не дойти – воняет.
Первый. А мы и не пойдем.
Второй. То есть, как это?
Первый. В баньке решил помыться? Ишь ты, какой чистоплотный. А место – займут.
Второй. Кто?
Первый. Да мало ли артистов шатается. На вокзалах – поют. В электричках – поют. В пивных – поют. А куда им деться? Ленконцерт, говорят, разогнали. Эстраду – к чертовой матери. Нет, за место надо держаться.
Второй. Так что нам теперь – здесь ночевать?
Первый. А что ж, раз напали на золотую жилу.
Второй. Хороши старатели. Золотари!
Первый. Нас здесь приняли. Мы востребованы.
Второй. А в говне?
Первый. Боже ты мой!.. Ну, называй это по-другому. Социально ангажированы. То же самое.

О стол шмякается тухлое яйцо.

Второй. Сволочь какая.
Первый. Не огорчайся. За нами духовность. Культура-а!.. *(Зевает.)*

Певцы зевают, потягиваются. Роняют головы на стол. Темнеет.

Раннее утро. Артисты просыпаются, вылезают из подвала. Во дворе чирикают воробьи, курлычат голуби, шаркает метла дворника. А также скворчит яичница.

Второй. Слышишь, Савельев?.. *(Принюхивается, жмуря глаза).*
Первый. Что?
Второй. Скворчит! Яичница на сковородке.
Первый. Где?
Второй. Там же.
Первый *(подумав).* С беконом?
Второй. Пожалуй, с беконом.
Первый. Значит, свежие – себе, а протухшие – нам?
Второй. Ты думаешь, он сам себе ее жарит?
Первый. Ну, что ты, кухарка. Он – барин. *(Показывает, как сидит барин в ожидании завтрака.)*
Второй. Он – говно.
Первый. Нехорошо так о своем меценате. *(Громко, подобострастно.)* Доброе утро!.. Нет ответа… Доброе утречко!.. *(Молчание.)* Ну что ж, приятного аппетита…

Настраивают инструменты. Сверху выливают ночной горшок.

Второй. Моча?
Первый *(удовлетворенно).* Во всяком случае, не говно. *(Равнодушно.)* Ночной горшок, должно быть.
Второй. С утра издевается.
Первый. А мы ему – бодренькое! Седьмой номер! *(Отбивает такт.)* Начали!
Вместе. По улице ходила
большая крокодила.
Она, она —
голодная была!..

Сыплются деньги.

Второй *(на музыке).* Что-то сегодня одни четвертаки.
Первый. Зато много.
Второй. Что я, ишак ему – десять раз наклоняться.
Первый. Считай, что выходишь на поклоны.
Второй. Иди сам кланяйся.
Первый. Новенькие купюры.
Второй. Слушай, а это не фальшак?

Сверху летит всякий хлам.

Второй. Не могу! Не могу! *(Швыряет деньги, топчет их.)* Не могу больше! Пойдем отсюда, Петров! Уйдем, не оглядываясь! А?.. Да чтобы я… Да я же… *(Плачет, размазывает слезы.)*

Летят струи воды, с треском ложатся вблизи артистов

Ты что же, ублюдок! Пожилого трудящегося человека… Пенсионера!.. Да я всю жизнь на заводе… на ниве культуры!.. Массовиком всю жизнь проработал, никто мне слова худого не сказал… За что же ты меня так унизил?

Первый *(собрав деньги, усаживает коллегу и садится рядом с ним).* Ранимый ты мой… Успокойся…

Второй. Да!.. *(Всхлипывает.)* За что?..

Первый. Тонкий…

Второй. Вот именно…

Первый. Чувствительный.

Второй. Мы и так, знаешь, не в лучшем виде. Вроде шутов… Наряды дурацкие…

Первый. Это жанр.

Второй. Я понимаю… Башмаки каши просят…

Первый. Это маска.

Второй. Да-да…

Первый. Артистический образ.

Второй. Но я же не возражаю. Но говно-то зачем?

Первый. Это прием.

Второй. Ох!..

Первый. Это метафора. Надо терпеть, Петров.

Второй. Доколе, Савельев?

Первый. Пока будем востребованы.

Второй. Гнусный репертуар…

Первый. Поставим вопрос…

Второй. Очень противно.

Первый. Это временно.

Второй. А говно?

Первый. Не всегда, бывает моча.

Второй. Как унижают!..

Первый. Но и ценят. А вот когда убедимся, что мы не нужны…

Второй. Пойдем со двора, Савельев, да?

Первый. Возможно… А возможно, поработаем над репертуаром. Ты знаешь, мы могли бы петь песни народов СНГ.

Второй *(подумав).* А почему не ОДКАБ?

Первый. Разумно.

Второй. Скажи, а чем хуже трофейные песни?

Первый. Что ты имеешь в виду?

Второй. Грузинские, украинские.

Первый. Ничем не хуже! Это неплохая идея. Вот видишь, еще немного и уйдем! У нас все впереди!

Второй. Мы будем сами себе хозяева, да, Савельев?

Первый. Да, Петров! А пока надо терпеть. Верь, настанет день! Мы займемся искусством! Знаешь, Лев Толстой, когда попадал в сложную ситуацию, успокаивал себя так. Но ведь это, рассуждал он, могло кончиться еще хуже. Разумно?

Второй. Разумно.

Первый. Далее. Я всегда должен помнить, говорил он, что есть люди, которым хуже, чем мне. Правильно?

Второй *(пожимает плечами).* Наверное…

Первый. И третье! Это когда-нибудь кончится… Да-да, кончится.

Пауза. Смотрят друг на друга.

Второй. Это когда-нибудь кончится… *(Посреди двора, задрав голову к окнам, громогласно.)* Это когда-нибудь кончится?..

Первый. Нет, ты не Лев Толстой…

Пауза.

Второй *(задрав голову к небу, потрясая руками).* Это когда-нибудь кончится?!.

Пауза.

Первый. Это когда-нибудь кончится?!.

Пауза.

Вместе. Это когда-нибудь кончится?!!

Далее звук выключается. Певцы, вздымая руки к небу, продолжают что-то выкрикивать, но их не слышно. Свет меркнет.

Здесь можно закончить спектакль. Но если будет желание, на финал можно сыграть пантомиму.

Они стерпят все, утрутся, умоются, поселятся в подвале – что называется, обустроятся. Костюмы их превратятся в грязные лохмотья. Струны порвутся, инструменты расстроятся. Они простужено захрипят, засипят, но петь будут: под бубен и губную гармонику. Всякую дребедень. То ли золотой дождь, то ли елочная мишура в разноцветных огнях, будет летать и кружиться над ними как символ надежды, как обещание грядущего праздника.

Однажды утром во двор придут другие, слепые певцы – мать и сын. Держась друг за друга, обогнув двор, чисто и свято споют псалом.

Падшие артисты подстроятся к ним. Так, не переставая петь, положив руки друг другу на плечи, они и уйдут вчетвером.

1997, 2016

На пути в Сингапур
Лирико-драматическая история в двух действиях

Действующие лица:
Авель, *грузинский князь*
Елена, *петербургская обывательница*
Майя, *ее дочь*
Глеб Галемба, *режиссер*
Соня, *актриса*
Кирьянов, *бизнесмен*
Кассандра, *пенсионерка*
Сокольников, *пенсионер*
Паша Куделин, *деятель*
Анюта, *его жена*
Бабушка
Бугор

Действие происходит в Санкт-Петербурге на исходе XX века.

Действие первое

Большая квартира на последнем этаже старого петербургского дома с выходом на крышу, кое-как приспособленная под совместное проживание нескольких семей. Взаимное раздражение можно излить тут не только на кухне, но и в просторной прихожей-холле, куда выходит множество дверей. Частная жизнь, не умещаясь за ними, частично овладела прихожей. Благодаря этому она стала похожа на кладовую краеведческого музея. Здесь нет хлама, здесь скорее эмблемы воинствующего несогласья эпох, вещей и хозяев. Старый сундук с висячим замком соседствует с пластмассовыми бутылочными контейнерами, уложенными штабелем. Афиша спектакля „Гамлет“ и множество одинаковых масок украшают простенок, напротив которого расположился диван-рекамье под овальным зеркалом в потертой позолоченной раме. Небольшой кабинетный рояль под чехлом дожидается лучшей участи рядом с допотопной швейной машинкой фирмы «Зингер». На одной стене репродукция с картины „В.И. Ленин читает газету „Правда“. На другой – автомобильные фары, рулевое колесо и радиатор автомобиля „Фольксваген“. Здесь много разнообразных осветительных приборов – от декадентского торшера и театральных софитов до аскетичной зарешеченной лампочки Ильича. Развешена и кем-то забыта елочная гирлянда. Есть и широкое многостворчатое окно с видом на крыши, небо и часть улицы – они, естественно, воображаемые, потому что вместо них – зрительный зал. Рядом выход на крышу – полоса старой железной кровли упирается в рампу. Здесь частное причудливо переплетено с общественным, а антиобщественное с коллективным. Жильцы часто путают эти понятия и забывают, что и кому принадлежит. То одна, то другая рука тянется не к своему выключателю. Именно поэтому каждый из них в какую-то минуту чувствует себя в прихожей, как дома. Это дает возможность постановщику при необходимости раздвигать пространство частного жилья. Кроме того, можно не особенно церемониться с тем, кто и где произнес ту или иную реплику, в прихожей или в комнате – она все равно будет услышана.

Вот и сейчас Елена, простоволосая и в халате, попивая свой утренний кофе, полулежит на диванчике с сигаретой в зубах, листая иллюстрированный журнал, мягко освещенный торшером, и говорит негромко, как бы ни к кому не обращаясь.

Елена. Жажду-у… хочу-у посмотреть, кто выйдет из этой двери… Сгораю от любознательности… Выходите, не малодушничайте, Кассандра… Выходите и расскажите нам, кого вы там прячете… Что за джигит прискакал к нам на взмыленном жеребце прошлой ночью… Волооокий красавец с усами, да-а?.. С мощной шеей, да-а?.. О, сгораю от вожделения!.. *(Садится, повысив голос.)* С газырями на широкой груди, да-а?.. *(Отпивает кофе. Скандальным голосом.)* Я спрашиваю, кого вы поселили без нашего ведома в нашей коммунальной квартире под покровом ночи, но не под покровом закона?.. С каким это человеком с Кавказа я должна делить кухню, ванну… уборную, между прочим!..

Из своей комнаты выходит ***Кассандра****.*

…и что ему нужно в моем доме, что он собирается делать под одной крышей со мной и с моей дочерью…

Кассандра *(одновременно с ее голосом зажигается рабочий свет над машинкой «Зингер»).* Тише, тише!.. Во-первых, не надо повышать голос. Во-вторых, не моя вина, что самолет из Тбилиси приземлился далеко за полночь…

Елена *(перебивает).* Прошу вас, не надо про самолет! Самолет, вертолет или субмарина – меня в данный момент это не интересует.

Из своей комнаты выходит ***Сокольников****.*

Вот Сокольников скажет. Господин Сокольников, вы среди ночи…

Сокольников *(резко перебивает).* Товарищ!

Елена. Да, товарищ… пардон. Вы среди ночи слышали гортанную кавказскую речь? Га-га-га-га!..

Выходит ***Анюта****. Зажигается люстра фальшивого хрусталя.*

Анюта, вы слышали?

Анюта. Что?

Елена. Га-га-га-га.

Анюта. А, да. Будто бы гуси гоготали.

Кассандра. Это были пилоты!

Елена. Что бы это значило, а, гражданин Сокольников, как вам подсказывает ваш опыт узника совести? Гуси – это к чему?

Сокольников *(над его дверью зажигается зарешеченная «лампочка Ильича»).* Разгадкой ко многим тайнам мира по-прежнему служит марксова формула «товар-деньги-товар».

Кассандра. Это были пилоты с регулярного рейса!

Елена. То есть, вы хотите сказать, что ночью здесь поселился восточный купец?

Сокольников. Да, вероятно.

Елена. И за сколько процентов прибыли он перережет мне глотку?

Сокольников. За сто. Это азбука марксизма.

Кассандра. Глупо, Елена, это неумно и глупо! И вы, пожилой человек… Я сейчас все расскажу…

Лязгает, проворачивается ключ, и с лестницы входит ***Кирьянов****. Перед собой он толкает тележку с товаром. На стене загораются автомобильные фары.*

Случилось так, что Великая отечественная война застала меня в Тбилиси…

Елена. А вот про войну – не надо. Война в данном случае – прикрытие. Нынче многие на войне спекулируют. Все просто, вы сдали вашу вторую комнату контрабандисту с Кавказа, который проспится и пойдет на Кузнечный рынок. Между тем, у нас уже есть Кирьянов.

Кирьянов. Чего надо?

Елена. Ларек цел? Не сожгли?

Кирьянов. Не твое дело. *(Уходит в комнату, фары тухнут.)*

Елена. Теперь у нас два купца.

Сокольников. Два звена одной цепи.

Елена. Три! Послушайте, у нас целая гильдия!

Кассандра. Но вы же не даете сказать…

Елена. У нас мафия!

Анюта *(в комнату).* Паша, вставай, у нас мафия.

Появляется ***Галемба****, утираясь на ходу полотенцем, что-то мыча-напевая. Зажигаются два софита.*

Галемба. Где мафия?
Елена. Вот! У нас будет сбыточно-передаточный пункт!
Галемба. Чего?
Елена. Мандаринов с лимонами.
Анюта. Хорошо, если не наркотиков.
Елена. А кстати!.. Не исключено.
Сокольников. Хорошо, если не для торговли оружием для продолжения братоубийственной войны.
Галемба. Кого с кем?
Сокольников. Всех со всеми. Ну, сколько можно!..
Галемба. Я надеюсь, не ядерных и расщепляющихся материалов?

Пауза.

Елена. Откуда мы знаем?
Сокольников. Ну, так, может быть, напишем коллективное заявление?

Загорается зеленая лампа на письменном столе. Под общими взглядами Сокольников садится, обмакивает ручку в чернильницу. Из своей комнаты выходит ***Кирьянов****. Фары снова зажигаются.*

Сокольников. Доводим до вашего сведения…
Кирьянов *(на ходу).* Кого на этот раз хочешь заложить, падла?
Сокольников *(вдогонку, на высокой ноте).* Я по фене тоже ботаю, товарищ!..
Елена. Погодите! Не надо ничего писать. *(Встает и движется к двери.)*
Кассандра. Куда вы? *(Загораживает собою дверь.)* Я не пущу вас к нему!
Елена. По-че-му?
Кассандра. Не пушу. Он отдыхает.
Елена. Я хочу…
Кассандра *(перебивает).* Он болен!
Елена *(пафосно).* Я хочу видеть!.. этого человека!..
Анюта. Отдайте комнату.
Елена. Вот именно. Комнату отдайте.
Паша *(появляясь в майке).* Лишнюю комнату отдайте.
Все. Комнату! Отдайте комнату! Лишнюю комнату! Сдайте комнату! Продайте комнату! Отдайте комнату! Комнату!

Мельтешение световых вспышек. Появляется ***Майя****. Она в халатике, надетом на ночную рубашку. Зажигается елочная гирлянда цветных огней. Все затихают.*

Майя. Мама, что происходит?
Елена *(на переднем плане).* Это могла быть твоя комната, дочь!
Кассандра. Нет!
Елена. Это твоей судьбой приторговывают!
Кассандра. Ложь!
Все *(с новой энергией).* Комнату! Отдайте комнату! Лишнюю комнату! Сдайте комнату! Продайте комнату! Отдайте комнату!
Майя *(обернувшись).* Тихо! Я прошу вас – тише!

Все затихают. Слышно крещендо сливного бачка. Елена закрывает уши, Галемба нос. Из уборной шествует Кирьянов. Все провожают его осуждающим взглядом.

Объясни, мама, что происходит.

Елена. Пока ты спала, голубка, в этой комнате поселился толстый усатый грузин с Кузнечного рынка… вот такой…

Кассандра. Не слушайте, Майя!..

Елена. …с безумными выпученными глазами… вот с таким пузом, ха-ха-ха!.. и вот в такой кэпке!..

Анюта. И вот с таким кошельком!

Галемба. Хоть будет, у кого занять.

Кирьянов *(проходя мимо).* Зарабатывать надо, а не побираться!..

Галемба. Пошел, пошел!.. Купчик…

Елена. Але, генацвале!..

Анюта. Выйди к людям, слюшай! Не будь редиской.

Кассандра. Слушайте, ну, это же безобразие!

Анюта. Выйди, что ты темнишь?

Елена *(поет).* Снегопад, снегопад, если женщина просит…

Кассандра. Прекратите, прошу вас!

Галемба. А что такого, пусть выйдет. *(У двери.)* Кацо! Ты меня слышишь? Гамарджоба, кацо!..

Внезапно свет гаснет, створки двери распахиваются. В глубине комнаты, освещенный контражуром, появляется тонкий силуэт ***юноши****. Он медленно движется при общем оцепенении и, когда достигает дверного проема, вспыхивают разом все источники освещения. Возникает, хоть и театральная, но вполне жизнеподобная пауза.*

Авель *(обходя всех)*. Здравствуйте. Меня зовут Авель. *(Пожимает руки.)* Здравствуйте. Авель. Авель…

Сокольников *(приставив ладонь к уху)*. Как?

Все. Авель! Сказано – Авель.

Галемба. Хорошо, хоть не Каин.

Авель. Нет. Меня зовут Авель. Я из Тбилиси.

Все *(Сокольникову).* Он из Тбилиси. Это в Грузии.

Сокольников. Не делайте из меня идиота. Я знаю, что Тбилиси – столица Грузинской эс-эс-эр.

Кирьянов. Вот идиот.

Елена. Вы все проспали, Сокольников. Нет такого государства. А еще газеты читаете.

Галемба. Вы хоть сами-то из какой страны, знаете?

Анюта. Слушайте, ну, не Сокольников же приехал! *(Авелю.)* Дальше, молодой человек!

Все. Да, давайте дальше. Дальше!

Кассандра. А что дальше?

Анюта. Ну, из Тбилиси. Что дальше? Почему вам там не сидится, кацо? Вы ведь все рынки, все рынки захватили!..

Майя. Перестаньте, Анюта, это невежливо!

Голоса. Невежливо!.. Ну, пусть скажет… Что им там не сидится?

Анюта. Ведь у вас теперь самодеятельность… или как там…

Паша. Суверенитет.

Анюта. Сувениритет!..

Сокольников. Самоопределение вплоть до отделения!

Кассандра. Вы можете меня выслушать? Он болен!

Елена. Ну, не надо давить на слезные железы.

Кассандра. Он болен, он приехал лечиться! Вы не хотите даже выслушать, а мальчик смертельно болен. Бесчувственные люди. У него угасает сердце, вы понимаете? Он приехал на операцию. И пока не подойдет очередь в академию, к профессору Чкония он будет жить у меня!

Елена. Чкония?.. Это светило!

Анюта *(шепотом).* У них всё схвачено!..

Кассандра. Да, мы когда-то работали в одном госпитале… А потом приедет его бабушка, моя подруга Дарико! Слышите? Он никакой не торговец! Он вам не спекулянт и не мафия! Он – князь.

Все. Князь?

Сокольников. Кто он?

Елена. Князь?.. Князь?..

Анюта. Больной, а князь.

Сокольников. Ах, князь… Как это может быть?

Паша. Князь, а больной.

Анюта. Кому жаловаться, слушайте, кому жаловаться!

Сокольников. Князя нам еще не хватало.

Кирьянов. Князь, но больной.

Галемба. Зато – князь. А ты кто?

Кирьянов. Я не князь.

Галемба. Я тоже. И не комплексую.

Оглядываясь на Авеля, все расходятся по своим комнатам. Светильники по очереди гаснут. Горит лишь гирлянда: Майя задержалась неподалеку от Авеля. Некоторое время они молча изучают друг друга. Майя делает реверанс.

Майя. Простите, ваше сиятельство, я еще не причесывалась.

Авель. Ну, и что? У вас такие пышные волосы.

Майя. И не умывалась.

Авель. Пустяки. Я ведь тоже.

Майя. И не одевалась. Как выскочила из своей теплой постельки на шум, так и предстала перед вашими сиятельными очами. Меня зовут Майя.

Авель. Я рад познакомиться.

Сокольников *(в своей комнате).* Довожу до вашего сведения…

Майя. Откуда ж мне было знать, что нашу трущобу осчастливит своим появлением такая значительная особа.

Кассандра *(из своей комнаты).* Хотелось бы еще раз привлечь ваше внимание…

Майя. Даже во сне не могло присниться.

Елена *(у себя).* Обращаюсь к вам с воплем отчаяния и надежды!..

Майя. Боюсь, что здесь вам часто придется сталкиваться с неряшливыми мужчинами и с дамами в неглиже…

Анюта *(диктует Паше).* Прошу рассмотреть мои предложения по выселению… пиши, пиши!.. в учреждение социальной опеки…

Паша. Будет разъезд. Расселение…

Анюта. Когда?

Паша. Автандил Амиранович сказал: будет вскоре! Работаем…

Майя. А также вас будут донимать непривычные звуки и запахи.

Галемба *(у себя).* Соблаговолите ответить, на каком основании…

Майя. Когда вам захочется спать, под ухом у вас врубят оглушительную музыку, а когда заблагорассудится выпить чаю, будут смердеть тухлой рыбой и скоблить кастрюлю. Так что, судите сами, сиятельный князь, место ли вам в этом прибежище тоски и зловония.

Авель. Всё это не имеет значения. Я очень рад, что попал сюда.

Майя. Да? Что ж здесь хорошего вы нашли?

Авель. Я нашел вас.

Майя. Прямо так сразу? Вы всегда так?..

Авель. Да. Я всегда говорю то, что думаю.

Майя. Любопытно.

Авель. Мы ведь будем дружить с вами?

Майя. Дружить?.. Дружить… Хорошо, я подумаю. *(Делает книксен и уходит.)*

Далее одновременно звучат несколько монологов. Каждый ведет свой монолог в забытьи, почти в сомнамбулическом состоянии, но в свойственной ему манере речи и темпераменте. Авель обходит всех, ненадолго задерживаясь возле каждого, внимательно вглядываясь в лицо оратора. Голоса сливаются, стараются пересилить друг друга, и, наконец, превращаются в общий вопль. Авель зажимает уши руками, зажмуривается.

Наступает миг тишины, гаснет свет.

Когда он загорается снова, в прихожей – Елена, Галемба и несколько поодаль от них – Авель.

Елена. Ты знаешь, я даже рада, что теперь у нас князь.

Галемба. Ну, что ж делать, князь так князь. Одним князем больше, одним меньше… Пусть живет.

Елена. Нет, ты не понимаешь, как нам повезло. *(Авелю.)* О, князь, разберитесь с нами с позиций княжеской чести. Судите нас, правьте нами!

Галемба. Оставь его.

Елена. Укажите нам на бесчестных, бессовестных, подлых, вам поверят!

Галемба. Слушай, дай поговорить с человеком.

Елена *(Авелю).* Не тратьте на него время. На редкость бессодержательная личность.

Галемба. Иди, займись чем-нибудь. Вымой посуду.

Елена. Он расскажет вам…

Галемба. Разложи пасьянс!

Елена. Он расскажет вам, как ставил «Три сестры» в народном театре города Жлобина. На кой черт им три сестры? Там и одной много.

Галемба. И хватит об этом.

Елена. Он им: в Москву, в Москву! А они – в Гомель, в Гомель!

Галемба трогает клавиши рояля, звучат несколько джазовых аккордов.

Оставь рояль! *(Закрывает крышку.)*

Галемба *(едва успевая отдернуть руки).* Полегче!..

Елена. А ты не лезь! Инструмент не рассчитан на твои грабли.

Галемба. Ах-ах! Такая ценная реликвия. Кто же на нем играл, ты еще не сказала князю. Уж не Антон ли Григорьевич Рубинштейн? Да, да-а, конечно, он… Вы знаете, князь, мы не дер-

жим беспородных вещей, ну, что вы!.. Исключительно из великосветских гостиных… Потому что мы сами бла-го-род-ней-шего происхождения. Мы происходим…

Елена. Заткнись!

Галемба. Мы происходи-им…

Елена. Еще одно слово!.. *(Снимает тапку с ноги.)*

Галемба. Ну, хорошо, вам позже будет доложено.

Елена. В гневе я страшна, ты же знаешь.

Галемба. Когда ты была страшна? Не помню. Ты была смешна и нелепа. Гнев – это не твое амплуа. Говорю тебе как режиссер: я не верю! *(Подходит ближе.)* Понимаешь, в уголках твоих гневно сомкнутых губ помимо твоей воли зарождается смех, гнездится предательская улыбка…

Елена *(смеется).* Ладно, не твое дело. Дай сигарету. *(Закуривает.)* Спасибо. Слушай, садись. У меня есть проект.

Галемба. Да? Весь внимание. *(Садится.)*

Елена. Мы с тобой набираем группу детей… дошкольного возраста… по тридцать долларов с носа.

Галемба. В месяц?

Елена. Ну, еще чего… В неделю!

Галемба. Ого!

Согласен. И что мы с ними делаем?

Елена. С долларами?

Галемба. С детьми!

Елена. Здрасьте! Духовно-эстетическое развитие, что же еще. Ты – сценическое движение, этюды, речь, я не знаю, делай, что хочешь… Я – основы стихосложения, образное мышление. Майка – чувство гармонии, музыкальный слух, ритмика. Понятие комильфо, наконец! Манеры.

Галемба. Кто манеры? Ты манеры?

Елена. Да, да, я! Просто ты меня плохо знаешь.

Галемба. А лицензия?

Елена. Ну, и что, лицензия? Купим. Слушай, но так нельзя жить, надо же что-то делать! Надо выбираться отсюда. Все же кругом что-то делают.

Галемба. Кирьянов?

Елена. Кирьянов мне не пример. Я покупать-продавать не умею. Надо делать лучшее, что мы умеем. Делать весело, элегантно, чтобы самим получать удовольствие. Ты что, совсем утратил чувство юмора? Мы будем играть. Мы будем с ними петь, играть, дурачиться, фантазировать!

Галемба. Утирать носы… Ах!.. *(Пауза.)* Я уже проигрывал всякие варианты: сельский дом, монастырь, эмиграция… Но до такого еще не дошел… Ах!.. Знаешь, посидеть бы напоследок в тихом ресторане, как в юности в «Севере»: оранжевый абажур… старка… салат с крабами. Кофе по-варшавски, помнишь?.. Инструментальный квинтет… Лу-на, твой свет дрожит в тума-не, он в даль лучами ма-анит, жемчужная лу-на… Я даже лица их помню: скрипка, сакс, контрабас… У скрипки на смычке волос болтался. Их, может, уже нет в живых, а я помню… А мое лицо кто-нибудь запомнит?.. Сомневаюсь… Лу-на, твой свет дрожит в тума-ане… *(Внезапно вспыхнув.)* Я кладу на их деловитость! Я подохну, но деловым они меня не увидят! Я так и останусь раздолбаем! Вот им!.. *(Делает неприличный жест.)*

Елена. Ну, что ж… Каждый кует свое счастье сам, в одиночку. И тем, чем может…

Галемба. Ну, в общем, как хочешь… Я готов попробовать.

Елена. Принято. Но есть и другой способ заработка. Участие в радио конкурсе: «Что ты знаешь о Греции?» На первую премию можно месяц жить.

Галемба. Слушай, я тебя умоляю!..

Елена. Поняла. Я пошла писать объявление. Кстати, как у тебя с деньгами?

Галемба. На нуле.

Елена. Семейный человек, называется. Когда Соня возвращается?

Галемба. Обещали на этой неделе.

Елена. Через два дня я получу алименты. К сожалению, последние. Как быстро летит время! Ей уже восемнадцать…

Галемба. Что дальше?

Елена. Дальше-дальше… Университет, разумеется! Для поступления нужны консультации. Так это сейчас называется… Сколько это стоит, пока неведомо. Но, вероятно, не мало. Кстати, ты не знаешь, что такое бизнес-эскорт?

Галемба. Бизнес-эскорт?.. Это кто-то куда-то чего-то… Погоди, а это не сопровождение бизнесмена?

Елена. Вот именно. Паша наш предлагает. Ну, он как посредник. Какого-то монстра надо сопровождать. Автандил Амиранович зовут, как тебе нравится? Кругом хачики…

Галемба. Куда?

Елена *(открывает рояль, трогает клавиши, потом напевает).* В бананово-лимонном Сингапуре, пуре…

Галемба. В Сингапур?

Елена. О, уес. За неделю тысяча баксов. Еще столько же на одежду. Деловой костюм и вечернее платье.

Галемба. Это еще что такое!.. Да ты что!.. Ты хоть понимаешь, что он предлагает?.. *(Срывается с места, стучит.)* Куделин! Паша!

Анюта. А потише?..

Галемба. Где Куделин?

Анюта. Он отдыхает.

Галемба. Он отдыхает, видите ли…

Кирьянов. Мой совет – не связывайтесь!..

Елена. Он дрыхнет среди бела дня, наш благодетель.

Кирьянов. Этот эскорт, знаешь, куда заведет? Не позволяйте!

Елена. Господи! Нам же туда не надо! Паша!..

Галемба. Он отдыхает. Чш-шшш… Послеполуденный отдых Фавна.

Елена. Он еще любит смотреть в бинокль.

Галемба. Он различает там наше лучшее будущее.

Кирьянов. Пусть выходит замуж за меня.

Елена. Не выдумывай!.. Она еще молода.

Кирьянов. А я люблю недоразвитых. *(Смеется.)* И сам такой.

Елена. Одолжи лучше сотню до понедельника, недоделок.

Кирьянов. Сотню?.. *(Вздыхает.)*

Авель. У меня есть деньги – возьмите!

Елена. Да? Вы даете мне в долг?

Авель. Да-да, конечно! Возьмите, сколько вам надо.

Елена *(чопорно).* Ну, хорошо. Благодарю вас, князь. Вот как ведут себя благородные люди. А ты говоришь – манеры. *(Уходит.)*

Галемба. Ты всем будешь давать деньги, малыш?

Авель. Если кто-то очень нуждается…

Галемба. Послушай, ты на опасном пути, я тебя предупреждаю как друг. Как сосед. Жестче, жестче надо с людьми. Хватит миндальничать. Никакого гуманизма. Им надо протянуть не рыбку, но удочку, понимаешь?.. Впрочем, так все теперь говорят. И все знают: рыбка

лучше. Время сейчас такое. Знаешь, можешь дать и мне немного рыбки. *(Берет одну купюру.)* Вот эту. Хватит. Я говорю – хватит! Ну, ладно, еще вот эту. Остальное – спрячь! Да подальше!..

Авель. Хорошо.

Галемба. Когда-нибудь мы погуляем, я покажу тебе город. Кстати, с нашего пентхауса, кроме крыш, можно увидеть любопытные уголки. *(Подводит его к рампе.)* Вон, скажем, за рекой… зеленый фасад… видишь?.. Лучший театр. Мастер пригласил меня туда вторым режиссером. Ты понимаешь – вторым!.. Ну, и так далее… Это было, было! Я работал на малой сцене… А там, вот смотри, в куще деревьев… это очень хорошая больница. Первоклассная. Там моя Офелия. Гениальная актриса. Она так и не вышла из роли… Я думал, это талант, а это наследственность… Ну, что поделаешь. Она мне жена.

Авель. Я помолюсь за нее.

Галемба. Да?.. Ну, пожалуй… Софья ее зовут.

Авель. София.

Галемба. Да… Там вон, за сквером, временно проживает мой черный терьер… на передержке… У моего ассистента. В ту сторону не хожу, боюсь встретить… Мы оба умрём… От инфаркта. Говорят, у собак тоже бывает инфаркт… А тут вот, за этим углом, очень неплохая рюмочная… бутерброды с яйцом и килькой… мы можем хоть сейчас спуститься… А, понимаю – тебе нельзя. Ничего, что я на «ты»?.. Скажу честно: располагаешь…

Затемнение.

На краю крыши стоят Авель и Майя.

Майя. Видите? Это мой город!..

Авель. Боже мой!.. Дух захватывает… Сколько огромных домов… и все под цветными крышами!.. Сколько золотых куполов, шпилей!.. И парят белые птицы…

Майя. Это чайки. Мы же обитаем у моря!.. Вон, видите портовые краны?.. Там залив.

Авель. Какое, должно быть, счастье – видеть это в любую минуту, когда душа пожелает…

Майя. Да. Я выхожу сюда по нескольку раз в день и просто сижу… *(Садится.)* Просто сижу… И ни о чем не думаю. Здесь надо дать волю чувствам. Особенно, когда закат, и небо меняет цвет. В эти минуты что-то в душе происходит… Не знаю, как назвать…

Авель. Откровение?..

Майя. Может быть. Хорошее слово.

Авель. Я это увижу?

Майя. Конечно! Я вас позову.

Авель. Вы счастливые люди!

Майя. Мы?.. Это вряд ли… Хотя, да!.. Кто хочет. Сядьте рядом со мной.

Авель садится.

Вот смотрите, тут я всегда сажаю цветок. Вот семечко, которое я посажу. Это календула или попросту ноготок. Надо посадить и задумать желание. Вы тоже можете посадить!.. Хотите, посадим вместе?..

Авель. О, да!

Втыкают семена в горшок.

Майя. Задумали?

Авель. Да, задумал!

Майя. Но кто-нибудь, конечно, сорвет… Мне еще кое-что захотелось вам рассказать. Знаете, вы так располагаете к откровению… Но насчет дружбы я еще не решила. Вы не сердитесь?

Авель. Я не сержусь. Скажите, а кто такой Автандил Амиранович?

Майя. О, это большой начальник!.. Он президент чего-то там… какой-то ассоциации…

Авель. Ваш знакомый?

Майя. Да. А почему вы спрашиваете?

Авель. Так… Известное грузинское имя. Шота Руставели его прославил…

Майя. У него много заслуг и он всюду известен… Вот сейчас он летит в Сингапур. Можете себе представить?.. Там в аэропорту растут пальмы и летают бабочки!

Авель. И берет вас с собой?

Майя. Ну, не знаю… Он предложил мне небольшую работу… Ему понравился мой английский… Паша Куделин меня с ним познакомил, наш сосед… Позвольте, князь, а в чем дело?

Авель. Извините… Я не должен…

Майя. Разве в этом есть что-то… предосудительное?..

Авель. Нет…

Майя. И потом, я уже взрослая!

Авель. Я знаю!..

Майя. И должна зарабатывать! Помогать маме.

Авель *(горячо).* Да, конечно!.. Скажите, а что это за храм?.. Такой огромный, с золотым куполом…

Майя. Это Исаакий. Ну, то есть, собор святого Исаакия. С его галереи видно еще больше чудесного, чем с нашей крыши. Вам надо туда сходить.

Авель. Обязательно. Но наверх, наверное, ведет крутая лестница…

Майя. Лестница? Ах да, винтовая. Очень крутая. Я не подумала: вам нельзя туда.

Авель. Да? Вы не советуете?..

Майя. Лучше не надо.

Авель. Спасибо… Можно, я тоже дам вам совет?..

Майя. Ну, конечно.

Авель. Вам тоже не надо туда.

Майя. Куда?

Авель. Где пальмы и бабочки.

Майя. Ну, знаете!.. *(Встает.)* Я благодарю вас за прогулку, ваше сиятельство… За советы… Дальше я справлюсь сама. *(Уходит.)*

Затемнение.

Кирьянов со своей тележкой останавливается возле комнаты Авеля.

Кирьянов. Алё!.. Генацвале!..

Авель. Заходите, открыто.

Кирьянов. Вот и плохо, что открыто.

Авель. Вас что-то беспокоит?

Кирьянов. Да, беспокоит. Все гады. Все сволочи. Эгоисты. Никому не верь. Никому не давай!..

Авель. А вам я могу верить?

Кирьянов. Мне верь! Натурально! И я тебе верю. Вот позволь у тебя поставить?

Авель. Вот это?

Кирьянов. Да. Только на ночь. Утром возьму.

Авель. Да-да, конечно!..

Кирьянов вкатывает тележку в комнату Авеля.

Кирьянов. А это положи в шкаф. *(Снимает с тележки и отдает ему кейс.)* Хороший вид от тебя. *(Глядит в окно.)*

Авель. С той стороны мне больше нравится.

Кирьянов. Ну, нет, там крыши и крыши. А тут жизнь идет. Магазины, мастерские… Народ туда-сюда… Вон мой ларек, видишь?.. Третий с краю. Иногда ведь выглядываешь. Если чего увидишь – скажи.

Авель. А что я могу увидеть?

Кирьянов. Ну, взламывают, например… А то, не дай бог, пожар!

Авель. Да, конечно!..

Кирьянов. Мой совет – закрывайся. Люди тут живут всякие.

Авель. Добрые люди. Хорошие люди.

Кирьянов. Чудак ты, генацвале. От такой жизни люди не могут быть добрыми. Тут живут злые. Подозрительные. Завистливые тоже живут. Всех ненавидят.

Авель. За что?

Кирьянов. За свою несчастную долю. За свое убожество.

Авель. Ненавидят только рабы. Вы тоже такой?

Кирьянов. Нет! Я не раб. Я хозяин.

Авель. А где ваше хозяйство?

Кирьянов. Вот и вот!.. И там! И там тоже!.. Со временем это всё будет моё. Перегородки рухнут, стены снова увидят друг друга. Скажите, а вы, правда – князь?

Авель. Да, мы из старого рода.

Кирьянов. Светлый князь, тогда вы поймете меня! Я хочу по-старинному. Это ведь зала! Тут полонез можно танцевать. Нет?.. А там анфилада. Там – камин! Там зимний сад!.. И здесь надо жить по-другому. Тут будет много света, сияющего стекла, хрусталя, промытого до синевы. Тут будет бронза и запах березовых дров из камина.

Авель. Вы уверены?

Кирьянов. Да! Вы увидите. Я приглашу вас в гости… вместе с княгиней. Вы, пожалуй, к тому времени женитесь.

Авель. Вы – максималист?

Кирьянов. Именно! Вы угадали. Кой черт тратить жизнь на миниатюрные цели? Если уж изобретать двигатель – то вечный! А?.. *(Смеется.)* Вы не считаете? Если зарабатывать – то миллион! Правильно я говорю? Один раз у меня почти получилось. *(Подходит к останкам гоночного автомобиля, висящим на стене, гладит их.)*

Из своей комнаты выходит Кассандра.

А если любить, то досмерти…

Кассандра. Авель, голубчик, ты не спустишься за почтой?

Авель. Да, сейчас!..

Кирьянов. Тебе надо идти. А жаль. Я бы тебе кое-что рассказал. Нет, не про них, ну их к черту! Про себя. Никому не рассказывал.

Авель. К вашим услугам. *(Идет к выходу.)* Заходите в любой час дня.

Кирьянов. Погоди!.. Мой совет – закрывайся. Запирай дверь и с той, и с этой стороны.

Авель. Хорошо. Спасибо. *(Хочет уйти.)*

Кирьянов. Стой! *(Подзывает Авеля. Тихо.)* Парень! Я эту девчонку люблю. Для нее и стараюсь. Самому мне миллиона много, я и на сто рублей проживу. Мне ей не доказать, скажи ей, что я всё для нее сделаю. Она тебе поверит. И пусть в Сингапур не ездит! Нечего ей там делать. Когда-нибудь я сам её отвезу.

Расходятся.

Галемба *(выходя из уборной, читает).* Коллективизм – это коренной смыслообразующий признак нашего социалистического общежития… его духовное завоевание, пришедшее на смену затхлому буржуазному индивидуализму. Гениально! Давно такой белиберды не читал.

Сокольников. Где вы это взяли?

Галемба. Там, в ящике для бумаги.

Сокольников. Как он туда попал?

Галемба. А где ему быть?

Сокольников. Это документ из моего архива. *(Отнимает листок.)*

Расходятся.

Галемба. Сумасшедший дом, князь. Какие-то архивы в отхожих местах… Тележки с товаром… Может, так надо? А просто я утратил ощущение нормы… Скажи, если я сейчас пущусь в пляс? Это будет норма?

Авель. Танец – это нормально. И если люди вдруг хотят запеть, то это тоже в порядке вещей. Это естественно! Разве нет?

Галемба. Да?..

Авель. Да-да! Мы так считаем.

Галемба. Ну, так… запоём?..

Авель запевает «Сулико» по-грузински. Галемба удивленно смотрит на него и вдруг начинает подпевать вторым голосом по-русски. Елена выходит из комнаты и садится за рояль. Все жильцы оказываются на пороге своих жилищ.

Голоса. Браво, браво!..

Галемба. Браво. Это было духоподъёмно. Будем петь по нескольку раз в день. А может, и по ночам.

Затемнение

Возле комнаты Авеля появляется Сокольников с фибровым чемоданчиком в руке.

Сокольников. К вам запись или живая очередь? *(Посмеивается.)*

Авель. Ко мне? Извините, но я ничего про это не знаю. Очередь за чем?

Сокольников. Не за чем, а к кому. Говорят, у вас тут исповедальня…

Авель. Ну, что вы!..

Сокольников *(горячо).* Нет-нет, не надо этого стесняться! Мы так все в этом нуждаемся! Двадцать четыре часа в сутки… Глаза в глаза… Локоть в локоть… Как в пересыльной тюрьме… Устаешь, согласитесь… Вы свежий человек, чистый, искренний…

Авель. Я прошу вас… Не оправдывайтесь! Будьте со мной откровенны. Если я что-то могу для вас сделать…

Сокольников *(Авелю).* Да, можете. Но имейте в виду, перегородки тут исключительно символические. Многие даже не заслуживают названия стен. Так, какие-то ширмы. Соответственная и слышимость. А посему только и слышишь: «А вот я князю скажу!» Или: «Ну, пошли к князю, пошли!..» Или еще: «Нет, это не моего ума дело, это вопрос княжеский». Что вы на это скажете?

Авель. Но как же я могу оценивать то, чего сам не слышал?..

Сокольников *(смотрит в окно).* Какой вид от вас!.. Панорама!.. Взглянешь – и перед тобою вся твоя жизнь. Вот Большой дом. Видите, доминирует… Вот Кресты.

Авель. Церковь?

Сокольников. Э, нет, тюрьма!.. В виде креста. Кстати, хорошо раньше строили. Учитывая права и потребности, так сказать, потребителя… Площадь, кубатура… Помните? Каменщик, каменщик в фартуке белом, что ты там строишь? Кому? Эй, не мешай нам, мы заняты делом, строим мы, строим тюрьму… Хорошо строили. Но я не об этом! Я пришел вам сказать, что ищу наследника.

Пауза.

Да-да, у меня есть наследство.

Авель *(тревожно).* Ценное?..

Сокольников. Весьма ценное… Мне нужен наследник, которому я могу передать… Я подумал, что им могли бы стать вы.

Авель. Я?..

Сокольников. Да-да!.. Мы оба люди верующие.

Авель. Вы верующий?..

Сокольников. Да-да!

Авель. Но вы не перекрестились на образ.

Сокольников. Нет-нет!.. Я верую в другое учение… То самое, которое всесильно, потому что верно. А наследство мое вот… *(Открывает чемоданчик. В нем – кипа газетных вырезок.)* Видите?.. Это свидетельства злодеяний, прозрений, раскаяний… и новых злодеяний!.. Видите?.. Вы посмотрите… Стоит их внимательно прочитать, сопоставить и откроется истина!..

Пауза. Авель перебирает бумаги.

Авель. Боюсь, что нет. Откроется пропасть, в которую упал человек…

Сокольников *(в растерянности).* Вы думаете?..

Авель. Да. Но и это нужно знать!

Сокольников. Может быть, вы и правы… Но важно сохранить… Уже растаскивают… *(Смотрит с надеждой.)*

Пауза.

Пожалуйста, князь… Примите… Прошу вас.

Авель. Ну, хорошо. *(Подчёркнуто церемонно.)* Я соглашаюсь принять ваше наследство и вступить в права наследника. Нужны какие-нибудь формальности? Нотариальные заверения?

Сокольников. Нет-нет, благодарю вас!.. *(Передает чемоданчик. Авель принимает двумя руками.)* Теперь я спокоен. *(Уходит, оглядываясь.)* Я спокоен…

Авель молится перед иконой. Входит Елена.

Елена. Милый князь!.. Добрый князь! Помолись за меня! Помолимся вместе! *(Бухается рядом с ним на колени, закатывает глаза.)* Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

Авель. Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

Вместе. Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

Авель. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Осеняют себя знамением

Авель. Встаньте, прошу вас. *(Поднимает Елену.)* Что случилось?

Елена. Личная жизнь, понимаете, князь, загублена.

Авель, Да, но вы еще молоды…

Елена. Нет-нет, не утешайте меня, всё напрасно, мы обе погибли.

Авель. Кто еще?

Елена. Дочь! Моя бедная дочь…

Авель Майя?

Елена. Да. Я плачу, князь, я плачу, но тихо. А хочу кричать белым криком!

Авель. Кричите, вам будет легче.

Елена *(Раздумывает).* Да?.. Соседи вызовут санитаров. У нас не принято. А то бы крик стоял в двадцать глоток. Мы терпим. И плачем… Такая у нас страна. Такова наша ментальность!.. *(Рыдает. Кричит в сторону двери Паши Куделина.)* Эй вы, слышите?.. Она не поедет!.. Она не будет никого экскортировать! Я против экскорта! Это не для нее! У нее другая судьба!..

И тут ее монолог подхватывает Авель. Он делает это с помощью грузинского языка и жестикуляции так выразительно, что послушать его выходят все, кто оказался дома. Он заканчивает свою страстную речь по-русски, фразой, известной каждому жителю Тбилиси.

Авель. Клянусь мамой!

Звучат аплодисменты.

Елена *(меняет тон).* И передай своему вонючему бизнесмену, что в нашем курятнике ему не обломится! Пусть поищет в модельных салонах! Или на кастингах! Или… сам знаешь где.

Звучат аплодисменты.

Паша *(появляясь в дверях).* Ну, и правильно. Я всё понял. Но зачем так кричать? Найдется другая, дело большое. Сингапур, конечно, сказочный город. Но всему свое время.

Елена. Будет и на нашей улице Сингапур! Правильно, Авель?

Авель. Я думаю, будет. Успокойтесь.

Паша. Осталась мелочь. Вернуть деньги.

Авель. Какие деньги?..

Паша. Которые были выданы на одежду. Тысяча баксов. Было такое?

Елена *(в растерянности).* Тысячу долларов?.. Но вы не предупредили… *(Бурно.)* Да, конечно!.. Да-да, мы вернем!..

Авель. Они вернут.

Елена. Конечно, вернем. Авель, спасибо! Как вы мне помогли! С меня будто тяжесть упала! Авель, дорогой, позвольте вас поцеловать… *(Целует его.)* Авель, друг мой, если б вы знали, как я одинока… Не бросайте меня. Как я одинока… *(Уходит к себе.)* Боже мой, как я одинока…

Кассандра *(входя в комнату Авеля).* Это что?

Авель. Это Кирьянов попросил подержать, у него тесно, должно быть. Он заберет.

Кассандра. Будь осторожен, Авель. За этим Кирьяновым числятся какие-то темные дела и темные люди. И если однажды сюда явятся с обыском, я не удивлюсь. У тебя надо проветрить. *(Отворяет окно.)* Съезди пока на лифте к почтовому ящику. Елена имеет обыкновение вынимать мои газеты и читать их за завтраком. А зачитанные газеты в жирных пятнах мне не нужны.

Авель уходит. Кассандра внимательно осматривает поклажу, оставленную Кирьяновым. Открывает шкаф, пробует открыть кейс, но он заперт на два замка. Кассандра качает головой.

Затемнение.

Следующая сцена вопреки театральным канонам совсем не имеет действия и весьма бедна на диалоги. Главным ее событием станет закат, – яркий, насыщенный, быстро меняющий краски и очертания, – видимый во всю широту окоёма. Поскольку сценически он происходит где-то поверх зрительного зала, то игра света отражается на лицах жильцов, когда они, сменяя друг друга, подходят к панорамному окну и зачарованно смотрят вдаль. Несменяемый здесь лишь один – Авель. Он затаился на краю подоконника почти что в оцепенении перед открывшимся зрелищем.

В холле звучат в исполнении Галембы элегические мелодии то ли из симфоджазовых композиций времён Рэя Кониффа, то ли из не успевших еще устареть импровизаций Джона Леннона. В своем обычном стиле, который ненавязчиво диктует диван-рекамье, полувозлежит умиротворенная Елена.

Елена. А сейчас будет белая ночь.

Галемба. Угу…

Автор был бы чрезвычайно благодарен тому режиссеру, который не пожалел бы времени на эту бессобытийную и бессловесную сцену.

Бурный закат угасает. Город и небо над ним готовится к приходу белой ночи.

В холле зажигают торшер. Елена вяжет на спицах, курит. К ней приближается Авель. Музыка уходит на второй план, а потом и вовсе утихает.

Елена. А, это вы… Вы что-то хотели сказать?

Авель. Я… Да, я хотел сказать…

Елена. Внимательно слушаю.

Авель. Вам нехорошо.

Елена. Та-ак… Дальше.

Авель. Можете располагать мною.

Елена. Да? В каком смысле?

Авель. Вы говорили, что вам так одиноко.

Елена. Я? Когда? Разве я так говорила?..
Авель. Мы вместе молились…
Елена. Да?
Авель. За вас. За вашу дочь…
Елена. А что с ней?
Авель. Какие-то люди…
Елена. А-а, нет-нет, Авель, вы что-то напутали. Дочь всегда была при мне и в полном – вы слышите – в полном порядке! Я для нее ничего не жалела. Мое одиночество это лишь видимость, Авель! Мой каприз. *(Встает. Подходит, берет его за руки.)* Прихоть!.. Ах, Авель!.. Милый вы человек. Понимаете, мне так угодно сегодня – быть одинокой. И жалость к себе доставляет мне удовольствие… Вы понимаете?.. Иногда надо себя пожалеть. Кто там пришел?

Подходит Галемба.

Вы такой неземной, такой нездешний, да, Галемба?
Галемба. Это его дело…
Елена. Инфернальный!.. Да, Галемба?
Галемба. Что ты к нему пристала!..
Елена. Вы такой чуткий, спасибо. Давайте выпьем вина.
Авель. Мне нельзя.
Елена. Пейте, пейте, мне тоже нельзя! Вы такой пылкий, отзывчивый к чужому горю. Сыграй нам, Галемба, что-нибудь меланхоличное, мы потанцуем.

Галемба снова садится за рояль. Звучит танго.

Пойдемте, Авель, я вас умоляю!..

Елена и Авель танцуют.

А вы что подумали, Авель? Вам захотелось утешить меня, да? Ах, дурачок, бедный мой Авель. Я сильная женщина. Предприимчивая. Волевая. Как раз вровень эпохе…

В холле, у своей двери, появляется Кассандра. Пытается понять, что происходит.

Кассандра. Елена, не делайте этого!.. Я вам запрещаю!..
Елена. А что я такого делаю?
Кассандра. Вы танцуете.
Елена. Да? А что, нельзя?
Кассандра. Нельзя! Это, если хотите, преступление!

Из своей комнаты выходят Паша с Анютой, тоже принимаются танцевать. Возле своей двери топчется Сокольников.

Вы погубите мальчика!
Елена. Здесь не люди живут, а гееноподобные твари. Я вынуждена подчиниться, князь. С Кассандрой лучше не связываться. *(Отпускает его.)*
Галемба *(завершая игру).* Чем необычней, чем абсурдней, малыш, тем больше гарантии, что это реальная жизнь. Чем хуже, тем лучше, пойми!
Авель. Лучше, когда хорошо.

Галемба. Боюсь, что я утратил критерии. Я не знаю, где мне хорошо, а где плохо… Где я могу находиться, а откуда должен бежать со всех ног… И на всякий случай, у меня развилась мания уходить отовсюду. Не успею войти, а уже тянет к выходу. От всех приятелей ушел… нет, без скандала… Исчез… Снять телефонную трубку для меня мука. Одеться, пойти куда-нибудь – катастрофа! Ты веришь, нет?.. И постоянно над моею жизнью звенящая струна несчастья!

Елена. Дзынь!..

Галемба. Иди к черту!

Елена. А что? Звук лопнувшей струны. Вполне театрально.

Входит Майя. Она в деловом костюмчике. В руках у нее фирменная сумка с покупками. Наступает долгая пауза. Галемба идет к роялю и берет несколько торжественных аккордов. Елена сидит в оцепенении, не сводя с нее глаз.

Елена. Тебе к лицу… Все так и норовят тронуть рояль. Кто что, каждый своё… Чижик-пыжик, полонез Огинского… Мурка… *(Бурно.)* Это мой рояль! Захочу, буду играть Шумана, захочу, оставлю его в чехле! И не дотрагиваться! Он и так расстроен… *(Уходит в комнату.)*

Занавес

Действие второе

На следующий день ничего здесь не изменилось.

Елена *на своем «рекамье» полулежит, вяжет на спицах. У двери, ведущей на крышу,* ***Галемба****, кого-то высматривает. Это* ***Авель*** *сидит на кровле, согнувшись в три погибели.*

Галемба *(в окно, тихо, ласково).* Авель!.. А-вель…

Авель не реагирует.

(Елене.) Так и не выходил?

Елена. Нет. Засел крепко.

Галемба, А она что?

Елена. Майка?.. Ревет. У неё голодовка.

Галемба. А у этого молчанка. Вот публика…

Елена. Я, было, вскипела поначалу.

Галемба. Вчера? Да я видел.

Елена. А потом думаю: а я б устояла?.. Фирменный прикид. Ни за что бы не отддала. Чуть устарелый, должно быть… ну, что ж…

Галемба *(в окно).* Авель!.. Ты смотри там поаккуратней… Всё проржавело… перила шатаются. Сто лет им… *(Елене.)* Я не выхожу, боюсь. Один раз попробовал, куда-то нога провалилась… Слышишь меня, Авель?.. Ты подальше от края. Подальше!.. *(После паузы отходит.)* Да-а, кажется, их заклинило. А костюмчик хорош. Бизнес-леди.

Елена. Там еще платье.

Пауза.

Галемба. Да я понимаю. Ну, и что решили?

Елена. А что не решишь, всё – кирдык. Не знаю, где денег взять.

Появляется ***Кассандра****. Она проходит к окну, ни на кого не реагируя, кладет на подоконник куртку Авеля.*

Кассандра *(в окно).* Наденешь. У нас тут не Авлабар… *(Кладет рядом сверток.)* Тут еда. *(Ворчит.)* За почтой сходить некому… *(Идет обратно.)* Нашли себе забаву…

Елена. Я съезжу.

Кассандра. Кстати, когда вынимаете из ящика почту, будьте предельно внимательны. Мы ждём уведомления. Оно может выпасть!.. *(Уходит, ворча.)* Ищи потом… Ничего не докажешь…

Галемба. Она – права. *(Отходит к окну.)* Авель, малыш, мне скучно без тебя. Я остался без собеседника… Не хочешь выходить – и правильно делаешь. Смотреть здесь не на что… *(Пауза.)* А главное – не на кого. Вот сидит, как всегда, с сигаретой и чашкой кофе… сам знаешь, кто. Типа, змея…

Елена бросает в него свою тапку, он едва уворачивается.

От нее весь змеюшник… Ты это понял уже?..

Елена *(миролюбиво).* Неправда, я человек искренний! Меня любят. Люди тянутся ко мне.

Пауза. Из своей комнаты выходит ***Сокольников****. Направляется в уборную.*

Галемба. Вот вышел Сокольников… Глаза бы мои его не видели. Уж как надоел со своим социалистическим выбором. Тут, понимаешь, тектонические пласты гудят, скрежещут… Континенты ворочаются… А у него всё буби козыри.

Сокольников. А что изменилось? Раньше меня грабили одни, теперь другие… А меня, как раньше, так и теперь, не ограбишь. Потому что у меня ничего нет. *(Уходит.)*

Галемба. Кроме цепей?.. Понимаешь, малыш, всё здесь и должно быть отвратительно… Ты не поверишь, но здесь цветы вянут.

Елена. Враньё. У меня столетник стоит уже…

Галемба. Сто лет?

Елена. …лет пятнадцать.

Сокольников *(появляясь из дверей уборной).* Вы думаете, что я ел до войны? Пайку! А после войны? Пайку! А теперь? То же самое. Рацион!.. Разница только в нормах выдачи.

Галемба. Этот всё о желудке. О пищеварении. Конченый человек.

Елена. А тебе о чем ни заговори, всё не по-твоему.

Пауза.

Галемба *(в окно).* Вот только той, кого бы ты хотел видеть, здесь нет… Говорят, плачет. Горючими слезами… Голодовка у нее. Говорят, сухая… Ах, Авель-Авель… не успел приехать… Такие страсти!.. *(Качает головой.)*

Авель. Скажите ей: я найду деньги. Ей нельзя ехать в Сингапур.

Галемба. Найдёт он деньги…

Возле своей двери топчется ***Паша****.*

А вот еще один господин! Стервятник! Ждет, когда овечка отобьётся от стада. Понимаешь, этот подлый тунеядец ухитрялся никогда не работать: ни до, ни после. Ни при социализьме, ни при этом… катаклизьме. И ничего, жив! Смотрите, какая ряха. А главное – никаких комплексов… Сейчас он снова пойдет отдохнет.

Паша. Вали, вали. *(Елене.)* А ехать я бы советовал. Что характерно, Автандил Амиранович обаятельнейший человек. И порядочный! *(Уходит.)*

Галемба. Надо вернуть наряды.

Елена. Куда?!. Это не магазин. Это блатная депутатская точка. По-моему, чей-то переполненный гардероб. Чека нет… Хорошо, если возьмут обратно за полцены…

Галемба. Я знаю. Костюмерная театра иногда у них покупает.

Елена. А вообще такие вещи не возвращают. Сугубая фирмА. Эксклюзив!

Галемба. Вот бабы… Вечно во что-то влезут… Чем я могу помочь?

Пауза.

Нет, кроме шуток.

Елена. Ну, спасибо. *(Пауза.)* Что ты знаешь о Греции?

Галемба. Ах, так?.. Ну, вообще много. Во-первых, это родина демократии. Во-вторых, там всё есть…

Елена. Достаточно. Примешь участие в радиоконкурсе.

Галемба. Почему я, а не ты?

Елена. Уже приняла. Я эти вопросы составляла. И своё уже получила. Пошлешь ответы, которые я тебе дам. Первую премию гарантирую.

Галемба. О, матерь божья!.. Но это же, наверное, не деньги, а слёзы…

Елена. Кот наплакал. Предложу им второй конкурс. «Что ты знаешь о Сингапуре?». Снова победишь.

Трезвон звонков входной двери. Особенно яростно надрывается звонок Кирьянова. Галемба идет открывать. В холл выходят и другие жильцы. Входит ***Бугор*** *со* ***свитой.***

Бугор. Так, мужик… Ты кто?

Галемба *(опешив, после паузы).* По-вашему, так входят в чужую квартиру?..

Бугор *(проходит).* Не зуди. Мне с тобой говорить не о чем. Кирьянов где?

Галемба. Прямо. *(Отходит.)*

Бугор дергает дверь Кирьянова, стучит.

Бугор. Кирьянов! Кирьянов!..

Кассандра. Значит, его нет.

Бугор. Нет, так будет. Появится, скажите: счетчик включён.

Кассандра. Что?

Бугор. Счетчик, мол, включен. Вот так и скажите.

Кассандра. Вы по электросчётчикам?

Бугор. Я?.. Нет. По электропаяльникам. *(Усмехается.)* Также по электроутюгам…

Визитёры, переглядываясь, смеются.

Но сначала по счётчикам. *(Движется к выходу.)* Тик-так!.. тик-так!.. *(Хохочет).*

Кассандра. Ничего не понимаю…

Визитёры весело уходят.

Кто это?

Анюта. Волки!

Галемба. Неправда. Шакалы.

Паша. Санитары леса. Кто долги вовремя не отдает.

Все расходятся по комнатам.
Галемба присаживается возле Елены.

Елена. Ну, что там?

Галемба. Ничего. Разберутся. Похоже, что Кирьянов попал в задницу.

Елена. А он оттуда и не вылезал.

Открывается дверь Кирьянова.

Легок на помине.

Озираясь, ***Кирьянов*** *потихоньку выходит из комнаты и на цыпочках направляется к выходу на крышу. В руках у него рюкзак. Проходя мимо Елены и Галембы, он прикладывает палец к губам.*

Его ни там, ни тут нет.
Галемба. А я не возражаю. *(Отворачивается.)*

Кирьянов, оглядываясь, выходит на крышу, затворяет за собой дверь. Садится рядом с Авелем. Долго молчат.

Кирьянов. Ну, что, соперниками стали?
Авель. Я никому не могу быть соперником.
Кирьянов. Что так?
Авель. А ты не знаешь, что мне предстоит?

Пауза.

Кирьянов. Ну, это от медицины зависит. К кому попадешь. У тебя, я знаю, профессор… Земляк. Что-нибудь придумает… А я вот, считай, не жилец. За мной приходили.
Авель. Кто?
Кирьянов. А те, что в аду у котлов стоят. Помешивают… Дровец прибавляют.

Пауза.

Авель. Не надо так. На всё Его воля.
Кирьянов. Ну, а ты что же своевольничаешь? Заранее себя списал.
Авель. Я не списал. Я смиряюсь.
Кирьянов. И ей насоветовал?
Авель. Нет.
Кирьянов. А как же? Нужны деньги.
Авель. У меня есть.
Кирьянов. Откуда?

Пауза

Авель. На операцию.

Пауза.

Кирьянов. Много?
Авель. Три тысячи.

Пауза.

Кирьянов. Небогатое у тебя княжество?..
Авель. Небогатое.

Пауза.

Кирьянов. Хороший ты человек… Никому так не верил… Я плохой. Жадный… Там, в твоем шкафу, кейс. В нем десять тысяч… По-разному собраны… Не скажу, что всё праведным способом… Но не воровал, нет!.. И не убивал!..

Авель. Я знаю.

Кирьянов. Слушай, у меня всё в жизни было. Вот гляди! Мужская победа! Слава победителя. *(Не видя на лице Авеля одобрения.)* Ну, всё-таки третье место в областном авторалли…

Авель. Да. Ты прав.

Кирьянов. Богатство! Хоть и неправедное…

Авель. Да, конечно.

Кирьянов. Жадничал!.. Я на этом и попался. Не люблю отдавать!..

Авель. Ну, а еще?..

Кирьянов. Ещё?.. *(Собравшись с духом.)* Любовь!..

Авель. Да. Это – да!

Кирьянов. Это неважно, что безответная?.. Мне зачтётся?

Авель. Бескорыстная еще дороже.

Кирьянов. Была любовь, была!..

Авель. Почему была? Есть.

Кирьянов. Чего не хватало в моей жизни? Скажи! Ты должен знать…

Авель. Чего не хватало?.. Веры.

Кирьянов. Это как?.. Поверить безоглядно, что б тебя кинули, да?.. А потом еще посмеялись?.. Да у меня вся жизнь прошла с этим припевом: обманули дурака на четыре кулака! Обманули дурака… Хрен вам! Вот вам! Вот!.. *(Неприличные жесты.)*

Пауза.

Авель. Остынь… Как же ты мне поверил?

Кирьянов. Не знаю. Ты не отсюда.

Авель. Я из Грузии.

Кирьянов. Нет, нет!.. Не знаю, как это назвать.

Авель. Ты боишься назвать имя, которое всё объясняет.

Кирьянов. Бог, что ли?.. А его нет.

Авель. Кто же тебя научил так любить?

Пауза.

Кирьянов. Само получилось.

Пауза.

Авель. Куда ты собрался? *(Пристально глядит Кирьянову в глаза.)*

Кирьянов *(беспокойно посмеивается).* А что, видно, да? Налицо приметы побега?.. Куда мне собираться… Вот, достали меня… Они всюду найдут. Раз я на счетчике… Беги не беги. Либо всё отберут, что накопил… Либо жизнь отберут… да еще замучают… Попробую…

Пауза.

Я ей всё хочу отдать… Раз любовь… Ну, а для чего они?.. У меня никого больше нет. Ты отдашь. Вот ключ.

Авель. А сам?

Кирьянов. Нет. Боюсь… Будет спрашивать… отчего да откуда… Еще откажется. Она ведь чистая.

Авель. Когда ты хочешь, чтобы я передал? Сейчас?

Кирьянов. Нет. Тут, понимаешь, какое дело… Мне нельзя им в руки попасть… Я не выдержу. Наведу…

Авель. И на меня?

Кирьянов. Да…

Авель. А если придут?

Кирьянов. Отдай сразу… Слаб человек… Не такие, как я, не выдерживали… Дай время уйти. Дам сигнал, когда буду недосягаем.

Авель. А тебе с собой разве не надо?

Кирьянов. Сколько надо, у меня есть.

Пауза.

Авель. Всё сделаю, как ты сказал.

Кирьянов. И никому об этом, ты понял?

Авель. Да.

Кирьянов. Спасибо тебе. Прощай.

Авель. Храни тебя Бог!.. Прощай.

Кирьянов уходит в глубину чердака.

Затемнение.

Увлеченный своими размышлениями, по холлу бредет Сокольников.

Сокольников *(останавливается возле двери Елены).* Зачем порочить нашу жизнь? Зачем? Мы хорошо жили, дружно и справедливо. *(Движется по кругу, останавливаясь то у одной двери, то у другой.)* Друзья мои, братья и сестры. Согласитесь, всё у нас хорошо, всё есть – тепло, свет, пища. Мы вместе, а это главное. А вы хотите разбрестись по одиночным камерам? Я говорю вам – это страшно! Я заклинаю вас – это гибель! Умоляю вас, не надо!.. Давайте жить вместе! Всё есть – тепло, свет, пища.

Галемба. Параша. Представляю, сколько отсюда дерьма растечется по другим домам и квартирам! Сколько зла!..

Сокольников. Нет, не параша!.. Уборная. Унитаз. Всё хорошо. Все друг за друга. Хотите, я буду полы мыть? Курить брошу?.. Не оставляйте меня. Вы – мои сокамерники. Моя семья.

Елена. Ну, не знаю!.. Не знаю, Сокольников, что вы здесь нашли… Надо бежать друг от друга.

Галемба. Не оглядываясь!

Елена. А меня, между прочим, ты бы мог сохранить.

Галемба. Да? Каким образом?

Елена. Делаешь вид, что не понимаешь… А если б вовремя, у нас могло бы образоваться нечто оригинальное…

Галемба. Ну, полно, полно фантазировать!..

Елена. Галемба, а ведь могло бы!.. Могло!..

Галемба. Ну, не знаю…

Елена. Могло-о!.. Галемба, ты был тогда так игрив!.. И так жовиален!.. И я тебе нравилась.

Галемба. Не помню.

Елена. Не помнишь? Он делает вид, что не помнит. Ну, это нечестно, Галемба, нечестно!..

Галемба. На мне всегда была Соня.

Елена. А это еще до Сони!.. Ждёшь?

Галемба. Жду.

Елена. А если в глаза?..

Галемба. Вопрос сложный…

Елена. С такими разводят без разговоров.

Галемба. Соня – мой крест! И точка. И моя любовь… *(Отходит.)*

Елена *(закатывает глаза).* Ах, любовь!.. *(Напевает из «Кармен».)*

Галемба. Сокольников, успокойтесь!.. Найдете себе другую коммуналку. На худой конец, общежитие…

Анюта. Он по ночам выходит сюда и скулит.

Елена. И дверь не закрывает. Вы думаете, приятно слышать ваш храп?..

Галемба. А что хорошего-то было, папаша?

Сокольников. А пятерочка?

Галемба. Я обронил, вы вернули? Эка невидаль.

Сокольников. И еще, и еще!

Галемба. Ну, чайник выключили. Что еще-то?

Сокольников. Ну, многое, многое… А взгляды?

Галемба. Добрые, что ли?

Сокольников. Да!

Галемба. А завистливые?

Сокольников. А ободряющие?

Галемба. А испепеляющие?

Сокольников. А виноватые?

Галемба. А бесноватые?

Сокольников. А… а добрые?

Галемба. Нет, Сокольников, на весах нет баланса: там тяжело, тут пусто. Будем разъезжаться.

Сокольников. Нет-нет-нет!..

Галемба. Да-да-да!..

Сокольников. Что скажет юноша?

Галемба. Это князь, как можно!..

Сокольников. Ну, да. Пусть будет князь. Хотя князей мы всех прогнали…

Авель. В Тбилиси мы живем в доме, где много квартир. И все они связаны галереей.

Сокольников. Это как?.. Снаружи или внутри?

Авель. Внутри двора. По фасаду мы все по отдельности. А внутри – мы одна семья.

Сокольников. Вот!.. Принцип социалистического общежития! И если вы посмотрите проекты Корбюзье…

Елена. К черту Корбюзье! Это прохвост и фальсификатор!

Галемба. Это гениальный новатор!

Елена. Это ничтожный провокатор!

Галемба. Да!

Елена. Нет!

Галемба. Да!

Елена. Никогда!
Галемба. Всегда!
Елена. Ни в жизнь! Никогда! Во веки веков! *(Истово крестится.)*
Галемба *(после паузы).* Мать, успокойся. Пусть будет по-твоему.
Елена. Галемба, я тебя обожаю!..

Звонки входной двери. Все осветительные приборы приходят в движение. Голоса в прихожей, появляются люди.

Женский голос. Мы с первого этажа! Кто-то с крыши упал!..
Мужской голос. Вот сию минуту брякнулся!
Женский голос. Спуститесь, посмотрите, ваш, не ваш?!.
Мужской голос. Вызвали! Скорую вызвали!.. Да что толку…

Шум голосов. Мельтешение огней. Постепенно они гаснут. Дольше всех пульсируют автомобильные фары. Но и они угасают. Ревет сирена «Скорой помощи».

Затемнение.

В комнате у Галембы сидит Авель. Играет музыка, поёт Пласидо Доминго, что-то из «Тоски» или «Богемы». Какое-то время молча слушают. Галемба снимает пластинку. Допивает вино из стакана.

Галемба. Вот мы и помянули. Я даже не знаю, как его звали…
Авель. Максимом. Всё доводил до максимы.
Галемба. Что был за человек? Чем жил?..
Авель. Страстями.
Галемба. Ты что-нибудь о нем знаешь?
Авель. Много.
Галемба. Когда успел…
Авель. Успел. Помолимся за него.
Галемба. Как?.. Я не знаю…
Авель. Само придет. *(Встаёт, вполголоса.)* Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Максима и прости ему все согрешения вольныя или невольныя, даруй ему Царствие и причастие вечных Твоих благ и Твоей бесконечной и блаженной жизни наслаждение. Аминь. *(Крестится с поклоном.)*

В продолжение молитвы Галемба встал, по окончании, не крестясь, кланяется. Долго молчит.

Галемба. Спасибо тебе, мой драгоценный. Как легко стало.
Авель. Я знаю.

Сидят молча какое-то время.

Галемба Если честно, мне тут хорошо. Я не знаю, лучше ли мне будет без них… *(Наливает вино.)* Жизнь прожита! Я банкрот, князь. *(Приветственно подымает стакан, выпивает.)* Начинать все сначала?.. По секрету?.. *(Как бы доверительно.)* Силы есть, но так неохота!.. А чтобы не было мучительно больно… Нет, путь Кирьянова мне не подходит!.. Нужен допинг.

Это либо вино, либо любовь. Ничего лучше человечество пока не изобрело. А вообще, князь, не бери в голову. Что тебе, своих проблем мало?.. Господи, как мне все ясно! Какая кристально чистая видимость! Вижду! Князь, я вижду!

Авель. Что?

Галемба. Решительно всё! Про себя, про них.

Авель. А про меня?..

Пауза.

Галемба. Вот тут я умолкаю. Прости, князь, но тебя ведет Господь Бог. За тебя! *(Пьет.)* И знаешь, малыш, к чему я прихожу, общаясь с тобой? К простым и обычным вещам. В режиссерской методологии. Нехрена выдумывать. Надо просто говорить с людьми о том, что их волнует. Вот как я с тобой говорю… и как ты говоришь со всеми нами… Зачем входить в образ? Маску натягивать… Молчи, молчи!.. Ты мой театр, я тебе верю, весел ты или хмур… Словом общаешься или молчанием. О, какая сила в тебе, князь! *(Прислушиваясь.)* Кто-то пришел там… Это не к нам?..

Входит ***Соня***.

Боже мой, это же Соня! *(Бросается к ней, обнимает.)* Как это?.. Почему не предупредила? Я бы пришел за тобой!.. *(Авелю.)* Это моя жена! София!

Авель и Соня здороваются.

А это – Авель, познакомься. Он князь!

Соня. Ах, это очень приятно. Это по какому произведению?

Галемба. Нет-нет, это по жизни! Ты всё поймёшь…

Авель. Простите меня, но я должен идти.

Галемба. Да-да, конечно…

Авель. Мадам!.. *(Поклонившись, уходит.)*

Галемба. Это удивительный юноша… Голубка моя, как я рад! Ведь вчера еще не было ничего определённого!..

Соня. О, какое счастье вернуться сюда! Милый мой! Я не хочу больше разлучаться!..

Они бросаются друг к другу и долго стоят, обнявшись.

Затемнение.

Авель и Майя сидят на крыше поодаль друг от друга. Майя, по обыкновению, в джинсах, майке, в стиле «свой парень».

Майя. Простите меня за те слёзы!.. Я не поеду, это же ясно, неужели вы не понимаете? Мне стыдно, что я допустила слабость. И знаете, это очень мило было с вашей стороны мне запретить.

Авель. Я запретил?.. Как я мог?

Майя. Я не знаю. Пришла мама и сказала: князь запрещает. Правда, она еще кое-что добавила из области фантастики, но это она умеет.

Авель. А, да… А вы простите меня… Может быть, я и сказал что-то похожее, но мне нестерпима была мысль, что кто-то распоряжается вашей волей…

В своём будуаре в одиночестве сидит Елена, как всегда, за одним из своих занятий – чтением, вязанием, пасьянсом, чаепитием, отгадыванием кроссвордов, игрой в «скрэббл» – или за всеми занятиями сразу.

Елена *(завидев Соню, машет приветственно).* Со-оня!..

Соня. О, здравствуй, Елена!.. *(Идет к ней).*

Елена. Офелия! В твоих молитвах, нимфа… *(Умолкает, увидев яростные знаки Галембы.)* С возвращением. *(Салонные объятия и поцелуи.)* Ты на побывку? Нет? Насовсем?..

Соня. О, да!

Елена. Без макияжа ты скорее похожа на Гертруду, чем на Офелию.

Соня. Боже мой, мне же теперь всё равно!

Елена. Как я рада, что ты избавилась от своей фобии.

Галемба. Соня-а!.. (*Отчаянно жестикулирует. Выходит из комнаты.)*

Елена. Что ему надо?..

Галемба. Соня!.. Иди помоги мне!..

Уводит Соню. За спиной показывает Елене кулак.

Соня. Да, милый?

Галемба. Имей в виду, я буду скучать и ревновать тебя ко всем.

Соня. О, нет, я не дам тебе повода!.. Я буду примерной женой и домохозяйкой.

Галемба. Я буду счастлив.

Соня. И я буду счастлива! Мы оба будем счастливы!.. И всех, кто вокруг нас будем делать счастливыми!..

Галемба. Да, успокойся… Всё будет по-твоему.

Соня. И я не хочу, не хочу, не хочу, не хочу, не хочу!..

Галемба. Нет-нет!.. *(Прижимает ее к себе.)*

Соня. Не хочу быть Офелией!.. Хочу быть собой.

Галемба. Успокойся, родная моя… Так всё и будет… Ты уже моя Соня!.. И нам больше никто не нужен. *(Потрясает кулаком в сторону Елены.)*

На крыше, тесно прижавшись друг к другу, сидят Авель и Майя.

Майя. Знаете, Авель, я вам скажу то, что обычно девушки первыми не говорят. А я возьму и скажу. Я влюблена.

Пауза.

Авель. В меня нельзя влюбляться.

Майя. Почему?

Авель. Потому что я могу не вернуться из Академии.

Майя. Вот еще!.. Прекрасно вернетесь. И я вас буду звать не князем, а академиком.

Авель. Это большая проблема. Трудно себе представить её исполнение… Они должны открыть мое сердце и что-то там изъять, а что-то вставить…

Майя. Пусть лучше вставят меня!

Авель. Вы уже там! *(Берет ее руку.)*

Галемба держит Соню в объятиях.

Соня *(освободившись).* Знаешь, я буду создавать вещи, которые приносят абсолютную радость, причем, моментально! Знаешь, что я сейчас исполню?..

Галемба в страхе ждет.

Сварю тебе борщ! Ты хочешь борща?

Галемба. О, господи!.. Обожаю!..

Соня. По-моему, в холодильнике у меня была свёкла…

Галемба. Я не съел её, клянусь!

Соня. Всё найдётся! Чего не будет хватать, попрошу у соседей. Я сварю борща на всех, и пусть угощается, кто пожелает. Ты не возражаешь?

Галемба. Прекрасная идея!

Соня. Вот такую кастрюлю!.. С нами чудные люди живут, не так ли, милый!

Галемба. Да, конечно!.. Этот князь, Авель… тоже так считает.

Соня. Он чудный! Он тоже будет с нами жить?

Галемба. Нет, он вылечится и улетит к себе в княжество…

Соня. А, ну, да!..

Галемба. Так, кажется… Это где-то в Грузии. Он молился о тебе!

Соня. Я знаю!.. Ведь не просто же так произошло улучшение…

Авель и Майя сидят, взявшись за руки.

Авель. Он любил вас.

Майя. Я знаю… Но он не умел.

Авель. Он умел. Но не так, как вы думали.

Майя. А как?

Авель *(после паузы).* На разрыв аорты. Кажется, так называется.

Майя. Скажите… я должна быть благодарна ему?

Авель. Да! И вы должны заказать по нему панихиду. Я вам помогу. А пока зайдите ко мне и примите то, что он вам оставил.

Майя. Что это?..

Авель. Я не знаю. *(Отворачивается.)* Какой-то кейс… Вот ключ к нему. Но никто не должен об этом знать.

Затемнение.

Кастрюля дымящегося борща возвышается на столе, за которым хозяйничает Соня, ловко управляясь с половником. Все жильцы вышли из своих комнат.

Соня *(разливая борщ в керамические плошки, из которых можно есть стоя).* Друзья, подходите!.. Всем хватит! Попробуйте и оцените то, что я наварила. По совести говоря, я давно не хозяйничала. Если чего-то не хватает – вот перец, вот соль!..

Сокольников. А чеснок вы положили?

Соня. Да-да!..

Сокольников. Когда-то я ел борщ с чесноком. Это было на раскулачивании…

Галемба. Свят, свят, свят! Этого нам еще не хватало!..

Сокольников. Хозяева уехали, а борщ оставили…

Пауза.

Галемба. Не оставили, а вы у них отобрали!
Сокольников *(пожимает плечами)*. Может быть, так…
Кассандра. Господи, как хорошо, что я вас не пускала!..
Соня. Вам погуще или пожиже?
Кассандра. Пожиже и полпорции.
Паша. А мне бы погуще! А мясцо покрошили?
Соня. А как же!
Анюта. Паша, ну, как не совестно! Сварю я тебе с крошевом…
Елена *(Галембе, в стороне).* Господи, что за спектакль… Твоя режиссура?
Галемба *(вполголоса).* Я тебя умоляю… Не надо!.. Об Офелии ни слова, ни звука!..
Елена. Да ради бога!
Соня. Лена, позволь я тебе налью!..
Елена. Я сыта. Разве что пол поварешки… Для пробы. Всё-всё!..
Сокольников. Очень вкусно! Я бы от добавки не отказался.
Соня. С удовольствием, пожалуйста!
Анюта *(Соне).* А вас с выздоровлением!..
Соня. Спасибо!
Сокольников *(Галембе).* А говорили – ничего хорошего!
Анюта. А ведь одного не хватает!
Паша *(смущенно).* Да-да… Отряд, как говорится, не заметил потери бойца…
Сокольников. Да! Был человек и нет человека.
Анюта. А комната-то осталась.

И вот покатилось из конца в конец: комната!.. кому комната!.. нужна комната!.. лишняя комната!.. отдайте комнату!..

Анюта. Куделину полагается кабинет!
Елена. Взрослой девушке полагается спальня!
Кассандра. Всем нормальным людям полагается отдельная квартира!
Елена. Куделин, доколе?
Паша. Вопрос решается! Впереди расселение! Всё под контролем!
Сокольников. Ну, вот снова. Зачем?..
Все. Комната!.. Квартира!.. Комната!.. Расселение!.. Квартира!.. Комната!..

Резкие звонки от входной двери заставляют всех замолчать. Кассандра открывает. Входит ***Бугор****. Отстраняя Кассандру, по-хозяйски проходит к двери Кирьянова. Дергает ее, дверь не поддается.*

Бугор. У кого ключ?
Кассандра. А вы кем ему приходились?
Бугор. Двоюродный кисель на троюродной воде. Открывай!
Кассандра. Почему вы мне «тыкаете»? Что это значит?
Бугор. Моё вам с кисточкой!.. *(Расшаркивается.)* Задолжал он мне, что, непонятно?
Галемба. Да-да-да!.. Всё понятно. Предъявите расписку.
Бугор. Какую расписку? У нас дела были без бумаг. По понятиям… На слово. Деньги – товар.
Сокольников *(радостно).* Товар – деньги! Я ж говорил…

Галемба. Но дальше без формальностей не обойтись, я вас уверяю.

Бугор. Вот я и говорю! Надо составить опись. Поискать… Ведь с кем-то же он делился. Кому он доверял?

Сокольников. Мы все тут доверяем одному человеку – князю.

Бугор. Какому князю?

Елена. Что вы несете, старый идиот!..

Сокольников. Но мне же вы не доверяли?

Анюта. Вот князь!

Бугор. Ты князь? Это что, кликуха?..

Кассандра. Оставьте его в покое! Мальчик болен! Ему предстоит операция!

Елена. Уж князя-то вы не получите!

Галемба. Приходите с милицией. А сейчас – адъё!

Бугор. Погоди, погоди! Ты кто тут?..

Галемба Ты уже спрашивал! Два раза повторять не намерен!

Бугор. Ну, я не могу!.. Кто это?..

Галемба. Конь в пальто!

Бугор. Ну, погоди у меня!.. Князь! В твоих же интересах!.. Лучше дома! Скажи им!.. А то ведь придется на хате!..

Галемба. Что ты сказал?..

Бугор. Легче, легче!..

Галемба. Ты что, угрожаешь?.. Ему?..

Полукруг жильцов понемногу смыкается, Бугор оказывается прижатым к двери Кирьянова.

Елена *(выходя вперёд).* А ты знаешь, что сейчас будет?.. Вот баллончик… Здесь нервно-паралитическое… Пахнет черемухой… Любишь черемуху?.. Одно твоё движение и ты обвалишься на пол, как мешок отрубей… Потом мы тебя свяжем. Бельевой веревкой. А когда ты будешь лежать связанный, знаешь, что мы с тобой сделаем?.. Я, например, если все отвернутся, помочусь на тебя… *(С усмешкой оглядывает соседей.)* Я такая… Отчаянная! За князя на всё готова…

Вперед выходит Соня. В руках у нее миска с борщем, которую она протягивает Бугру. Тот принимает. Лицо ее одухотворено, глаза горят.

Соня. О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого – взор, меч, язык;
Цвет и надежда радостной державы,
Чекан изящества, зерцало вкуса,
Пример примерных – пал, пал до конца!
А я, всех женщин жалче и злосчастней,
Вкусившая от меда лирных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,
Подобно треснувшим колоколам,
Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом; о, как сердцу снесть:
Видав былое, видеть то, что есть.

Бугор в продолжение монолога ведет себя всё более и более беспокойно, нервно ест борщ, переводя глаза с одного лица на другое, ища разгадки, сочувствия и, наконец – выхода. Не найдя ничего, охваченный страхом, он прорывает плотный заслон из жильцов и опрометью бежит к выходувместе с миской.

Бугор *(от двери).* Я вернусь еще! Клянусь! Век свободы не видать! Князь, готовься!.. Вернусь не один!.. Поедешь на хату! *(У двери, жадно доедает борщ, ставит миску на пол и исчезает.)*

Все стоят полукольцом, будто парализованные. Галемба обнимает Соню и гладит ее голову, лежащую у него на плече.

Галемба *(негромко).* Бедная моя… Как ты себя чувствуешь?
Соня. Хорошо.
Галемба. А ему твой борщ понравился.
Соня. Только, я думаю, он уже остыл.
Галемба *(оставляя Соню).* Братья и сестры… *(Пауза.)*
Сокольников *(просветленно, в полголоса).* К вам обращаюсь я…
Кассандра. Чш-шш!..
Галемба. К вам обращаюсь я, друзья мои… *(Почти шепотом.)* На баррикады!..
Все. На баррикады!.. На баррикады!.. На баррикады!..
Елена. Руки прочь от князя!
Все. Прочь! Руки прочь! Бугор не пройдет!..

Все расходятся по своим комнатам.

Галемба *(Авелю).* Понимаешь, свобода – свойство или коренное, или благоприобретенное. По природе и воспитанию я не свободен. Да чего там, я трус!.. Моя свобода наигранная. Я годами могу дремать в состоянии полу-свободы. Вялого оживления. Но меня, понимаешь ли, можно разгоношить, растормошить, разозлить до состояния свободы! О-о, тут я страшен! Тут я неукротим! Князь – ты моя свобода! Я ставлю на твоё сердце! Я тебе обещаю! Ты выживешь – и я буду жить!

Елена садится к роялю и играет финал фортепьянного концерта Чайковского. Или что-то иное. В холле начинается движение мебели. Жильцы тащат из своих комнат всё, что попало под руку и ставят возле входной двери.

Затемнение.

Так выглядит лагерь беженцев или городская площадь в ночь землетрясения, или платформы метро, ставшего бомбоубежищем. Вот во что превратился холл в этот поздний час в результате призывов к сопротивлению. Кресла и раскладушки, диванчики и шезлонги так или иначе, с разной степенью комфортности служат жильцам, устроившимся здесь на ночь. Майя спит, свернувшись калачиком на диванчике-рекамье, положив голову на колени Авеля. Елена полулежит в кресле. Супруги Куделины, Паша и Анюта, устроились на узкой тахте валетом. Ну, и так далее. Почти все в своей дневной одежде. Лишь Паша Куделин облачился в халат с кистями.

Миг – и вся эта куча мебели, взгромоздившаяся друг на друга, превратится в грозные баррикады, в непроходимый заслон.

А пока звучит меланхолическая, тихая музыка из репертуара ночных радиопередач. Предпочтительней – джаз. Впрочем, уже близко утро, а кое-кто еще не сомкнул глаз.

Галемба *(Соне).* Как я тобой любовался, как ты была прекрасна в роли повелительницы борща!..

Соня *(сонно).* А я и не чувствовала, что я в роли. Зачем ты так говоришь?.. Мне было легко и приятно.

Галемба. Вот так и нужно жить!.. Без фальши, без натуги. Вы посмотрите на Авеля. Он абсолютно равен себе самому. Князь и князь…

Елена *(любуясь).* Хорошая пара.

Галемба. Потому что от сердца к сердцу.

Пауза. Джаз.

Елена *(вздыхает).* Не у всех получается.

Галемба. Да! Этому надо учить! Я понял, чем я буду заниматься, ты знаешь. Вот достойное дело! Помогать людям освобождаться от несвойственной им роли. От надуманного поведения. От заблуждений. Мы откроем студию! Мы учредим ООО!

Елена. О-о!.. Это что-то новенькое… Спёр? Или ноу-хау?

Галемба. Да! Моё!.. Выстраданное… Раньше я как режиссер создавал, воплощал, собирал, надувал образ! Теперь я протыкаю пузырь! Пш-шик!.. И пусто! Мы движемся в обратном направлении! К натуре!.. К естеству, а значит, и к правде естественного поведения! К черту роли!.. Долой маски!.. И называется это… знаешь, как?

Елена. Как?

Гадемба. Раз-во-пло-щение!..

Анюта. Дадут поспать?

Галемба Чш-шшш!.. *(Елене, вполголоса.)* Пиши рекламу! Психологический тренинг. Развоплошаю! Освобождаю от роли!.. Снимаю маски…

Елена. И личины! Да?

Галемба. Правильно. Снимаю наигрыш. Корректирую поведение.

Пауза. Джаз.

Елена. Уроки искренности. Это я буду давать.

Галемба. Ты тоже хочешь?

Елена. Да, у меня есть наработки…

Галемба. Это тебе не носы вытирать!.. Вывод из заблуждения.

Елена *(после паузы).* Выход из блуда?

Галемба. Только без пошлости!.. Указываю выход из тупика. Из ловушки. Из заблуждения. Поняла?

Елена. Поняла. О, сколько людей будет нами осчастливлено!.. Начинать нужно с ближнего круга. Вот Сокольников.

Пауза. Джаз.

Галемба. Тяжелый случай… Ведь он вбил себе в голову, что он революционер. *(Пауза).* Сокольников!..

Сокольников *(пробудившись от дрёмы).* Да!.. Они пришли?

Галемба. Нет еще. Сокольников, общество справедливости и полного равенства возможно?

Сокольников. Да! И мы его строили!..

Галемба. В одной отдельно взятой стране?

Сокольников. Да! В авангарде всего прогрессивного человечества!.. Неведомыми тропами… Нехожеными путями…Пока не пришел этот… *(Изображает.)*

Галемба. Ну вот, видишь?.. Отдыхайте, Сокольников.

Елена. Глубокий обморок сирени.

Сокольников *(устраиваясь поудобней).* А сейчас я мечтаю о счастье и процветании в отдельно взятой квартире. *(Засыпает.)*

Пауза. Джаз.

Галемба. Жизнь соткана из сплошных заблуждений. Люди живут в ирреальном, вымышленном мире. Один мнит, что он политик, другой, что он полководец…

Анюта. Слушайте, только заснула!

Галемба. Да, извините! Мы забыли, что Павел Петрович отдыхает.

Елена *(шепотом).* Третий – что он режиссер!..

Галемба. Ну ты не можешь без под… начки.

Елена. Прости, сорвалось.

Пауза. Джаз.

Это мечта.

Галемба. Что?

Елена. То, что ты хочешь у них отобрать. Мечта… Крылья воображения… Это опасно. Ты когда-нибудь видел крылья без бабочек… тьфу!.. Бабочку без крыльев?.. Мерзейшее существо! Страшней таракана…

Анюта *(приподымаясь).* Пузо на тонких ножках!.. *(Фыркает.)*

Кассандра. Бабочка рождается с крыльями.

Паша *(спросонья).* Что?..

Анюта. Спи, дорогой.

Галемба. Закрой крылышки…

Пауза. Джаз.

Елена. Мечта присуща мыслящему существу от рождения! Светлая грёза!.. А некоторые ее обрывают.

Галемба. Это ты, мерзкая девчонка, в детстве обрывала бабочкам крылья!..

Елена. Не было этого! Врешь!..

Галемба. Тогда почем ты знаешь, как они выглядят!

Елена. Вообразила! Бабочки, вы хотите остаться без крыльев?

Анюта. Нет! Только не это!..

Кассандра. Нет-нет, лучше, как есть!..

Елена. Теперь ты понимаешь, что ты хочешь отобрать у человека с помощью своего тренинга? Нет, Галемба, это дохлая идея. Люди к тебе не пойдут. Кто ж захочет стать тараканом!.. Люди, вы хотите жить без мечты?..

Кассандра. Никто на это не пойдет.

Галемба. Мы с Соней будем жить правдой. *(Обнимает ее.)*

Сокольников. Без мечты невозможно. Владимира Ильича называли «кремлевский мечтатель».

Галемба. Дороговато эта мечта нам обошлась, Сокольников, дороговато!.. Эта его грёза…

Елена. Господа, если к правде святой
Мир дороги найти не умеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.

Соня. Это Беранже?

Галемба. Да, моя дорогая… Соню не трогайте… *(Заслоняет Соню.)*

Соня *(спросонья).* Все-таки я была в полёте… Да, милый?..

Галемба. Да, моя прекрасная. Спи.

Елена. Муха тоже была в полете.

Галемба. Она нам завидует. Она сама играет одну и ту же роль и не может из нее выйти.

Елена. Это какую же?

Галемба. Благонравной респектабельной дамы. А на самом деле…

Елена. А на самом деле?..

Галемба. А на самом деле…

Елена снимает тапку. Галемба со смехом убегает от нее. С тапкой в руке она гонится за ним.

Анюта. Ну, вы уж совсем!..

Елена. Убью!..

Паша. Что такое?.. Тревога?

Анюта. Интеллигенция разыгралась…

Раздается звонок. Все переглядываются. Звонки повторяются. Все встают и, подхватив свою мебель, несут или двигают ее к входной двери.

Галемба. Тяжелые вещи вниз, легкие наверх!..

Звонки сменяются стуком, стук – снова звонками.

Голоса. Выше! Выше!.. Дайте я помогу!.. Подержите, пожалуйста, с краю!..

Елена. Баллончики – к бою!

Анюта. Швабры – к бою!

Сокольников. На мне, как договаривались, огнетушитель. *(Достает из-под раскладушки.)* В порядке самообороны…

Галемба. Тише, тише!.. Применять по команде!..

Напряжение нарастает, грозя перейти в панику, и когда наступает общий гвалт, Авель вдруг вскидывает руки.

Авель. Тише!.. Прошу тишины!.. *(Прислушивается.)*

Пауза. Из-за двери слышна женская речь.

Это бабушка!..

Кассандра. Дарико!

Авель принимается отодвигать вещи от двери. Все приходят ему на помощь. И вот в открытую дверь входит ***Бабушка****. В руках у нее две сумки.*

Бабушка. Мальчик мой!..
Авель. Бабушка!

Она роняет сумки и горячо обнимает Авеля. Под руку подворачивается и Кассандра, подруги обнимают друг друга, целуются. Авель усаживает Бабушку на диван, садится рядом с ней. Далее они на короткое время переходят на грузинскую речь, богато украшенную пламенными восклицаниями, жгучими междометиями, пылкими жестами и сиянием глаз. Случается и так, что Бабушка к Авелю обращается по-русски, а по-грузински – к Кассандре.

Бабушка. Ты получил приглашение профессора Чкония?
Авель. Нет!..
Бабушка *(Кассандре).* Вах!.. Он не получил приглашение профессора Чкония! У тебя с ним завтра встреча!..
Кассандра. Как!.. Кто брал почту?..
Бабушка. Что за почта у вас!.. Междугородняя телеграмма пришла скорее.
Галемба. Международная!.. А у нас сарафанная! *(Елене.)* Посмотри у себя в сарафане.
Елена. Что за дела!.. Ничего я не видела… Но, конечно же, посмотрю. *(Уходит.)*

Тем временем по инициативе и под руководством Анюты в холле накрывается стол. Она вносит электросамовар. Расставляются чашки с блюдцами. Каждый бежит к своему холодильнику и приносит что-нибудь из еды.

Соня. Это – сыр! Названия я не знаю. Продавался просто как «Сыр»!
Сокольников. Дырочки есть?
Соня. Есть.
Сокольников. Ну, значит, без обмана.
Елена. Да, – вот конверт! *(Отдает Кассандре.)* Я очень сожалею. Но я не виновата. Прошу меня простить. Но я не при чем. Как он у меня оказался?.. Сумасшедший дом! *(Оборачиваясь к столу. Торжествующе.)* Зато у меня – пирожки с ливером!
Сокольников. У меня имеется «Завтрак туриста», восхитительное питание, если намазать на хлеб. И с горячим чаем!.. *(Закатывает глаза.)*
Анюта. А мы, так уж и быть, ставим банку из набора. Да, Паша?.. Вот: икра лососевая! Это у Паши в ассоциации наборы бывают. А он там вице-президент.
Елена. Сто раз слышали.
Бабушка. Вот лаваш… Передай, Авель. Вот брынза… Вот зелень. Это тебе, мой дорогой!.. *(Передает Авелю полиэтиленовый пакет с мандаринами.)* Угости всех!..

Анюта разливает чай.

Как я вам благодарна! Какие вы прекрасные люди!..

Авель обходит всех и каждому дает мандарин. Последний достается Майе. И как-то само собой в застольный шум, в гул голосов вплетается тихое пение – грузинское многоголосье.

Через короткое затемнение это же песнопение крепнет, овладевает пространством. Все стоят живописной группой посреди холла – в центре Авель в кресле. Рядом с ним в вечернем, почти свадебном платье Майя. Она даже в белых перчатках, в руках у нее – мандарин. Постепенно он рдеет – внутри него загорается свет. Можно даже подумать, что это сердце.

Сверху доносится голос и тогда пение стихает, но не прекращается.

Голос.

Если ты брат мне, то спой мне за чашею,
И перед тобой на колени я грянусь.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь…

Дальше стихи Тициана Табидзе читаются по-грузински. Мужчины поднимают кресло с Авелем и медленно несут его к авансцене. Голос звучит, и песня звучит. Они тоже поют.

Голос

Где виноградникам счет, не ответишь ли?
Кто насадил столько разом лозины?
Лучше безродным родиться, чем детищем
Этой вот родины неотразимой.

С ней мне и место, рабу, волочащему
Цепью на шее за несказанность.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

(Перевод Бориса Пастернака).

Занавес

2016

Будни Офелии
Пьеса в двух действиях

Действующие лица:
Гусев – *режиссер*
Рудик – *его помощник*
Мальва – *актриса-любительница*
Муратов – *ее муж*
Зинаида – *подруга Мальвы*
Твердохлебов – *актер*
Клавдий – *владелец кафе*
Пани Бланка – *барменша*
Нюша – *подавальщица в кафе*
Самарий Ильич – *аптекарь*
Морев – *доцент института*

Участники студии:
Горацио
Розенкранц
Гильденстерн
Полоний
Лаэрт
Регина
Лорды, леди и офицеры

Действие первое

Кафе в южном русском городе. Просторное помещение с антресолью, огороженной балюстрадой. Под нею бар с высокими табуретами. На переднем плане и на отшибе, в уютных закутках, несколько столиков. К моменту впуска зрителей в зал кафе уже работает, играет тихая музыка популярной радиостанции, сидят ***посетители****, кто-то входит, кто-то выходит через стеклянную дверь (это могут быть и актеры, и служащие театра, и рабочие сцены).* ***Барменша*** *ведет тихую беседу с* ***Аптекарем****, сидящим на высоком стуле возле стойки бара. От стола к столу ходит распорядитель* ***Рудик****, вежливо о чем-то напоминая. Официантка* ***Нюша****, заглядывая в блокнотик, делает подсчеты. Все тихо и благочинно, пока не появляется* ***Гусев****. Он входит стремительной, по-актерски пластичной походкой «от бедра», вызвав шевеление за некоторыми столиками. Он и слова не сказал, а всё поменялось. Видно, что его ждали. Рудик задвигался решительней, Барменша прервала беседу. Музыка умолкает. Шипит кофеварка. Гусев, оглядев зал, присаживается за один из столиков, за которым уже кто-то сидит.*

Рудик. Уважаемые посетители, а какая погодка сегодня кдёвая, вы обратили внимание? Как хорошо пройтись по свежему воздуху! Докушаем и – на бульвар!.. Лады?

Барменша. Уважаемые посетители, мы таки закрываемся на спецобслуживание. А может, на технический перерыв, я знаю…

Рудик. Благодарим за внимание. *(Раскланивается.)* Очень было приятно с вами… Благодарим…

Барменша. Приносим свои извинения. А?.. Конечно, откроемся снова. Что б я так жила… *(Смеется.)* Звиняйте…

Рудик. Заходите часа через два… Будем ждать с нетерпением… Нюша, получите с клиента.

Нюша ходит между столиками, выражая нетерпение и настойчивость. Впрочем, некоторых посетителей она оставляет в покое, и те спокойно продолжают беседу, курят. Барменша управляет рукоятками кофеварки, кофеварка урчит, окутывается паром. Гусев беседует со своим визави. В глубине зала кафе ставят скромную черную ширму.

Барменша *(возвращаясь к Аптекарю).* Вы можете смеяться, но я в этот момент, когда Гусев входит, немножко волнуюсь. Всегда приятно иметь дело с талантливым человеком. Кое-кто говорит, что он гений.

Аптекарь. Он тоже?

Барменша. А кто еще?

Аптекарь. Все говорят, что Шекспир.

Барменша. А да, это вне обсуждений.

Аптекарь. Я прочитал пьесу «Гамлет».

Барменша. Да? И что?

Аптекарь. Мне пьеса понравилась.

Барменша. Вот как? Я рада.

Аптекарь. Правда, там так много людей умирает, что мне стало смешно. Возможно, что автор на такую мою реакцию не рассчитывал.

Барменша. Скорее всего, нет. Нюша, отнесите Гусеву его кофе.

Аптекарь. Между прочим, вы заметили, что там все начинается ядом и кончается ядом. Этот Шекспир понимал, что главное в жизни – фармакология.

Нюша с чашкой кофе отходит к Гусеву.

Барменша. Вы – старый циник, Самарий Ильич, вот вы кто.

Аптекарь *(пожимая плечами).* Не такой уж и старый.

Барменша. Между прочим, обратите внимание, за крайним столиком возле дверей.

Аптекарь. Кто?

Барменша. В сером свитере грубой вязки.

Аптекарь *(оглянувшись).* И что?

Барменша. Муж нашей Офелии. Муратов. Бывший студиец.

Аптекарь. Этой миловидной брюнетки, перед которой все распускают хвост?

Барменша. Фи. Старый сплетник.

Аптекарь *(пожимая плечами).* Ну, если вы настаиваете, что старый…

Барменша. Извините. Вот он машет мне. Он такой дружелюбный, положительный… чего ей не хватало?.. *(Отвечает на приветствие.)*

В дверь стучат.

Рудик. Закрыто, закрыто, друзья мои!.. Театр-кафе по регламенту имеет право на репетицию! Через пару часов с новыми силами распахнем и дверь, и наши сердца. Да, да, будем вам рады!..

Барменша. Если хотите знать, она строгих правил. Они в разводе. И вот он берет отпуск и приезжает из Петербурга, чтобы уже повидаться с ребенком. Ребенок, конечно, целый день с бабушкой и очень любит отца. Отец любит ребенка. Бабушка любит обоих, а точнее сказать, всех троих. Но счастья так и нет.

Аптекарь. Вот это драма, я понимаю. А она кого любит?

Барменша. До сих пор всё в тумане.

Аптекарь. В пьесе написано, что Офелия любит Гамлета.

Барменша. Между трагедией театра и комедией жизни могут быть расхождения, Самарий Ильич, что б вы знали. Вот сейчас вы поймете.

Мимо стойки проходит Гусев.

Я могу на одну минуту завладеет вниманием господина режиссера?

Гусев. Вне сомнений, пани Бланка! *(Подходит.)*

Барменша. Познакомьтесь. Это Самарий Ильич. Он аптекарь.

Гусев. Да, конечно. Кто же в нашем городе не знает Самария Ильича. Начиная с подросткового возраста…

Аптекарь *(перебивает).* Как всегда, к вашим услугам.

Барменша. Гусев, скажите, у вас есть проблемы с печенью?

Гусев. К сожалению!.. А что, заметно?

Аптекарь *(вглядываясь в его лицо).* Если я не ошибаюсь, у вас гепатит «А» в начальной стадии.

Гусев. Так вы подтверждаете?

Аптекарь. Таки да.

Барменша. Господин Гусев, это не о вашей ли печени на днях тут убивалась одна молодая особа? Она просила помочь ей достать довольно дефицитное лекарство… С названием, если мне память не изменяет, ревигидон. Импорт пониженной доступности.

Гусев. Возможно, что-то такое было.

Барменша. Она уши всем прожужжала. Но оказалось, господин Гусев, что ревигидон такое же средство от печени, как клизма от кашля.

Гусев. Что вы говорите?

Аптекарь. Да, к сожалению. Мы хотели ей объяснить, но она уже с кем-то договорилась и поспешно ушла. Может быть, вы напутали?

Барменша. Нет, Самарий Ильич, он не напутал. Гусев, вы знали, что это средство против зачатия.

Гусев *(смеясь).* Ну, конечно, знал! Это же шутка, пани Бланка!.. В театре шутят. В театре играют!

Барменша. Хорошие шутки! А к ней, между прочим, муж приехал. Что он может подумать, а, Гусев?

Гусев. Это розыгрыш, пани Бланка. И больше ничего. И не берите в голову. Вот увидите, она не обидится. *(Отходит.)*

Барменша *(качает головой).* Ай-яй-яй!.. Поди разберись. А я бы смертельно обиделась. И перестала иметь с ним дело. Будь он хоть трижды гений. Так надсмеяться над девушкой, вы только подумайте…

Аптекарь. Фармакология и шутки вообще, что б вы знали, две вещи не совместные.

Нюша *(с антресолей).* Пани Бланка, тут один раздолбай не хочет платить.

Барменша. Чего?

Нюша. Я знаю?.. Говорит, не имеет чем.

Барменша. Нюша, спросите, а что он имеет оставить в залог? Золотые часы он имеет? Или серебряный портсигар?

Нюша. Да ну его! *(Смеется.)* Да-да, сейчас… как же!.. Руки-то убери!..

За столиком, смеясь во весь белозубый рот, сидит ***Клиент*** *в линялой курточке, лысый, с трехдневной щетиной.*

Он щипается!.. *(Смеется.)*

Барменша. Спросите, что он вообще хочет?

Гусев. Нюша! Иди сюда.

Барменша. Или он хочет вздремнуть на диване?

Нюша, спустившись по лестнице, подходит к Гусеву.

Гусев. Давай счет. *(Берет у нее счет, рассматривает.)* Он что, и вино пил?

Нюша. А то! Два фужора красного.

Гусев. Фужера, Нюша. Держи… *(Расплачивается.)* В следующий раз вина ему не давай.

Нюша *(В сторону Клиента)*. И проваливай!

Гусев. Да черт с ним, пусть посидит.

Клиент. Кофе неси… хрюша! *(Хохочет.)*

Нюша. Вот тебе! *(Показывает кукиш.)*

Гусев. Принеси ему кофе. Двойной. Да покрепче.

Барменша *(Аптекарю).* Так вот он сидит… Это я о муже Офелии. Ему надо было платить за гостиницу, а вы ж понимаете, какие у него отпускные, я вас умоляю. И тогда – что, как вы думаете?.. Тогда теща, душевная женщина, ставит ему в кухне раскладушку. Можете себе представить, чем это все закончилось?

Аптекарь. Они снова сошлись?

Барменша. Самарий Ильич, я надеялась, что вы более тонкий знаток женской психологии…

Аптекарь. Опять разошлись?

Барменша. Конечно! Офелия собрала рюкзачок и ушла из дома.

Аптекарь. А он?

Барменша. А он взял раскладушку и пришел сюда. Ну, и что, я его выгоню?

Аптекарь. Можно себе представить… Скажите, а роль Клавдия кому выдана?

Барменша. Нашему Петру Кузьмичу, владельцу кафе. Он же и спонсор всего представления! Что вы!.. Такой дефицит!.. А что, Самарий Ильич?

Аптекарь. Да так, ничего.

Гусев. Не вижу Офелии! Рудик, кого еще нет?

Рудик. Кроме Офелии, вся труппа в сборе! *(Участникам.)* Ребята, мигом!.. Освобождаем сценическое пространство!..

Сдвигают столики к стенам.

Барменша. Она таки не придет. И правильно сделает.

Гусев. Рудик, пошла работа над текстом!

Рудик. Внимание! Текст! Осве-жаем!..

Студийцы, стоя в центре зала с тетрадками в руках, замыкаются – каждый в коконе своей роли. Глаза их подергиваются поволокой, губы непроизвольно шевелятся, странный трепет овладевает чертами лица. Кто-то, сделавший выбор, всё для себя решивший, рубит пространство рукой, кто-то машет ею, как большевик на трибуне, иные раскачиваются, нащупывая тайные ритмы сценического поведения.

Аптекарь *(наблюдая студийцев).* Скажите, пожалуйста, совсем как в синагоге.

Пауза. Лишь неясное бормотание.

Рудик. Медитация!..

Костюмы ложатся к ногам исполнителей, они остаются в черных трико, босиком. Возникает скопище ломаных, хрупких, как бы стеклянных звуков, извлекаемых из ксилофона. Позже вступает кларнет.

Студийцы медитируют, каждый в меру своих возможностей и разумения. Все находятся во власти непроизвольных движений, вызванных нервной судорогой или лукавством, или воображением. Продвинутые движутся в полном забытье, как сомнамбулы. Слышны бормотание, всхлипы, вскрики, рыдания. Новички им подражают. Подавальщица Нюша, наблюдая всё это, разражается смехом – раз, второй… Рудик на нее шикает.

В конце медитация подчинена строгому ритму, чередованиям силы звука, приливам, отливам, и становится похожей на общий танцеобразный ритуал. (Продвинутый автор подцепил это на медитации в театральной студии Токийского университета «Васэда». Они, кстати, уверяли, что так начинать репетицию завещал Станиславский.)

Гусев. Камертон!

И вот звучит голос Джона Гилгуда в роли Гамлета (или в иной шекспировской роли). (Тут автор не выступает в роли глашатая нового, а глубоко ретрограден. Странное дело, в Ленинграде 60-х годов, по сю сторону глухого железного занавеса, в кинозале Дворца культуры промкооперации по утрам демонстрировались иностранные фильмы без перевода в помощь

гражданам, изучающим иностранный язык. Языка я не изучал, но к зарубежному кино питал пристрастие. Так довелось увидеть Гамлета с Джоном Гилгудом, голос которого до сих пор стоит у меня в ушах.)

Студийцы тем временем одеваются.

Гусев. Осветители?

Голоса. Здесь! Здесь!..

Барменша. А ее таки нет. *(Качает головой.)*

Гусев. Ставим свет первой сцены. *(Подходит к Аптекарю, негромко.)* Господин Шварцман, можно ваш плащ ненадолго?

Аптекарь. Мой мантель? Я прихватил его, поскольку вечерами прохладно… Да-да, одалживайтесь!

Гусев. Благодарю.

Барменша. Гусев, я не согласна с вами. Вы не обидитесь? Вы же знаете, я всегда говорю то, что думаю. Пусть будет немного бархата, кружев, всяких там тюрлюлю, я знаю… Для глаза же приятно. Дайте уже отдохнуть людям, так всё надоело…

Гусев *(смотрит на плащ).* Вы совершенно правы, пани Бланка. Но пока бархата нет, вы позволите плащ?

Барменша. А что делать? Вся жизнь прошла под присказку: и так сойдет.

Гусев. Спасибо.

Гусев становится посреди зала лицом к стене. Голос Гилгуда стихает.

Пошла фонограмма!

Звучит Прелюдия Баха, гаснет все освещение, в темноте возникает луч света, который проецирует на стену огромную тень Гусева в накинутом на голову плаще.

Крупнее!.. Еще… Чуть-чуть не в фокус… пусть будет размыто… Вот так хорошо.

Тень движется.

Веди меня, веди… ме-едленно… вот та-ак…

Гусев делает несколько шагов и останавливается.

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

С антресолей доносится голос Клиента, новизна которого привлекает внимание всех участников студии.

Голос. Так слушай.

Гусев. Я готов.

Голос. Уж близок час мой,
Когда в мучительный и серный пламень
Вернуться должен я.

Гусев. О бедный призрак!

Голос. Нет, не жалей меня, но своей душой
Внимай мне.

Гусев. Говори, я буду слушать.
Голос. И должен отомстить, когда услышишь.
Гусев. Что?
Голос. Я дух, я твой отец.
Приговоренный по ночам скитаться,
А днем томиться посреди огня,
Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла…
(Здесь и далее перевод Б.Пастернака.)
Гусев. Ну, и так далее… *(Наверх.)* Спасибо, Олег! Свет в зал!

Аплодисменты. Дольше всех хлопает Нюша. Барменша с Аптекарем тоже хлопают.

Барменша. Но вы не думайте, Гусев – не Гамлет. Почему-то он считает себя дублером. А настоящего Гамлета, так чтоб принц датский, царских кровей, пока еще нет. Говорит, что он нам скоро представит. Я только не знаю, где он его возьмет. Принцы на улице не валяются. До областного смотра осталось два месяца. Но, похоже, мы остались и без Офелии. *(Сама с собой.)* А что, мне больше всех надо? Остались и остались…

Возвращается обычное освещение. Но на прежних местах уже не просто посетители кафе, а участники спектакля, принаряженные, как им кажется, по моде эпохи принца датского.

На антресолях – король ***Клавдий****, он же спонсор спектакля и хозяин кафе, с которым до этого беседовал Гусев. У него роскошная шевелюра до плеч, королевская осанка. Нет, он не типичный бизнесмен, он «новый русский», но с «чертовщиной». На лестнице* ***Полоний*** *и* ***Лаэрт****. Внизу –* ***Горацио***, ***Розенкранц*** *и* ***Гильденстерн****, а также всевозможные* ***лорды, леди и офицеры.***

А за стойкой бара, скромно потупясь, стоит не Барменша, а королева ***Гертруда*** *в мантии и в короне. Лишь Аптекарь, Нюша и Клиент на антресолях остались в своих костюмах. Клиент, облокотившись на перила, молча наблюдает за тем, что делается внизу. Гусев, возвращая плащ Аптекарю, замирает перед Гертрудой.*

Гусев. Та-ак… Восхитительно.
Барменша. Из гардероба мадам Червонной.
Гусев. Ваше величество, я поражен. *(Делает ей придворный поклон.)*

Аптекарь с немым изумлением смотрит на Королеву, а затем, прихватив свой плащ, начинает пятиться к выходу.

Барменша *(величественно).* Самарий Ильич, останьтесь.

Аптекарь кивает и возвращается на свой табурет. Гусев обходит медленно артистов в сопровождении Нюши.

Гусев. Ну, и принарядились… Розенкранц, это что?
Розенкранц. Плюмаж.
Гусев. Нюша, что это?
Нюша *(пожимая плечами).* Я знаю?.. Петушиный хвост какой-то…

Гусев. Вот видишь, Нюша не верит. И я не верю. Нюша у меня будет как Станиславский. *(Двигаясь дальше.)* Гильденстерн… Это?..

Гильденстерн. Камзол такой. Так написано.

Гусев. Веришь?

Нюша. Еще чего!

Гусев. Не верит. Рудик, возьми на заметку. Нюша Гильденстерну не верит. Дальше!.. *(Поднимаясь по лестнице.)* Очаровательно! Каков Лаэрт! И шпагу достал. Молодцом. Ему поверим.

Лаэрт. Рад стараться!

Гусев *(Полонию.)* А это кто?.. Да вас и не узнать, товарищ Полоний!

Полоний. Стараемся!

Гусев *(входит на антресоли. Оглядев Клавдия, прикрывает лицо ладонью).* Ваше величество! Глаза слепнут! Буйство фантазии. Кто бы мог подумать! Откуда?..

Король *(скромно потупившись).* Были кое-какие резервы. В каптерке секции фехтования покопались…

Гусев *(Нюше).* Как?

Нюша. Умереть-уснуть.

Аптекарь. Вот этот биндюжник-першерон будет играть короля?

Барменша. Да. А что вас так волнует?

Аптекарь. Тихий ужас.

Барменша. Но он выставил такое условие. Теперь у нас так: у кого деньги, тот и король.

Гусев. Ваше величество, вы представляете, если бы я включил в смету нашего представления костюмы эпохи, сколько понадобилось бы бархата, сколько парчи, шелка, батиста… А поддельные драгоценности! А дорогие сердцу каждого простака аксессуары и прочий реквизит. Да-а, вам пришлось бы раскошелиться. Я же прошу у вас как генерального спонсора, если хотите, продюсера проекта всего лишь тридцать метров благородного черного бархата для ширм. Это что вас разорит? Или вы хотите удивить жюри конкурса черной бумагой?

Клавдий. Да, но… я несу большие убытки…

Гусев. Вы отказываетесь от престола?..

Клавдий *(испугавшись).* Нет!.. Я не в этом смысле… *(Достает калькулятор, что-то бубнит. Гусев отходит.)*

Аптекарь. Но как вас угораздило стать королевой?

Барменша. А я знаю? Он предложил и я согласилась. Какая бы женщина устояла, вы можете мне сказать? Немного побуду, какая разница… За те же деньги. Тем более, что играть будет прима из областного театра мадам Червонная – вы ее знаете.

Аптекарь. Кто же ее не знает.

Барменша. Ну, вот. А я королева на черный день.

Гусев *(опершись о балюстраду).* Милостивые дамы и государи! Благодарю вас, вы очень старались. Подавальщица Нюша при виде вас пришла в неописуемый восторг, то есть, чуть не уписалась…

Нюша. Гусев, полУчите!.. *(Замахивается.)*

Гусев *(уворачиваясь).* Пардон, мадемуазель!.. *(Всем.)* Ваши наряды еще больше пришлись бы по вкусу обитателям областной психиатрической больницы. Розенкранц, продемонстрируйте ваш плюмаж. За что вы обесчестили соседского петуха?.. Вы что, не могли догнать страуса?.. О боже. *(Спускаясь вниз, на ходу.)* Единственная моя надежда на то, что вы не хуже английских матросов шхуны «Дракон». Когда после многодневного плавания, достигнув берегов Африки, капитан увидел, как от распущенности, безделья и пьянки погибает его команда, он принял решение ставить «Гамлета». И матросы разыграли его на палубе своего корабля за здорово живешь!

Барменша. Что вы говорите!..

Гусев *(внизу)*. Да-да! Можете мне поверить! А мы что с вами – глупее? Или бесталаннее? Или пить не умеем? Разыграем не хуже. Нюша, веришь?

Нюша. Верю!

Гусев. Вот и я не сомневаюсь. А теперь я вам, наконец, представлю человека, который сыграет принца Гамлета. Одну минуточку!..

Гусев отходит к мужу Офелии Муратову.

Барменша *(в смятении)*. Как?.. Это Муратов?.. *(Переглядывается с Аптекарем, тот пожимает плечами.)*

После недолгих объяснений Муратов снимает с себя свой свитер и отдает его Гусеву.

(Муратову.) Благодарю вас, сэр!.. Итак, прошу любить и жаловать, – Гамлет, принц датский! *(Подбрасывает скомканный свитер до балюстрады).*

Безымянный Клиент, лысый и с многодневной щетиной, тот, что препирался с Нюшей, выпрямился, уже в свитере, у балюстрады, улыбнулся – рот до ушей – и помахал рукой. По залу пронесся вздох разочарования. Повисла пауза.

Гусев. Что, не нравится?.. А вы думали какой? Кудрявый? Да?.. Прекрасно-задумчивый? В берете со страусиными перьями? В белых чулках? Читали вы, черт возьми, Шекспира или нет? Камзол Гамлета был порван, чулки спущены до щиколоток и в пятнах, выражение лица дико! Он был дебошир и сквернослов. Недаром помирали со смеху матросы, подмастерья и извозчики.

Рудик *(страстно)*. А с матерью? С Офелией как обращался? Как с потаскухами. Да он просто подонок!

Гусев. У вас дома не так?

Рудик. Не так.

Гусев. Ну, хорошо. Только не выступайте… Я буду говорить. Итак, Олег Твердохлебов, новый член нашей команды, можно сказать с уверенностью – в будущем ее лидер. Мы вместе учились в Москве. У нас есть кое-какие совместные достижения. Были и ошибки, разумеется… Но пораженья от победы ты сам не должен отличать. Так ведь, Олег? Мы и не отличаем. А?..

Твердохлебов. Нет-нет. Всё перепуталось. Пораже-побе-пораже!..

Гусев. И снова «побе»!.. Что касается музыки, то монолог «быть или не быть» он исполняет под гитару, как в 18 веке, когда его превратили в романс. Гитары не было, разумеется в Дании в интересующее нас время, но были струнные, – щипковые и смычковые, – лира, рота, фидла… Какая-то тагельхарпа, черт бы ее задрал. Ну, будем считать, что гитара им всем наследует. Так что с появлением Твердохлебова у нас есть твердый шанс взять первенство на областном конкурсе в нашей номинации и показаться в Москве. Я ждал его, пока нянькался с вами, ждал в полной уверенности, что… Кстати, Твердохлебов, могу я сказать, где ты ошивался последние два года, пока я тебя ждал?..

Твердохлебов. Ради бога!

Гусев. Он работал над ролью. Над ролью, заметили?.. Но в тюрьме.

Общий вздох удивления.

Барменша. Хорошенькое дело.

Гусев. Да-да!.. Идеальные условия для работы над ролью, как я понимаю! Но не рекомендую!.. Он был настолько самодостаточен, настолько погружен в роль, что не нуждался в партнере. Он сам себе был партнером. Так, Твердохдебов?

Горацио. А на шпагах он тоже дрался сам с собой?

Гусев. А это мы сейчас проверим. *(Выдергивает шпагу из ножен Розенкранца и посылает ее наверх, Твердохлебову. Тот ловит и спускается по лестнице вниз.)*

Гильденстерн передает свою шпагу Гусеву. Противники сходятся. Идет бой на шпагах по всем правилам театрального искусства, сопровождаемый возгласами студийцев и визгом Нюши в самых рискованных местах. В итоге Твердохлебов выбивает шпагу у Гусева. Нюша страстно вцепляется и осматривает руку Гусева в надежде обнаружить ранение и залечить его.

Гусев. Цел, цел!.. Спасибо, Нюша, довольно. Мы видим, что этот вид искусства партнера все-таки предполагает. Так, Твердохлебов? Хотя на это соглашался, вероятно, не всякий сосед по камере. А может быть, вертухай?

Твердохлебов. Ну, ладно заливать… Какая камера? На поселении я жил. *(Поднимается на антресоли.)*

Гусев. Да, да, конечно, на поселении! Не так уж много за ним и числилось. Удар, превышающий пределы самообороны.

Твердохлебов. И хватит об этом!

Гусев. Ну, ладно. Не сердись, Олег! Труппа в шоке. Он вам расскажет еще. Его опыт бесценен для актера.

Рудик. Вы хотите сказать, уголовный опыт?

Гусев. Рудик, вы талмудист и начетчик, как говорили в дни моей молодости… Много вы поняли. Гамлет был трагический мыслитель. И жил тоже, кстати, в тюрьме. Под названием Дания. И был аристократ духа. И глубоко порядочный человек. Таков и Олег Твердохлебов. У вас будет уйма поводов в этом убедиться. И только обстоятельства, сложившиеся в Эльсиноре…

Твердохлебов *(перебивает, негромко и буднично).* Последнее время – а почему, я и сам не знаю – я утратил всю свою веселость, забросил все привычные занятия; и, действительно, на душе у меня так тяжело, что эта прекрасная храмина, земля, кажется мне пустынным мысом; этот несравненнейший полог, воздух, видите ли, эта великолепно раскинутая твердь, эта величественная кровля, выложенная золотым огнем – все это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров. *(В руках у него оказывается гитара, тихонько наигрывая, он спускается вниз. Обходит участников спектакля, останавливаясь то перед одним, то перед другим.)* Что за мастерское создание – человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего!

В это время в кафе появляется ***Мальва****, застывает возле стеклянной двери. За спиной у нее рюкзачок.*

А что для меня эта квинтэссенция праха? Из людей меня не радует ни один; нет, также и ни одна… *(Обращаясь к Мальве.)* …хотя вашей улыбкой вы как будто хотите сказать другое.

Мальва. Да!

Пауза. Участники спектакля превращаются в обычных зрителей, зачарованных настигшей их импровизацией. Внезапно роль у Твердохлебова, выразительно на него посмотрев, перенимает Гусев.

Гамлет. Офелия? – В твоих молитвах, нимфа,
Все, чем я грешен, помяни.
Офелия. Мой принц,
Как поживали вы все эти дни?
Гамлет. Благодарю вас; чудно, чудно, чудно.
Офелия. Принц, у меня от вас подарки есть;
Я вам давно их возвратить хотела;
Примите их, я вас прошу.
Гамлет. Я? Нет;
Я не дарил вам ничего.
Офелия. Нет, принц мой, вы дарили; и слова,
Дышавшие так сладко, что вдвойне
Был ценен дар, – их аромат исчез.
Возьмите же; подарок нам немил,
Когда разлюбит тот, кто подарил.
Вот, принц. *(Передает аптечную упаковку.)*
Гусев *(с церемонной улыбкой).* Прости меня, Офелия, прости!.. *(Падает на колени.)*
Мальва *(пожимает плечами).* Да?.. Не знаю, что мне делать.

Пауза.

Барменша *(громко).* Ну, пусть она простит!
Мальва. Офелия прощает вас. А Мальва – нет!
Барменша. Правильно, правильно!.. Гусев, это справедливо.

Все бурно аплодируют. Возгласы восхищения, среди них – Нюшин: «Верю! Верю! Верю!» Короткое затемнение.

Кафе снова открыто для публики. С улицы время от времени кто-то заходит. Надо ли говорить, что лучшие столики заняты студийцами. Нет недостатка клиентов и за стойкой бара. Вскоре на галерею поднимутся Гусев и Твердохлебов и займут столик у балюстрады, в стороне от всех.

За столиком Мальвы ***Зинаида.***

Зинаида. И это у вас Дания, не пойми какой век?..

Мальва. Всё условно, Зина… Кстати, Гусев говорит, что «Гамлета» каждая эпоха играла по-своему. И всегда достоверно.

Зинаида. Да. Гусев для меня в этой авантюре самая загадочная фигура.

Мальва. Ну, Гусев… Ему дано от Бога. Он по-своему гениален. Сколько придумано – это же фейерверк. Я даже вижу иногда, до чего ему скучно с нами.

Зинаида. Ну, с тобой всё ясно… Для него лично от итогов конкурса много зависит?

Мальва. Да почти всё.

Зинаида. Значит, он скоро может сделать вам ручкой. Вон, как твой Муратов мне делает.

Из своего угла ей, улыбаясь, машет Муратов.

Мальва. Вполне вероятно.

Зинаида. Но это же вам невыгодно.

Мальва. Что, вытолкнуть на поверхность Гусева? Да, по-моему, мы всё должны для этого сделать.

Зинаида. Ну, Мальва, ты неисправимая альтруистка.

Мальва. А я люблю одержимых.

Зинаида. Я вижу. *(Отвечает на приветственный жест Муратова.)* Не подойду. Перебьётся.

У стойки Барменша и ***девушка.***

Барменша. Рудик, можно тебя?

Рудик подходит.

Рудик, это Регина. *(О* ***девушке****, сидящей за стойкой.)* Скромная интеллигентная особа. Не замужем. Ты же видишь. Рудик, пусть она будет в студии.

Рудик. Но у нас больше нет свободных ролей.

Барменша. Ей не нужна роль, я тебя умоляю. Тебе нужна роль?

Регина *(кокетливо).* Смотря какая.

Рудик. Нету никакой. В пьесе вообще дефицит женских ролей, вы же знаете.

Регина. И у вас дефицит, подумать только…

Барменша. Хорошо, толпа там есть?

Рудик. Есть.

Барменша. Вот пусть она побудет в толпе. У нее дома неважные жилищные условия.

Рудик. Пойдемте.

Регина. А как я буду одета?

Рудик. Никак! В купальном костюме.

Регина. А мне что тут играть?

Рудик. Ящерицу! Рептилию!

Регина. Нет, кроме шуток!

Рудик. Гадюку, готовую ужалить!

Регина. Ну, прекрати! У меня каскад хорошо получается.

Рудик. Какой каскад?

Регина. А вот этот. *(Показывает опереточный «каскад», который лучше всех исполняла когда-то незабвенная Гликерия Васильевна Богданова-Чеснокова.)*

За столиками шум, смех, кто-то хлопает.

Гусев *(смеется).* Пусть остается! Мало ли что… как дело повернет.

Рудик *(его передергивает).* Оставайтесь, черт с вами. *(Отходит.)*

Рудик подсаживается к столику Гусева.

Рудик. Идут и идут!.. Я говорю: вы знаете, что здесь вы будете нужны весь, целиком. Это схима. Это как масонская ложа. Да-да. Мы понимаем. Гусев, может быть, довольно массовки?

Гусев. Пусть пока пробуют. Перенастраиваются. Будет кастинг. Отберем.

Рудик. А тут один чувак вообще меня уморил. Я спрашиваю: чем занимаетесь? Он говорит: земные недра. Я говорю: вы геолог? Копаю, говорит, но неглубоко. Где, спрашиваю, работаете? В тресте, говорит. Ну, а что производите-то? Слышишь, Гусев. Могилки! – отвечает. Могилки!.. *(Смеется.)*

Гусев. Натуральный могильщик? Отлично! Пусть приходит с напарником!

Рудик. Я так и сказал.

За столиком Мальва и Зинаида.

Зинаида. Ну, в общем, с бывшим мужем понятно, обратно ты его не возьмешь.

Мальва

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.